

3 РУССКАЯ РЕЧЬ 1979

МАЙ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва
ИЮНЬ

В номере:

Важные вехи жизни партии, народа	3
В. И. Кононенко. «Россия, Украина — дружба вечна»	10
Л. А. Гладышева. «Никто не забыт и ничто не забыто»	16

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 180-летию А. С. Пушкина</i>	
Е. П. Ходакова. Начало новой традиции	20
В. П. Вомперский. Образ автора в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка»	29
В. А. Плотникова. «Медный всадник», «Кумир на бронзовом коне...»	37
«...Под сенью Пушкина росли» (Пушкин в советской поэзии)	43
А. И. Горшков. Язык «действительной живописи»	47
М. О. Чудакова. Гоголь и Булгаков (окончание)	55
<i>К 80-летию Л. М. Леонова</i>	
А. Н. Кожин. В слове Леонова — пульс времени	60
Г. Н. Щеглова. Речевые характеристики в пьесе «Обыкновенный человек»	67
Л. И. Еремина. Диалог в романе «Русский лес»	71
Н. Г. Бабай. «Труден подъем к простоте».	76

КУЛЬТУРА РЕЧИ

К. С. Горбачевич. Русское ударение. III	81
С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (летосчисление)	87

ЛЕКСИКА

В. П. Даниленко. Термины в современном русском языке	90
Е. Ф. Петрищева. Зачинщик и зачинатель	96
В. Н. Перетрухин. «Такая короткая долгая жизнь»	100

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

М. Н. Нестеров. Частотные словари русского языка	105
М. С. Суханова. Обратные словари	108

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Л. И. Скворцов. С. А. Копорский (1899—1967)	113
А. В. Сулова. Н. М. Тупиков и его Словарь	116

СРЕДИ КНИГ

Т. А. Ганиева. Энциклопедия «Русский язык»	120
Ю. Ф. Хаустова. В. Я. Дерягин. «Беседы о русской стилистике»	121

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Н. Х. Низаметдинова. Максим Грек	124
--	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. Михаликне. В Венгрии учат русский	131
--------------------------------------	-----

ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНЫ МОСКВЫ

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Сокольники	136
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Л. А. Мизяева. На седьмом небе	141
А. Н. Шустов. Чугунка и пароходный дилижанец	145
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение)	151

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Руководство сектора или сектором?	99
Меж- и между-; Двойные и одиночные согласные в заимствованных словах; «Все флаги в гости будут к нам...»	154

ВАЖНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ ПАРТИИ, НАРОДА

О книгах Л. И. Брежнева
«Малая земля»,
«Возрождение»
и «Целина»

Есть книги, которые при своем появлении сразу же становятся событиями духовной жизни и культуры народа, вызывая глубокий и живой интерес у людей разных поколений. Книги Л. И. Брежнева входят в их число. Они наполняют нас гордостью за свою страну, за наше время, за советского человека — воина и труженика, открывателя неизведанного, покорителя нового. «Малая земля», «Возрождение», «Целина» широко читаются и обсуждаются не только у нас: они переводятся на другие языки и знакомят зарубежных читателей с важными страницами истории нашей страны, нашего народа.

Каждая из книг посвящена крупнейшей вехе в истории нашей Родины, трем беспримерным народным под-

вигам — в годы войны, в период восстановления и в битве за большой целинный хлеб.

Великая Отечественная война явилась испытанием прочности нового общественного и государственного строя, испытанием дружбы социалистических наций и народностей, политики ленинской партии, силы и крепости духа народа. Все эти испытания были выдержаны с честью в трудные и долгие военные годы.

«Малая земля» — одна из страниц Великой Отечественной войны, но страница незабываемая. «И она [Малая земля], — говорится в книге, — великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев». В боях на Малой земле — как и на других участках войны — советские люди проявили массовый героизм и мужество, выстояли и победили. Как живые, встают со страниц книги майор Ц. Л. Куников, старший лейтенант Н. В. Старшинов; участники десанта, небросающие при бомбежке оружие и боеприпасы; мужественные «старички»-саперы, ночью доставляющие плоты под огнем врага; солдат, «убегающий» самовольно в свою часть, в самое пекло боя. Это о них, о богатырях духа, пишет Л. И. Брежнев: «Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятились с этой земли». В воспоминаниях Л. И. Брежнева война предстает как исполинский труд народа, надевшего солдатскую шинель. И вместе с тем наша победа — это высокий рубеж в истории человечества, освобожденного от угрозы фашистского порабощения.

Книга «Возрождение» развивает тему народного подвига на ином жизненном материале. Мирную жизнь Советской страны пришлось фактически строить заново: многое было взорвано, сожжено, разрушено войной. И это было не простое восстановление хозяйства или возвращение к мирной жизни, а именно возрождение — в подлинном и точном смысле этого слова. Все было впервые, все снова. Из пепла и руин возрождалось народное хозяйство, возрождались созданные социализмом условия жизни людей. Создавалась наука возрождения поверженных заводов, фабрик, электростанций. И все это происходило в сложных условиях международной обстановки, когда капиталистические державы, уповая на на-

ши трудности, пытались диктовать нам свою волю. Жизнестойкость народа, патриотизм и творческая инициатива советских людей, организующая роль партии проявили себя в эти годы в полной мере.

Теплые слова и точные оценки находит Л. И. Брежнев в своей книге для неизвестного героя, спасшего ценою собственной жизни плотину Днепрогэса, для подвига инженера Е. С. Шеремет, сохранившей в годы войны технологические чертежи, которые оказались такими нужными при восстановлении. Такелажник А. Н. Чепига, изобретатель-монтажник Иван Румянцев, Аня Лошкарева и ее бригада — за всеми этими именами мы видим талантливых рабочих людей, их смекалку, находчивость и точный расчет, которые так пригодились стране в трудные послевоенные годы.

Всенародным делом стал у нас подъем целины. Общая площадь освоенных целинных и залежных земель составляет ныне 42 миллиона гектаров. С этих земель страна получает ежегодно миллиард пудов зерна. Эти цифры — итог великой целинной эпопеи, настоящего сражения, выигранного у природы. В книге Л. И. Брежнева «Целина» убедительно и ярко показано, что поднимаемой «новью» была не только казахстанская степь, но и вся хозяйственная и социальная структура огромного района страны, система отношений людей в процессе труда. Получалось поистине так, что люди поднимали целину и растили хлеб на земле, а земля поднимала и растила людей.

Дружба народов Советского Союза, их братская спаянность ярко проявились как в годы войны, так и в мирное время, в годы великого труда. Целина была «планетой ста языков», в ее героическом штурме участвовала вся страна. Герои войны становились героями труда. С чувством великой признательности мужеству советских людей читаем мы в «Целине» рассказы о двух героях, защитниках Ленинграда, Маресьевых мирного труда, мужественных целинниках — Иване Ивановиче Иванове и Леониде Михайловиче Картаузове, а также об их молодых товарищах по труду, первоцелинниках разных поколений. Говоря о целине, Л. И. Брежнев вспоминает о коллективизации, сопоставляет и объединяет эти события как воп-

лощение в жизнь аграрной политики партии и всенародное продолжение революционных традиций: «На целине миллионы советских людей продолжали делать опыт революции, умножали в новых исторических условиях ее завоевания, творили живой опыт победоносного строительства развитого социализма». Целина знаменовала собою важный этап — кардинальное решение зерновой проблемы в масштабах всей страны.

В книгах «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» обобщен огромный исторический опыт партии и народа. Они учат осмысливать и оценивать нашу деятельность в преемственной связи всех этапов истории великой социалистической Родины. События, описанные в книгах,⁴ выступают на широком фоне прошлого и в непосредственной связи с настоящим. Главные герои этих книг — *народ, партия, страна.*

Народ, его представители изображаются в книгах Л. И. Брежнева в сложные и ответственные периоды, когда на полях войны решались судьбы страны, когда уже в мирные послевоенные годы ставились и решались важнейшие вопросы экономического и культурного строительства нашего общества. Весь народ сражался с врагом. Весь народ восстанавливал разрушенное войной хозяйство. Весь народ поднимал целину, строил Запсиб и КамАЗ, строит ныне БАМ...

В книгах ярко показано, как равенство и дружба народов в условиях социализма приводят к принципиально новому типу взаимоотношений между нациями и народностями. «Социализм, — пишет Л. И. Брежнев, — давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальной республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации. Казахстан тому, быть может, самый яркий пример». И действительно, советские люди пробудили целину, а ее освоение дало мощный толчок для всестороннего развития Казахстана. Казахская культура — как и культура любого другого народа СССР — развивается, вбирая в себя лучшее из других национальных культур. В этом единстве — сила социалистических наций и народностей. Национальное, перерастающее в интернациональное и общечеловеческое, а не замыкающееся в себе, определяет поступательное движение всей нашей советской

культуры, всего советского народа, когда судьба каждого человека органически сливается с судьбой его социалистической Родины.

Партия, ее рядовые бойцы и руководители предстают перед нами из книг воспоминаний Л. И. Брежнева и на войне, и в годы мирного труда. Партия, коммунисты всегда были впереди, вели за собою других, показывая личный пример в бою. Это — их главная и единственная привилегия. Именно этой привилегией воспользовался парторг С. Валлиулин, закрывший своим телом вражеский пулемет. Стойкость воинов Малой земли вытекала из их глубокого советского патриотизма и вместе с тем была итогом повседневной партийной работы. «Здесь уместно вспомнить, — отмечает Л. И. Брежнев, — что на фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых три миллиона коммунистов. И пять миллионов советских патриотов пополнили ряды партии в годы войны». В «Памятке десантнику» (идея которой была взята малоземельцами из времен гражданской войны) говорилось: коммунист обязан доказать, что он умеет не только благородно жить, но и достойно умереть.

Партия осуществляла свою авангардную и мобилизующую роль и в восстановительные годы, и в великой наступательной операции за большой хлеб целины. Благо народа, планирование человеческого счастья — высшая цель политики партии. В книгах Л. И. Брежнева прослеживается неустанная и последовательная борьба партии за подъем инициативы народа, за восстановление и укрепление ленинских норм партийной жизни, за осуществление действительно научного подхода к решению больших и малых проблем строительства нового общества.

Страна Советов, ее судьбы в книгах воспоминаний Л. И. Брежнева предстают в глубокой исторической взаимосвязи времен и поколений: освобождение от врага как защита завоеваний революции, восстановление хозяйства и приумножение народных богатств как воплощение на деле идеалов коммунизма — полного удовлетворения материальных и духовных потребностей народа. Неразрывная связь личного и общенационального, судеб людей и судеб России, Родины пронизывает содержание этих книг. Боевой политработник, комиссар в мир-

ные дни возвращается к труду ученого, журналиста, общественного деятеля, хозяйственного руководителя. Вчерашний воин-защитник становится участником возрождения родной страны, а затем едет в Казахстан, прославляет себя трудом как покоритель целины, первоцелинник. И делает он это по призыву партии и по зову сердца, ибо неотделимо его личное счастье от судьбы любимой Родины.

Книги Л. И. Брежнева посвящены переломным моментам в истории страны, крупным этапам в жизни партии и народа. Сливаясь воедино, они составляют широкую панораму всенародного подвига, обогащают наш идейный арсенал, учат историческому оптимизму и на деле утверждают его. Показывая силу и величие героических революционных традиций, произведения эти обращены к сегодняшнему дню и устремлены в будущее.

Признание этих книг советскими и зарубежными читателями, глубокий интерес к ним объясняются не только важностью и актуальностью темы, но и особенностями языка и стиля, манерой доверительной и откровенной беседы, ясностью композиции, емкостью содержания. На протяжении многих страниц своих книг Л. И. Брежнев неоднократно обращается к слову, к его подлинному лексическому смыслу. Он ярко показывает, как страстное партийное слово воевало на Малой земле и на других участках фронта. И мы не можем без волнения читать строки письма-обращения, под которым малоземельцы расписывались своей кровью: «Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев».

Л. И. Брежнев тепло вспоминает о рукописной газете «Полундра», которую бойцы зачитывали до дыр, дружно смеясь над рисунками; дает высокую оценку плакатам-призывам и лозунгам, сопровождавшим движение наших войск от Новороссийска и Киева до Берлина и Праги. Действенная и конкретная наглядная агитация, яркое большевистское слово помогали нам в годы возрождения и мирного труда, в покорении земной и космической целины, на великих стройках. Восхищается Л. И. Брежнев емким украинским словом *перемога* (победа), образным и точным по смыслу, ясным по своей внутренней форме с общеславянским (праславянским) корнем. Он говорит

о нестареем слове *комиссар*, которое, придя из первых лет Октября и времен гражданской войны, продолжало служить и в годы Великой Отечественной (хотя официальным названием было *начальник политотдела*). А вот как он разъясняет политический смысл понятия, стоящего за словом, исходя из буквального его толкования: «Благоустройство — это устройство благ для людей, работа о них. Это всегда не только хозяйственная работа, а прежде всего политика, ошибки в которой дорого обходятся. За ошибки мы всегда излишне расплачиваемся: на войне — людьми, в мирное время — материальными и нравственными потерями».

В метких народных словах, рожденных в конкретных условиях, проявляется образность мышления народа, точность и уместность употребления, профессиональная и социальная их окраска и оценка: *комарик* (легкий самолет), *бескозырки* (глиняные мазанки без крыш), *собачники* (глинобитные конурки для хранения зерна), *землепроходимцы* (случайные люди на целине) и мн. др.

Особое внимание уделяет Л. И. Брежнев словам и понятиям — символам эпохи, выразителям важных общественных событий и свершений: «В старых словарях вы найдете слово „целина“, но не найдете слова „целинник“. Оно родилось в 50-е годы, точно так же как в годы коллективизации появилось слово „колхозник“. Само понятие „целина“ утратило тогда свое чисто земледельческое значение, оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени». Вся страна с благодарностью произносила в годы восстановления имя *запорожстравцев*; с тем же чувством называли потом советские люди *целинников* (а теперь — *первоцелинников*, покорителей целины). С благодарностью говорим мы ныне о *запсибовцах*, *атоммашевцах* и *бамовцах*. Грядущие поколения будут читать по ним историю наших дней.

Подвиг советского народа продолжается. Об этом ярко и выразительно говорят страницы мемуарных книг Л. И. Брежнева.

«РОССИЯ, УКРАИНА— ДРУЖБА ВЕЧНА»

325 лет тому назад в древнем украинском городе Переяславе собралась народная рада — большой совет. В ней участвовали представители всех полков, жители различных городов Украины, местные крестьяне. Прибыло и великое посольство из Москвы. Богдан Хмельницкий произнес речь, в которой говорил о страданиях украинского народа, о его долгой кровопролитной борьбе за свое освобождение, о необходимости воссоединения с Россией. На вопрос: «Все ли тако соизволяете?» присутствующие отвечали: «Все единодушно». Словами «чтоб есми вовеки вси едино были» была подтверждена решимость украинцев навсегда воссоединиться с братским русским народом.

Важнейшее общественно-политическое событие — воссоединение Украины с Россией, 325-летие которого тор-

жественно отмечается в этом году, оказало огромное влияние на укрепление всесторонних русско-украинских связей. Были созданы условия для постоянных контактов и взаимодействия русского и украинского языков, восходящих вместе с белорусским к одному корню — древнерусскому языку, имеющих много сходных черт в произношении, словарном запасе и грамматическом строе.

Ко времени воссоединения на Украине создалась сложная языковая обстановка. Народно-разговорная украинская речь того периода отразилась в героическом эпосе — в исторических думах и песнях, устных сказаниях и легендах. На книжном староукраинском языке велись деловые документы — универсалы, письма, грамоты Б. Хмельницкого, писались полемические и художественные произведения, летописи. В украинских «виришах», школьных драмах и интермедиях ощущались разнотилевые течения, воздействие народно-песенного творчества. Значительным влиянием пользовался церковнославянский язык, вобравший в себя многие восточнославянские черты. Украинский письменный язык активно взаимодействовал с белорусским языком, при этом заимствовал немало польских слов и конструкций.

В нормализации староукраинского языка положительную роль сыграли грамматики того времени — «Грамматика словенска...» Лаврентия Зизания и знаменитая «Грамматіки словенскія правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого. Структура староукраинского литературного языка отражена в грамматике Ивана Ужевича. Украинская лексика зафиксирована в словарях — в «Лексисе» Л. Зизания и особенно в «Лексиконе» Памвы Берынды.

После воссоединения Украины с Россией усилилась связь живой украинской и русской речи, а это в свою очередь способствовало сближению украинского литературного языка с народно-разговорной стихией. Контакты двух близкородственных братских языков становятся постоянными, взаимно обогащающими друг друга.

Известно, например, что русский первопечатник Иван Федоров издал в 1574 году во Львове книги «Апостол» и «Букварь», а в 1581 году в Остроге на Волыни — Острожскую библию. В Киево-Могилянской академии, крупном центре образования не только на Украине, но и в России и Белоруссии, в XVIII веке вводится изучение русского языка, читаются курсы русской риторики и поэтики. Большое значение в укреплении литературных и языковых

связей имела московская деятельность просвещенных украинцев — Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского.

Важное место в развитии не только русского, но и украинского литературного языка заняла теория трех стилей М. В. Ломоносова, открывшая широкую дорогу в художественную литературу живой народной речи. Отражение воззрений гениального русского ученого можно найти, например, в творчестве украинского писателя и философа Григория Сковороды. В его поэтических произведениях органически сочетались черты украинского и русского языков, церковнославянизмы. Прославляя деяния Богдана Хмельницкого, поэт писал:

Будь славен вовек, о муже избранне,
Вольности отче, герою Богдане.

Под непосредственным воздействием «Российской грамматики» Ломоносова была составлена грамматика украинского языка А. Павловского под названием «Грамматика Малороссійскаго нарѣчя или грамматическія показанія существеннѣйших отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе от чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями» (1818). В этом труде сопоставляются общие и отличительные признаки грамматического строя украинского и русского языков.

Во второй половине XVIII века на Украине широко распространяются произведения русских писателей, а в русских изданиях печатаются украинские песни, думы и стихотворения. В знаменитой «Энеиде» И. П. Котляревского, составившей эпоху в развитии украинской литературы и украинского литературного языка, немало лексических и грамматических заимствований из русского языка. В то же время в «Словаре Академіи Російской» (1789—1794) помещены и некоторые украинские слова, такие как *дѣвчина*, *курень*, *мѣстечко*, *черевик*.

В первой половине XIX века на украинскую тематику пишут К. Ф. Рылеев (поэма «Войнаровский», исторические думы «Богдан Хмельницкий», «Наливайко», «Палей»), А. С. Пушкин (поэма «Полтава», стихотворение «Казак») и особенно широко — Н. В. Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», повесть «Тарас Бульба»). Они мастерски пользовались украинскими словами и выражениями для создания национально-языково-

го колорита, индивидуализации речи персонажей-украинцев.

Творчество великих русских писателей, революционеров-демократов оказывало огромное воздействие на развитие передовой украинской литературы, на формирование идейно-эстетических взглядов, художественной манеры мастеров украинского слова, содействовало сближению книжной и народно-разговорной украинской речи.

Украинские писатели того времени Г. Квитка-Основьяненко, Е. Гребенка, Т. Шевченко, Марко Вовчок принимают деятельное участие и в русском литературном процессе. Известно, что первый украинский роман «Пан Халыцкий» был написан Квиткой-Основьяненко на русском языке. Тарас Шевченко пишет русские поэмы и повести, ведет по-русски дневниковые записи. Шевченко в совершенстве знал русский язык, блестяще владел его образной системой, русским поэтическим словом.

Во второй половине XIX — начале XX века к русской литературе, русскому языку постоянно обращаются украинские писатели-классики Леся Украинка, Иван Франко, Панас Мирный, Михаил Коцюбинский. Они высоко оценивают русское художественное творчество, достоинства русского языка, много и плодотворно пишут по-русски. Глубоко проникновенные слова о русском народе и его языке принадлежат И. Я. Франко: «Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке... И русских писателей, великих светочей в царстве духа, мы знаем и любим» (И. Франко. Сочинения в 40-ти томах, т. 40. М., 1959).

После победы Великого Октября еще больше окрепла и закалилась нерушимая дружба русского и украинского, всех народов нашей страны. Социалистический строй, ленинская национальная политика обеспечили невиданный расцвет экономики, науки и культуры Советской Украины. В тесной взаимосвязи с русским языком высокого уровня развития достиг украинский литературный язык. В настоящее время завершается издание 11-томного «Словаря украинского языка», отразившего огромные запасы современной украинской лексики.

Русский язык — язык межнационального общения и сотрудничества народов — функционирует в республике наряду с украинским языком во всех областях общественно-политической, экономической и культурной жизни, в повседневном обиходе. О связях двух близкородственных

языков образно сказал выдающийся советский поэт Павло Тычина:

Рядом льется наша «мова»
С русской Волгой речевой...
Эта мова — черноброва,
Та сияет синевой.
Кто посеял в нас живые
Задуманные слова?
Ты, чудесная Россия,
Ты, прекрасная Москва.

С этими словами перекликаются поэтические строки Николая Тихонова:

Россия, Украина — дружба вечна,
И с детства я к тому уже привык,
Чтоб слышать рядом прелесть русской речи
И украинский сладостный язык!

Русский язык оказывает благотворное воздействие на развитие современного украинского языка. Через русский язык в украинский вошло много общественно-политических и научных терминов. Благодаря тесным межъязыковым контактам в советский период развились функциональные стили украинского языка — научный, публицистический, деловой.

В украинском языке происходят процессы, параллельные развитию русской лексики, фразеологии, словообразования, синтаксиса, проявляются заметные тенденции к использованию общих для двух языков речевых единиц и стилистико-выразительных приемов.

В русский язык в свою очередь вошли отдельные слова и выражения украинского языка. Широко известны пришедшие из украинского языка слова *хлебороб*, *землероб*, *деланка*, *житница*. Наразрывную дружбу народов нашей страны характеризует крылатое выражение П. Тычины *чувство семьи единой (чуття єдиної родини)*.

На Украине работает большой отряд русских писателей, широко издается художественная, публицистическая, научная и учебная литература на русском языке. Братские связи двух близкородственных языков ярко видны во взаимных переводах. Непревзойденные переводы «Евгения Онегина» и «Медного всадника» А. С. Пушкина принадлежат М. Рыльскому. На украинском языке вышли в свет сочинения М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, М. Горького, В. В. Маяковского,

А. А. Фадеева, М. А. Шолохова. Только в девятой пятилетке в республике издано 833 книги 519 русских писателей общим тиражом свыше 47 миллионов экземпляров. Одновременно лучшие произведения украинской дореволюционной и советской литературы переводятся на русский язык.

Важное событие в общественной жизни республики — завершение перевода на украинский язык «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина в 55-ти томах. Произведения В. И. Ленина на украинском языке обогатили общественно-политическую, научную и философскую лексику и фразеологию, раздвинули границы украинского словообразования, расширили возможности синтаксиса.

Большое внимание уделяется изучению в школах параллельно с украинским русского языка. Родственный характер языков во многом облегчает усвоение лексического и грамматического материала, создает благоприятную почву для установления языковых соответствий, для наблюдений над общими и отличными словами, значениями, формами.

Как пишет академик И. К. Белодед, «умение свободно владеть культурой русской и украинской речи, свободно переходить с одного языка на другой как в письменной, так и в устной практике достигается только в результате хорошего обучения этим языкам в школе» («Русский язык за рубежом», 1975, № 1). Учителя-словесники добиваются высокой культуры речи школьников. Вопросы функционирования русской речи на Украине, взаимодействия двух близкородственных языков всесторонне изучаются языковедами республики.

В. Г. Белинский писал, что, воссоединившись навеки с единокровной ей Россией, Украина открыла себе двери к цивилизации, образованию, искусству, науке. Великий русский критик прозорливо предсказывал ей вместе с Россией большое будущее.

В глубине веков родилась и окрепла дружба двух братских народов — русского и украинского. Она испытана временем, закалена в общей борьбе. «В семье великой, вольной, новой» цветет Советская Украина, навсегда породнившаяся с народами нашей могучей Родины.

В. И. КОНОНЕНКО
Киев

Рисунок В. Толстоногова

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО»

■

Эти слова мы часто встречаем сегодня и в публицистике, и в художественной литературе; старательно выписанные детским почерком они бросаются нам в глаза в школьных музеях боевой славы; мы можем их прочитать и на скромном памятнике возле какой-нибудь маленькой деревушки... Родились они под пером замечательной советской поэтессы Ольги Берггольц и навеки высечены на граните Пискаревского мемориала в Ленинграде:

**Здесь лежат ленинградцы,
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита,
Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто.**

Строки этого стихотворения — «Никто не забыт и ничто не забыто» — стали бессмертными благодаря мысли, лежащей в их основе: глубокой благоговейной благодарности советского народа тем, кто не пощадил своей жизни в борьбе за свободу Родины.

Крылатая фраза Ольги Берггольц является образцом речевого искусства. Не может не восхищать в ней эпическая сдержанность и простота слога: ничего лишнего, ни-

Ленинград. Пискаревское кладбище

каких украшений. Огромная мысль уместилась всего только в одну строку.

Художественное впечатление крылатой фразы углубляется торжественным повтором: дважды, почти в неизменном виде, повторяется одно предложение — и его лексический состав, и синтаксическое построение, и стихотворный рисунок. Но объединение двух таких простых, лаконичных, обыкновенных предложений, организуемых стихотворной строкой, создает замечательный эффект.

В естественном, гармоническом единстве с содержанием строки сливается ее стихотворный ритм. Эмоциональное воздействие крылатой фразы усиливает медлительная торжественность амфибрахия, который звучит здесь размеренно и протяжно, как хатынские колокола.

Эти замечательные слова могут употребляться в контекстах разного характера, обогащаясь при этом дополнительными смысловыми оттенками.

Теперь эти слова обращены к павшим героям многих городов и краев нашей многонациональной Родины: «... Никто не забыт и ничто не забыто. Сегодня по всей нашей стране идут люди к солдатским могилам и воинским обелискам — почтить память павших, помолчать над их священным прахом. Великая война, завершившаяся великой нашей победой..., как никогда крепко сплотила наш народ и наше общество. Нас сплачивает воедино и память о тех, кто с войны не вернулся, сплачивает наше молчание над их могилами» («Правда», 9 мая 1970).

В языке современной публицистики границы употребления поэтического фразеологизма Ольги Берггольц, именно в этом значении, раздвинулись так, что он стал широко применяться как символ вечной памяти и уважения к героическим сынам других народов, отдавшим жизни за свободу своих стран. Многочисленные примеры говорят нам об этом. Приведем некоторые из них: «Заместитель председателя общины Нгуен Мей предлагает осмотреть расположенный неподалеку „дом традиции“. Почти в каждой вьетнамской общине имеется свой дом, где свято хранится история всех ее радостей и горестей. Чтобы живущие помнили. Чтобы потомки знали. И фраза, выжженная в наших сердцах и в нашей памяти — „Никто не забыт, ничто не забыто“, имеет такую же силу для народа Вьетнама» («Правда», 5 августа 1969).

«... Тысячи и тысячи людей и сегодня сквозь пелену слез вчитываются в слова, навечно врезанные в памятный камень: „Никто не забыт, и ничто не забыто“. Наш народ хранит благодарную память о погибших в борьбе с фашизмом своих сыновьях, мы свято чтим бессмертные подвиги солдат Советской Армии... Об этом свидетельствуют величественные памятники, обелиски и статуи, воздвигнутые в Бухаресте и Яссах, Араде, Клуже и других городах» («Правда», 5 мая 1975).

Крылатая фраза Ольги Берггольц может приобрести новый смысловой аспект — она применима не только к тем, кто не вернулся с поля боя, но и к ныне живущим ветеранам минувших исторических битв. В публицистических выступлениях, посвященных им, эта крылатая фраза выражает нравственный долг нынешнего поколения

перед теми, кто потерял здоровье в сражениях войны:
«О чем говорят такие письма? О том, что забота о фронтовиках, инвалидах войны, их семьях становится делом чести многих наших колхозов, совхозов, заводов... Крепнет в людях священное чувство долга, придавая силу закона мудрой строке: „Никто не забыт, и ничто не забыто“... Заслугами солдат Великой Отечественной войны вечно будут гордиться сыновья, внуки, правнуки, праправнуки. Вечно будут им благодарны люди. Во всех случаях. Без исключения» («Правда», 3 октября 1969).

Новый, расширенный смысл крылатая фраза получает также и в тех контекстах, где тема памяти распростирается на наше историческое прошлое: «Десятки тысяч юношей и девушек Приморского края ежегодно участвуют в экспедициях по местам былых битв за освобождение советского Дальнего Востока от белогвардейщины и интервентов. В итоге коллективного поиска юных, проходившего под девизом „Никто не забыт, ничто не забыто“, раскрыты многие славные судьбы, установлены сотни памятников и мемориальных досок в честь героев революции, гражданской и Отечественной войн».

Итак, семантика рассматриваемой крылатой фразы отличается гибкостью и способностью к варьированию. Однако различные семантические преобразования не сопровождаются изменениями лексического состава и грамматической формы устойчивого оборота, который характеризуется редкой стабильностью.

Крылатые слова Ольги Берггольц замечательны тем, что они стали не только явлением языка, но и фактом нашего общественного бытия. Они являют собой яркий пример влияния искусства на действительность. В этих удачно найденных поэтом словах выражен долг памяти народной перед героями войны. Они стали активным стимулом патриотического воспитания, горячим призывом к ныне живущим быть достойными памяти павших, источником вдохновения для писателей, так как в них, по словам С. С. Смирнова, «сформулирована программа действий на будущее нашей военной литературы».

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

К 180-летию
А. С. Пушкина

НАЧАЛО
НОВОЙ
ТРАДИЦИИ

Одной из основных проблем становления русского литературного языка было уточнение роли и места в нем разной по происхождению лексики. Исключительное влияние на решение этой задачи оказал А. С. Пушкин. В его художественной практике сформировались объем и состав лексики, пришедшей из генетически различных источников, и принципы ее употребления. В силу значительности самого творчества поэта и его авторитета среди современников и последователей эти принципы были восприняты последующими поколениями как нормативные.

Пушкин признавал за русской (в том числе народно-разговорной), книжно-славянской и заимствованной лексикой право быть одной из составных частей литературного языка. Сущность пушкинского подхода к отбору языковых средств наиболее четко выражена в его высказывании: «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Отрывки из писем, мысли и замечания. Здесь и далее цитируется: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. т. 1—16, 1937—1949).

Основу языка Пушкина, как и любого другого писателя, составляют общеупотребительные русские слова, типа *рука*, *нога*, *бежать*, *идти*. В то же время поэт отнесся к книжно-славянской

лексики «с тонким тактом и острым чутьем историка» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина). Велика его роль в окончательном утверждении в литературном языке (главным образом в его книжной разновидности) значительного слоя книжно-славянских слов, известных предшествующему периоду. Одновременно поэт сужает сферу употребления заметной части славянизмов, привлекая их лишь в целях подражания древней поэзии, исторической стилизации, воссоздания языка изображаемой эпохи, например, в «Полтаве», «Борисе Годунове». Пушкин употребляет славянизмы и для того, чтобы придать тексту оттенок торжественности, «высокости». А иногда он использует их шутливо, иронически или даже сатирически. Ограничение сфер применения многих книжно-славянских слов художественными (преимущественно поэтическими) текстами говорит о выходе их из активного фонда литературного языка.

В творчестве Пушкина уточняется отношение и к заимствованной лексике. Превосходно владея не только русским, но и иностранными языками, глубоко зная европейскую литературу, Пушкин считал допустимым включение в литературное употребление иноязычных слов — главным образом тех, которые заимствовались вместе с предметом или понятием, не имевшими в русском языке соответствующего наименования.

Историческая заслуга Пушкина состоит в том, что своим творчеством он способствовал обогащению словарного фонда литературного языка за счет внутренних ресурсов, прежде всего — народно-разговорной лексики, в которой Пушкин видел «источник обновления литературной речи» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина). Отношение поэта к этой лексике было сформулировано в теоретических статьях. Отстаивая право художника на свободу в использовании разных языковых средств в своих произведениях, Пушкин неоднократно доказывал, что самые поэтические мысли могут быть литературно выражены народной речью, «языком честного простолюдима» («О поэтическом слоге»). Творчество писателя со всей очевидностью подтверждает это положение.

Круг слов, характерных для непринужденного общения, которые Пушкин вовлекает в свои произведения и переписку, довольно широк. Среди них выделяются слова с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами: *дугик, зверишка, зеркальце, зубок, изумрудец, каму-*

шек, канареечка, канурка, капелька, клячонка, книжица, княгинюшка, куплетец, легохонько, тихохонько и другие; с суффиксами, придающими слову грубоватую окраску: *болгун* (Послание к кн. Горчакову), *свистун* (Дубровский), *бородач* (Бова), *хохлач* (в пренебрежительном обращении к запорожцу: «Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: „Знаете ли вы, хохлачи: что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?“») — Table — talk) и другие.

Можно назвать также некоторые глаголы с разговорной окраской, создающейся с помощью различных приставок. Например, глаголы, обозначающие доведение действия до конца, до крайней степени (с приставками *за-*, *на-*, *пере-*): *заговорить, зачитать, зацеловать, назвать* ‘созвать в большом количестве’, *передавить, перекусать* и другие: «Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю» (Письмо Л. С. Пушкину, 30 января 1823); «Владимир... С толпою названных гостей Сидит за браными столами» (Руслан и Людмила); «...бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обещавшегося им, что при взрыве колокольни на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон» (История Пугачева).

К ним примыкают возвратные глаголы совершенного вида, например, с приставкой *до-* со значением ‘добиться чего-нибудь, достигнуть какой-нибудь цели в результате интенсивного или длительного совершения действия, названного производящим глаголом’ (*дозваться, допытаться, дознаться, доискаться, допроситься, дорыться*), а также с приставками *за-* (*заболтаться, залежаться, засидеться, заслушаться, заспать*), *из-* (*извериться, излениться, изувечиваться*), *на-* (*набегаться, набраться, наговориться, нагуляться, надивиться, накупаться, налюбоваться* и др.): «... тебя не дозовешься» (Капитанская дочка); «Полиция стала доискиваться» (Кирджали); «я с тобою заболталась» (<Марья Шонинг>); «Уж давно без строк приветных Залежался твой альбом» (В альбом); [Сальери] «Я слушал и заслушивался» (Моцарт и Сальери); «Как ты заспался, батюшка» (Гробовщик).

Полноправную литературную жизнь получает значительная часть и других национально-характерных слов. Многие из них в конце XVIII — начале XIX веков воспринимались как стилистически сниженные: они оценивались в Словаре Академии Российской (изд. I — 1789—1794 годы,

«Моцарт и Сальери». Рис. М. Врубеля. 1881.

изд. 2—1806—1822 годы) как «просторечные» (т. е. собственные простой речи) или «простонародные» (т. е. характерные для речи «простого» народа). Так, в произведениях и переписке Пушкина представлены, например, слова (или отдельные их значения), не обладающие экспрессивной окраской: *давать* 'предлагать какую-н. цену, соглашаться заплатить какую-н. сумму', *жара*, *крыша*, *плакаться*, *почта* 'помещение, где производятся почтовые операции', *свидеться*, *свойственник* 'родственник не по крови, а по браку', союз *даром что* 'несмотря на то, что...; хоть и...', *знать* 'как видно' (*не*) *по нутру*, *по-свойски*: «Дай руку... там, за дверью гроба — Не прежде — свидимся с тобой!» (Руслан и Людмила); «За фермуар и за булавку дают 850 руб.» (Письмо Н. И. Павлицеву, 2 мая 1835); «Сатира к Гнед<пчу> мне не нравится, даром что стихи прекрасны» (Письмо А. А. Дельвигу, 16 ноября 1823).

Пушкин, стремясь сделать речь более красочной и выразительной, чаще привлекает «просторечные» и «простонародные» слова, отличающиеся яркостью, эмоциональностью, например: *вертопрах* 'легкомысленный, ветреный человек': «Не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам вертопрахам» (Арап Петра Великого); *лачужка*: «Наша ветхая лачужка И печальна, и темна» (Зимний вечер); *ребячиться*: «Перестаньте ребя-

читься,— сказал Германн, взяв ее руку» (Пиковая дама); *чудесить* 'вести себя странно, нелепо, чудить': «В гневе начал он чудесить И гонца хотел повесить» (Сказка о царе Салтане...); *кропать* 'плохо, неумело писать (стихи)': «Кропай, мой друг, посланья к Лиде» (Послание В. Л. Пушкину).

В пушкинское время еще остро стояла задача, с одной стороны, освободиться от резко грубых, «простонародных» слов, наводнявших «низкие» жанры литературы XVIII века, а с другой стороны — закрепить в литературе, а через нее и в литературном языке, те народно-разговорные слова, которые могли получить общенациональное признание. Опираясь на опыт художественной деятельности своих ближайших предшественников и современников, Пушкин со свойственным ему чутьем производит тщательный отбор лексики. Он отказывается, например, от заметной части таких слов из народно-разговорного источника, которые воспринимались как устаревшие или резко «грубые», «низкие» (типа *уразина* 'дубина', *кучиться* 'просить', *шильничать* 'плутовать, мошенничать'), и утверждает новые, начавшие складываться в данный период (а иногда задолго до него) нормы словоупотребления. В кругу народно-разговорной лексики, используемой Пушкиным, преобладают слова не грубые, не вульгарные. Писатель использует лишь немногие несколько грубоватые слова, например: *белобрысый*: «Один из наших поэтов, отвечал ему другой, сравнил ее с русской, белобрысой красавицей» («Гости съезжались на дачу»); *навалиться*: «Вы же не богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться» (Письмо Н. Н. Пушкиной, 11 июня 1834); *нагородить*: «ай да Соболевский,.. что тут он нагородил» (Письмо М. П. Погодину, 10 июня 1827); *насесть (на кого)*: «Насели ли на Воронцова» (Письмо Л. С. Пушкину, около 20 декабря 1824) и некоторые другие.

Сам по себе широкий доступ слов, характерных для живой разговорной речи, в художественную литературу и переписку, однако, не был новым явлением. Многие предшественники и современники Пушкина свободно вводили эти слова особенно в такие жанры, как басня, комедия, эпиграмма, а также в частную переписку. И все-таки не случайно В. Белинский назвал Пушкина полным реформатором языка, хотя известно, что Пушкин «не создавал никакого „нового“ языка, он не придумывал новых слов, форм и т. п., вообще совершенно не занимался словотвор-

«Дубровский». Пожар в усадьбе Дубровского. Рис. В. Кустодиева. 1923

чеством» (Г. О. Винокур. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959).

Новаторство Пушкина в языке заключалось в том, что поэт установил новые принципы использования лексики в художественном произведении. Новые, пушкинские нормы словоупотребления характерны для зрелого периода его творчества (примерно с 1824 г.). Вначале же он во многом следовал уже существовавшей традиции и вводил народно-разговорные слова и выражения в дружеские и шуточные послания, эпиграммы, сатирические стихотворения. Это считалось вполне обычным и в XVIII веке. В русле традиции было обращение к народно-разговорным словам и в повестях, драмах, сказках — в речи лиц из «простонародья», например, няньки Егоровны и кучера Антона — в «Дубровском», мельника и его дочери — в «Русалке» (оно наблюдается на протяжении всего творчества Пушкина).

С середины 20-х годов XIX века народно-разговорные слова начинают все глубже входить в язык произведений поэта. В художественной прозе они используются не только в тех частях, где Пушкин прибегает к приему повествования от лица вымышленного рассказчика (например, Гринева в «Каштанской дочке», Белкина в «Повестях Белкина» и др.), но и в авторском повествовании, например, в «Дубровском»: «Кирила Петрович *взбесился*; насилиу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлен о ее письме»; «... человек полтора ста солдат *высыпало* из лесу и с криком устремились на вал»; «... разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов, и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли *остервенелые* солдаты»; «... офицер *грянулся* навзничь».

Слова, характерные для разговорной речи, свободно вовлекаются и в критико-публицистические статьи, например: «Те из них, которые не суть еще закоренелые *верхогляды*, принуждены будут в том сознаться» («Ключ к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина»); «Державин *исподтишка* писал сатиры на Сумарокова, и приезжал к нему наслаждаться его бешенством» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Пушкин положил начало новой традиции использования слов «простого» лексического слоя также и в поэзии. Он вводит их в стихотворные тексты, не снижая лирического звучания художественной речи, а достигая при этом особой ее эмоциональности. Тем самым Пушкин разрушает традиционно существовавшую прикрепленность «простых» слов к определенным жанрам, темам или объектам изображения. В зрелый период творчества «простые» слова (с известным отбором) входят в стихотворные произведения, проникнутые глубоким лиризмом, задушевностью или философскими размышлениями. Это, например: *смиреница*: «О, как милее ты, смиренница моя! О, как мучительно тобою счастлив я» («Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»); *убраться* 'удалиться, уйти': «Терял я жизнь и чувства и покой; Но угорел в чаду большого света И отдохнуть убрался я домой» (Послание к кн. Горчакову); *былой*: «Он дал бы грады родовые И жизни лучшие часы, Чтоб снова как во дни былые Держать Мазепу за усы» (Полтава).

Слова, свойственные разговорной речи, органически входят в «высокие» поэтические произведения, подчеркивая драматичность повествования. Так, например, в

«Медном всаднике» они вводятся Пушкиным не только в тех отрывках, где говорится о «простом» герое («Евгений за своим добром Не приходил»; «Бедняк проснулся. Мрачно было: Дождь капал, ветер выл уныло»), но и в монологах царя: «Здесь будет город заложен *На зло* надменному соседу. Природой здесь нам суждено В Европу *прорубить* окно». Особенно важно то, что подобная лексика встречается в авторской речи — вне зависимости от темы и объекта изображения. Например: «Насилье, брань, тревога, *вой*»; «Нева *вздывалась* и *ревела*,.. И вдруг, как зверь *остервенясь*, На город *кинулась*».

Сущность пушкинской языковой реформы состояла в том, что многие народно-разговорные и бытовые средства языка в произведениях Пушкина оказываются в близком соседстве и в органической связи с книжно-славянскими словами. Пушкин, по выражению В. В. Виноградова, «как бы стремится сочетать „крайности“».

Например: «Принес — и ослабел и лег Под сводом шалаша на *лыки*, И умер бедный раб у ног Непобедимого *владыки*» (Анчар):

Люблю, военная столица,
Твоей *твердыни* дым и гром.
Когда *полнощная* царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова *горжествует*,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И, *чуя* вешни дни, *ликует*.

Медный всадник

Необычность такого употребления слов была сразу же подмечена современниками. Часть их восприняла это новшество положительно, а часть отрицательно. Так, журнал «Сын отечества» (1820) отмечал как недостаток соединение «простого» глагола *жмуриться* с книжным словом *очи* в строке из «Руслана и Людмилы»: «От ужаса зажмурия очи». Обвиняли Пушкина в «простонародности», в том, что он употребляет выражения «низкие», «мужицкие», «бурлацкие». Осуждение вызывали и вводимые Пушкиным в авторское повествование «простые» наименования предметов быта и бытового обихода, а также применение «простых» обозначений к нетрадиционным для них объектам. Все это говорит о том, что «еще трудно бы-

ло современникам предугадать те языковые тенденции, которым суждено было возобладать... и вытеснить старую литературную традицию» (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.).

Несмотря на неодобрительные отзывы некоторых журналистов пушкинские принципы употребления народно-разговорной и бытовой лексики в литературе все более и более утверждались, а тем самым узаконивалось их существование в литературном языке — на правах нейтральных средств или с сохранением присущего им налета разговорности.

Итак, Пушкин неизмеримо расширяет границы литературного словоупотребления за счет богатств народно-разговорной речи. В Пушкине, по выражению Н. В. Гоголя, «как будто в лексиконе заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство» (Несколько слов о Пушкине).

Е. П. ХОДАКОВА

Рисунок С. Гавриловой

Народная словесность с начала 20-х годов становится для Пушкина наиболее ярким выражением духа русского языка, его национальных свойств... Народность языка, по Пушкину, определяется всем содержанием и своеобразием национальной русской культуры. Поэтому она может быть вполне оценена «одними соотечественниками». Пушкин признает европеизм, но только оправданный «образами мыслей и чувствований» русского народа. Эти принципы были не отвлеченными правилами пушкинской стилистики, но плодом глубокой оценки современного поэту состояния русского литературного языка. Они определяли метод творческой работы великого поэта.

В. В. Виноградов

ОБРАЗ АВТОРА В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА

«БАРЫШНЯ- КРЕСТЬЯНКА»

Проблема «образа автора» как центра художественного произведения, который объединяет и языковые, и идеологические, и эстетические моменты в индивидуальном стиле писателя, была поставлена в трудах академика В. В. Виноградова.

Законы изменений структур художественных произведений не могут быть удовлетворительно объяснены без внимательного изучения историко-семантических преобразований «образа автора» в композиции произведения, в разных жанрах словесного творчества. «В композиции художественного произведения,— писал В. В. Виноградов,— динамически развертывающееся содержание, во множестве образов отражающее многообразие действительности, раскрывается в смене и в чередовании разных функционально-речевых стилей, разных форм и типов речи, в своей совокупности создающих целостный и внутренне единый „образ автора“. Именно в своеобразии речевой структуры образа автора глубже и ярче всего выражается стилистическое единство целого произведения» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 253).

Образ автора — это одновременно и категория литературной формы, композиции произведения, и категория его содержания, связанная с экспрессивно-оценочной идейной позицией писателя.

Образ автора и автор как историко-литературная личность — понятия соотносительные, но не тождественные. Различие между ними объясняется самостоятельностью ху-

дожественного произведения, функционирующего в обществе независимо от личности автора. Об образе автора можно говорить не только тогда, когда повествование ведется прямо от автора, но и тогда, когда оно излагается строго объективно в форме третьего лица или субъективно в форме первого лица и передоверяется рассказчику. По выражению В. В. Виноградова, рассказчик — это форма литературного артистизма писателя.

В повестях Пушкина, образующих цикл «Повестей Белкина», композиция произведения представляет собой синтез разных стилей, форм и типов речи, объединенных общей эстетической идеей. И образ автора как центр, в котором скрепляются все стилистические приемы реалистического произведения, воссоздается из сложных взаимоотношений между «Издателем А. П.», И. П. Белкиным, его биографом-другом — ненародовским помещиком — и рассказчиками.

Как отмечает сам Белкин, «Станционный смотритель» был рассказан ему титулярным советником А. Г. Н., «Выстрел» — подполковником И. Л. П., «Гробовщик» — приказчиком Б. В., «Метель» и «Барышня-крестьянка» — девицею К. И. Т. Характерно, что сам Белкин указывает на социальное различие между рассказчиками. Так автор подготавливает читателя к тому, что личность рассказчика и его социальная и психологическая точка зрения на характер описываемых событий и на культурно-бытовой уклад жизни будут отражаться в стиле повестей.

Самым сложным для анализа представляется образ Белкина. Он как будто присутствует везде: его именем назван цикл повестей, в предисловии о нем говорит «Издатель А. П.», события его жизни описывает его друг, ненародовский помещик, но установить стилистические и идейно-характеристические принципы создания этого образа очень трудно, так как его социально-языковые приметы четко не выявляются. Именно по этой причине в пушкиноведении существуют полярные точки зрения относительно роли Белкина как писателя.

Одни исследователи склоняются на сторону авторства Белкина, его типической замкнутости и обособленности от Пушкина. Другие, наоборот, отрицают белкинское в стиле «Повестей Белкина» во имя пушкинского. Но правильное всего представляется другая точка зрения, которая осмысливает образ Белкина в логическом плане как конструктивный элемент каждой из повестей, всего прозаического цикла и других произведений Пушкина (например, «Истории села Горюхина»).

Если развивать мысль о Белкине как авторе всего цикла повестей, то следует сказать, что Пушкин приписывает все повести Белкину для того, чтобы нивелировать различия в стиле повестей

цикла, чтобы правильное воспринять всю глубину их культурно-исторического и поэтического содержания с помощью реалистически мотивированного образа Белкина как посредника между «Издателем А. П.» и отдельными рассказчиками.

Такое положение Белкина между Пушкиным, который выступает в роли издателя, писателя, комментатора и историка, и рассказчиками создает возможность пародийного осмысления сочинений Белкина. И если внимательно рассмотреть историко-литературную основу повестей Пушкина, то точнее определяется их полемическая направленность против сентиментализма и романтизма.

Подобное толкование роли Белкина в пушкинском творчестве, предложенное В. В. Гиппиусом и В. В. Виноградовым, представляется наиболее правильным и убедительным и нуждается в дальнейшей разработке.

Для «Повестей Белкина» характерна множественность субъектов повествования, которые создают многоплановость сюжета, многообразие смыслов. Издатель, автор, рассказчики не обособлены друг от друга как отдельные характеры. Они в ходе повествования то сливаются, то противостоят друг другу, что создает возможность для переосмысления художественной действительности, восприятия ее читателями с разных точек зрения.

Вопрос о языковой структуре образа Белкина и его взаимоотношениях с образом «Издателя А. П.» — главная проблема стиля «Барышни-крестьянки», и она может быть решена на анализе внутренних форм повествования.

Вся сложная система оценок и объяснений изображаемой действительности, которая говорит о связи содержания повести с идеями и образами мирового художественного творчества, подчеркивая в них общечеловеческие и национальные черты, должна быть отнесена к образу издателя, к образу гениального художника, к Пушкину.

Рассуждая об уездных барышнях и ссылаясь при этом на мнение писателя Ж.—П. Рихтера, широко распространенное в европейской литературе: «Уважайте индивидуальность в человеке; она является корнем всего положительного», автор «Барышни-крестьянки» пишет: «Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями; но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (*individualité*), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает их души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет

сказано не в суд и не в осуждение, однако *ж nota nostra manet* [т. е. наше замечание остается в силе — В. В.], как пишет один старинный комментатор».

Совершенно очевидно, что в этом отрывке находят свое отражение идейные особенности пушкинского мировоззрения, не сопоставимые с белкинским.

Издатель обнаруживает себя в названии цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.», в предисловии «От издателя», в эпиграфах и в заключительной фразе, обрамляющей весь цикл: «Конец повестям И. П. Белкина».

Эпиграфы проецируют свое содержание, окрашенное иронией, на произведения других стилей, создавая впечатление противопоставления реализма «Повестей Белкина» сентиментально-романтическим нормам старой литературной традиции.

В композиции «Барышни-крестьянки» граница между образом издателя и образом Белкина отличается большой подвижностью, существуют различного рода переходы и соприкосновения между ними. Белкин, провинциальный рассказчик и любитель былей, сближается с образом издателя. Белкин изображает действительность в ее реалистической и культурно-исторической широте и сложности с позиций пушкинского восприятия. Например, портрет Лизы Муромской во время парадного обеда в честь Берестовых рисуется глазами ее отца: «Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы... Лиза, *его смуглая Лиза*, набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как *парик Людовика XIV*; рукава *à l'imbécile* [фасон узких рукавов с пuffedами у плеча — В. В.] торчали как *фижмы у Madame de Pompadour*; талия была перетянута, как буква *инс*, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах».

Авторское *я* в «Барышни-крестьянке» — это фокус, в котором скрещиваются и объединяются все приемы воспроизведения повествования. Именно в нем можно видеть писателя, пропагандирующего принципы реализма в литературе и критически оценивающего стиль повествования рассказчицы.

В ряде случаев изображаемые события воспроизводятся с точки зрения автора как историка помещного быта и духовной жизни русской провинции. «Те из моих читателей, *которые не жили в деревнях*, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек».

С образом Белкина должны быть соотнесены субъективные речевые оценки, говорящие о культурно-бытовом средстве «автора»

с изображаемой действительностью. Муромский — «первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым». «Алексей был, в самом деле, молодец».

Образ Белкина можно обнаружить и в других приемах повествования. Он как бытописатель и комментатор выявляется в серии вставных конструкций, содержащих добавочные попутные замечания и разъяснения, весьма существенные для понимания развития сюжета.

«В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом...». «Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович)».

«Биографическое известие» о Белкине, написанное ненарадовским помещиком, включенное «Издателем А. П.» в предисловие, характеризует личность Белкина только с профессионально-помещичьей точки зрения, но не с творческой стороны.

Стиль Известия ненарадовского помещика исполнен такого благодушия, которое переходит в иронию. В его стиле выступают признаки самопародии (например, «Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как-то мозолей и тому подобного»).

Эту иронию можно отнести только к Пушкину, так как, по определению В. В. Виноградова «ирония здесь свидетельствует о разрыве речи и экспрессии „друга автора“ оценкой и отношением „издателя“ повестей» (В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941 с. 543).

Пародия усиливается, когда ненарадовский помещик начинает высказывать свои взгляды на литературу, сочинителей и на природу художественного творчества. Ср., например, такие отрывки из «Биографического известия»:

«Однако ж имена в них [в «Повестях Белкина»] почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околодка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-то намерения, но единственно от недостатка воображения».

«Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступать полагаю излишним и в мои лета неприличным».

Создается несоответствие между содержанием того, о чем говорит «друг автора», и восприятием этого смысла. Ненарадовский помещик не замечает того, что говорит глупости, а все его оценки и разъяснения в глазах «издателя» приобретают комический смысл.

Таким образом, «биографическое известие» сообщает лишь некоторые факты из жизни помещика Белкина, рисуя его провинциальным ценителем историй, которые ему рассказывали «старая глупая ключница и разные особы».

В повествовании рассказчицы в «Барышне-крестьянке» изображается русский помещный быт 20—30-х годов XIX века. Повествование ведется в сентиментальном стиле, свойственном карамзинской школе. Ведь в карамзинской школе проблема образа автора решалась как проблема писательского автопортрета. Любой персонаж карамзинской литературы говорил словами автора и воспроизводил авторские идеи.

В творчестве Пушкина разрушается субъектная ограниченность повествовательного и лирического монолога, свойственная старой литературной традиции, образ автора строится как сложный и необыкновенно богатый реалистический образ художественного я.

Изучение стиля рассказчицы в «Барышне-крестьянке» девицы К. И. Т. связано с раскрытием идеологии личности, семантической системы ее повествования. Девица К. И. Т.— особа не первой молодости. С позиций умудренного житейским опытом человека она судит о действиях и поступках своих юных героев. Ироническая экспрессия — характерная особенность ее индивидуального стиля. Она начитанна, ее эстетический вкус сложился под воздействием стилистики и поэтики карамзинской школы.

Сентиментальный стиль как приметку женской манеры повествования можно видеть в пейзажном описании, для которого характерны высокие слова, качественные прилагательные, изысканные сравнения, слова, выражающие чувство и чувствительность, формы субъективной модальности (ср. вводное слово *казалось*): «Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, *казалось*, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию, боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, *казалось*, не шла, а летела...».

Присоединительные конструкции с союзами *и*, *а*, основанные на неожиданном ассоциативном соединении слов и фраз, далеких по смыслу,— характерная особенность карамзинской литературной традиции — обильно представлены в стиле рассказчицы. Ср.: «Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в от-

«Барышня-крестьянка».
Силуэты
М. Добужинского.
1923

чаяние ее мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, *два раза в год перечитывала „Памелу“, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России».*

Фразеологизмы карамзинской школы можно выделить в стиле размышлений Лизы после первого свидания с Алексеем и в стиле описания второй их встречи.

Карамзинской традицией определяется стилистический прием олитературивания речи крестьянки. В описании второго свидания Акулины с Алексеем Лиза говорит языком карамзинских героинь: «Лиза слушала его молча. „Дай мне слово,— сказала она наконец,— что ты никогда не будешь искать меня в деревне или спрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я сама назначу“».

Сентиментально-риторический стиль рассказчицы отвергается Белкиным. Происходит смена женской манеры повествования на мужскую, и в стиле повествования появляются сказуемые в форме прошедшего времени в мужском роде. «Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описы-

вать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и так я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была равнодушнее, хотя и молчаливее его».

Вобрав в себя все богатство русской книжной и народной культуры слова, стиль Пушкина рисует жизнь во всей ее социально-речевой и бытовой характерности, во всем богатстве ее содержания, без всяких формальных украшений. В творчестве Пушкина индивидуально-авторский стиль становится основным фактором развития и совершенствования искусства художественного слова и русского литературного языка. В работе над стилем русской прозы Пушкин формулирует принципы историзма, народности, экспрессивной многоликости повествовательного субъекта, реалистической изменчивости образа автора и рассказчика как основных понятий новой литературной стилистики, открытой великим писателем. Эти новые приемы художественного изображения были восприняты и по-разному освоены всеми великими русскими писателями XIX века.

В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

В языке Пушкина вся предшествующая культура русской литературной речи нашла решительное преобразование. Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. Стремительно пройдя через школу Карамзина и его сторонников, Пушкин в сотрудничестве с декабристами намечает новые пути развития национального русского языка: «Все должно творить в этой России и в этом русском языке», творить на основе «совершенного знания свойств русского языка».

В. В. Виноградов

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»,

«КУМИР НА БРОНЗОВОМ КОНЕ...»

В мае 1834 года А. С. Пушкин писал своей жене: — «Ты спрашиваешь меня о Петре? Идет помаленьку; скопляю материалы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 17 томах, т. XV, 1948. — В дальнейшем ссылки даются по этому изданию).

Медным памятником, который нельзя будет перетаскивать с площади на площадь, Пушкин называет «Историю Петра», работой над которой он был поглощен в то время. Под памятником же, который может быть перемещен «с площади на площадь» подразумевается конная статуя Петра I на Сенатской площади в Петербурге. Отлитый из бронзы по проекту скульптора Э. М. Фальконе памятник Петру, известный сейчас всем как Медный всадник, был установлен в Петербурге 7 августа 1782 года. Это свое название он получил после того, как появилась поэма Пушкина «Медный всадник», в равной мере прославившая самого поэта, государственную деятельность Петра и величественно-суровую красоту монумента.

Почему же и в поэме, и в письме Пушкин называет *бронзовый* памятник Петру *медным*? Намеренно он заменяет определение *бронзовый* словом *медный* или нет?

Хорошо известно, что отношение Пушкина к Петру I было двойственным. «Достойна удивления, — писал он в материалах к „Истории Петра“, — разность между государ-

ственными учреждениями Петра Великого и временными его указами... Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика». Многие исследователи-литературоведы и поэты, занимавшиеся изучением поэмы Пушкина «Медный всадник» (В. Я. Брюсов, Л. В. Пумпянский, Г. А. Гуковский, Л. И. Тимофеев, Д. Д. Благой, А. Л. Слонимский, Г. П. Макогоненко и др.), естественно, не могли пройти мимо двойственного отношения поэта к Петру I, отразившегося и в поэме. «В „Медном Всаднике“, — пишет Д. Д. Благой, — Петр предстает как великий исторический деятель, „могучий властелин судьбы“, подчиняющий себе стихию, заставляющий ее слушать человеку, народу; но вместе с тем он и „ужасный“ („ужасен он в окрестной мгле») „грозный царь“, „горделивый истукан“ самовластия. Правда, этот другой облик Петра дан как бы на заднем плане, затенен „лицом“ Петра-созидателя — государственного деятеля, творящего „для будущего“» (Д. Д. Благой. Мицкевич и Пушкин. В кн. Д. Благой. От Кантемира до наших дней. Т. I, М., 1972). Противопоставление Петра, исторического деятеля, Петру, как самовластному самодержцу, «горделивому истукану», «кумиру» дано Пушкиным в поэме вполне отчетливо. Определения-характеристики царя такие, как *ужасный*, *грозный*, *кумир* и *истукан*, вызвали недовольство императора Николая I, самодержавного цензора произведений великого поэта. «Мне возвращен Медный Всадник с замечаниями государя, — записал в декабре 1833 года Пушкин в своем Дневнике. — Слово кумир не пропущено высочайшей цензурой;... На многих местах поставлен (?)». При жизни Пушкина «Медный всадник» опубликован не был, напечатана была только часть «Вступления» в «Библиотеке для Чтения» за 1834 год. Полностью поэма впервые была напечатана в «Современнике» (Т. V, 1837, № 1) с цензурными исключениями и переделками В. А. Жуковского, а затем в Посмертном издании сочинений Пушкина 1841 года.

Слово *медный* к характеристике Петра как грубого и жестокого самодержца, по-видимому, прямого отношения не имело.

Проследим историю употребления прилагательных *медный* и *бронзовый* в литературном языке XVIII — начала XIX веков.

Слова *медь* 'металл красноватого цвета, вязкий и ковкий' и *медный* 'изготовленный из меди' употреблялись в русском языке с давних пор, они засвидетельствованы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Слова же *бронза* 'сплав меди с оловом, а также с другими металлами' и *бронзовый* 'изготовленный из бронзы', иноязычные по своему происхождению, были в XIX веке сравнительно новыми. Первая словарная регистрация этих слов относится к 1780 году (Словарь Нордстета). Бронзовые изделия появились в России раньше, чем слова *бронза* и *брон-*

за уже было известно в середине XVIII века, художественные изделия из бронзы продолжали именоваться медью. В этом отношении показательна история памятника Петру I на протяжении XVIII века. После полтавской победы (1709) Петр I повелел на месте сражения «сделать пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте [т. е. в натуральную величину — В. П.] на коне, вылитую из *меди желтой*, а под нею бой, самым добрым художеством» [приведено Н. И. Павленко. Петр I (к изучению социально-политических взглядов). В кн.: «Россия в период реформ Петра I». М., 1973]. Это распоряжение Петра I осуществлено не было. Следующий монумент Петру I был задуман тоже еще при его жизни, и тогда же (в 1719 г.) были изготовлены первые модели. Отливка статуи Петра I по проекту Карло Растрелли велась в сороковых годах XVIII века (конная статуя Петра с изменениями в декоративном оформлении была позже поставлена Павлом I перед Инженерным замком в Петербурге). По своей инициативе М. В. Ломоносов составил ряд надписей к статуе. Вот конец одной из них: «Взирая на него, Перс, Турок, Гот, Сармат Величеству лица Геройского чудится И мертвого в *меди* бесчувственной страшится» (Надпись 5 к статуе Петра Великого).

Прилагательное *медный*, по данным Ленинградской картотеки Словаря русского языка XVIII века, встречается в сочетании с широким кругом существительных: *медный эфес, щит; медная посуда; медное блюдо; медные башни, врата, колеса, пушки, доски, двери, котлы, втулки, формы, божки, перстни, пуговицы, деньги*. Особое место занимают сочетания со словами-названиями скульптурных изображений: «стоит вызолоченный *медный* ангел, держащий в руке пук цветов» (Ламбер, Новый Телемак); «Где вокруг драконы *медны* ржали» (Державин. На взятие Измаила); «Я *медны* изваял громады Злодеев внешних чтоб карать» (Радищев. Вольность).

В сочинениях Пушкина слово *медный* встречается гораздо чаще, чем *бронза* и *бронзовый*. Кроме сочетания *Медный всадник* (название поэмы), слово *медный* встречается также в сочетаниях *медная голова, медный шандал* и *медное кольцо, медная кольчуга* и *медный шлем, медные шапки* и *медные уздечки, медный образ* и *медный замок, медные пуговицы* и *медные деньги*. А в вариантах еще *медный конь* и *медные пушки*. В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» есть сочетание *медные хвалы* (в значении 'медные скульптуры, воздвигнутые в честь кого-нибудь'): «Её любимые сады Стоят населены чертогами, вратами, Столпами, башнями, кумирами богов И славой мраморной, и *медными хвалами* Екатерининских орлов». В черновых вариантах стиха «— и

медью [с именами]», единственный слѹчай употребления у Пушкина существительного *медь* в значении 'медная скульптура'.

В ряде писем Пушкина упоминается неудачная бронзовая статуя Екатерины II в имении Гончаровых Полотняный Завод. Эту статую Пушкин шутливо называет *медной бабушкой*. Ходатайствуя о переплавке «медной бабушки», Пушкин вел официальную переписку с графом А. Х. Бенкендорфом. Во французском тексте письма к А. Х. Бенкендорфу поэт, говоря о материале статуи, называет его *бронзой* (*bronze*); слово *медь* (*cuivre*) в этом же письме встречается только в сочетании *торговцы медью* (*marchands de cuivre*). Итак, зная различие между бронзой — сплавом, в состав которого входит медь, — и медью (о чем свидетельствует французский текст письма), Пушкин в своих письмах, написанных на русском языке, бронзовую статую Екатерины называет только медной (*медная статуя, медная бабушка*). В этом сказалась установившаяся ранее традиция называть медными художественные бронзовые изделия. Эта традиция сохранялась до конца XIX века.

Однако бронзовые статуи и памятники в XIX веке не обязательно назывались только медными. Так, даже ставший привычным для нас как Медный всадник конный памятник Петру I мог быть назван бронзовым. Вл. Орлов в биографическом романе об А. А. Блоке приводит следующее высказывание Ф. М. Достоевского: «В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из „Пиковой дамы“ (колоссальное лицо, совершенно петербургский тип, — тип петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: „А что как разлетится этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы *бронзовый всадник* на жарко дышащем загнанном коне?“» (Вл. Орлов. Гамаюн).

Но не только бронзовый памятник Петру I называли и *медным*, и *бронзовым*. Те же определения, оказывается, применялись и к памятнику Пушкина в Москве. В 1880 году И. С. Тургенев, воздавая должное великому русскому поэту, назвал этот памятник *медным*. Вот его слова: «Заслуги Пушкина перед Россней велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку; ...он отозвался типическими образцами, бессмертными звуками, на все веяния русской жизни. Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю, и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это светлое знамя — то теперь, когда эта пыль начинает

опадать, снова засиял в вышине водруженный им победоносный стяг. Сияй же, как он, благородный *медный лик*, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и *такой человек*» (И. С. Тургенев. Речь, читанная в публичном заседании Общества любителей Российской Словесности, по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Июнь 1880 г.).

В 1924 году С. Есенин прочел на Тверском бульваре в Москве свое стихотворение, написанное к 125-летию со дня рождения Пушкина. Он обратился к тому же памятнику, но уже как к бронзовому, со словами: «Но эти милые забавы Не затемнили образ твой, И в *бронзе* выкованной славы Трясешь ты гордой головой». И закончил пожеланием, адресованным самому себе: — «Еще я долго буду петь... Чтоб и мое степное пенье Сумело *бронзой* прозвенеть» (Пушкину).

Итак, *медь* и *бронза*, *медный* и *бронзовый* как названия и определения изделий из бронзы прошли долгий путь. Вначале изделия из меди и бронзы назывались только медными или медью, затем преимущественно медными; наконец, определения пришли в соответствие с материалом обозначаемых изделий. Сейчас изделия из меди называются медными, а из бронзы — бронзовыми или бронзой.

В. А. ПЛОТНИКОВА

Рисунок С. Гавриловой

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство.

Н. В. Гоголь

ПУШКИН В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

«...Под сенью Пушкина росли»

Эти слова из поэмы Е. Евтушенко «Казанский университет» наиболее точно определяют то влияние, которое оказал А. С. Пушкин на советскую литературу.

В речи, посвященной 125-летию со дня смерти Пушкина, А. Твардовский сказал: «Ни один из мировых классиков не занимает такого места в современной духовной жизни своего народа, как Пушкин». Творческое наследие Пушкина — неиссякаемый источник вдохновения для всех поколений советских поэтов. В их стихотворениях представлены разные периоды, события жизни и творчества великого поэта, его друзья, герои поэтических и прозаических произведений, места, где родился, жил, творил и похоронен Пушкин — Михайловское и Царское Село, Пушкинские Горы и Святогорский монастырь, Мойка и Черная речка. Все, что связано с именем Пушкина, бесконечно дорого советским людям. Дни рождения самого любимого поэта отмечаются в нашей стране как всенародный праздник поэзии.

В связи с 180-летием со дня рождения А. С. Пушкина и по просьбе читателей помещаем несколько стихотворений советских поэтов, посвященных гению отечественной поэзии*.

Демьян Бедный

В ЭТОТ ДЕНЬ

Это число увековечено,
В календарях всех отмечено.
День рождения
Гения.
В этот день появился на свет
Величайший русский поэт...

Эдуард Багрицкий

О ПУШКИНЕ

(Отрывок)

И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной,
Я вдохновенно Пушкина читал!

Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

Николай Асеев

С КЕМ ТЫ ЗНАКОМ?

(Отрывок)

Пушкин! В поэтах на первом месте,
не постаревший после конца;
нет безупречней и выше чести —
неувядающего венца.
Бешеной царской собакой укушен,
лишь пред народом он шляпу снял;
так его и вознес Опекушин
на всенародной любви пьедестал.

Анна Ахматова

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?...

Виктор Боров

ПАМЯТИ ПУШКИНА

У Черной речки возле леса,
В дымящемся туманами логу,
Еще чернеет пистолет Дантеса
На окровавленном снегу.

Сквозь все эпохи и меридианы
Коварный выстрел в нашу память вмерз.
Никак Россия не залижет рану,
Которую нанес ей подлый Жорж!

Россия-мать, разбойники гуляли
И убивали твой высокий свет.
Убитый — стал он бронзой на бульваре,
И выше слова — ПУШКИН — слова нет!

Его любили — декабристы, Пестель,
Кто виноват? Кого теперь корить?
В тот день оборвалась такая песня,
Какой никто не может повторить.

Течет Нева, воспетая поэтом,
Уходит жизнь в свое течение лет.
По городу иду, но даже летом
Мороз по коже, что убит поэт!

Михаил Дудин

Тесовые заборы.
Горбатые дома.
О, Пушкинские Горы!
Пуховая зима.
Здесь всё для сердца мило:
И сосны, и пустырь,
И тихая могила,
И старый монастырь.
Я странствовал по свету.
Я видел белый свет.
И к своему поэту
Пришел держать ответ.
Не сетовать, не хвастать,
Не изливать души.
А просто молвить: «Здравствуй!» —
И постоять в тиши.

Леонид Хаустов

ПУШКИН

Вот он —
Кольца волос на подушке.
Верный друг неотлучно при нем.
— Подними меня выше! Пойдем! —
Говорит умирающий Пушкин...
И, по-твоему солнце любя,
Став навеки твоими друзьями,
Это мы поднимаем тебя.
Ты в движенье к высокому
С нами!

* Перепечатаны из следующих сборников: Н. Асеев.— «День поэзии» (М., 1962); А. Ахматова. Стихи и проза (Л., 1976); Э. Багрицкий. Стихи и поэмы (М., 1956); Д. Бедный.— «День поэзии» (М., 1966); В. Боков. В трех шагах от соловья (М., 1977); М. Дудин. До востребования (Л., 1963); Л. Хаустов. Стихотворения и поэмы, 1940—1970 (Л., 1970).

ЯЗЫК «ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ»

В развитии русской литературы и русского литературного языка немалую роль сыграли сатирические журналы 1769—1774 годов, и в первую очередь, наиболее замечательные среди них — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек» Н. И. Новикова.

«Новиков по характеру своего дарования прозаик, — пишет Г. П. Макогоненко. — Но он никогда не писал повестей и романов. Жанры, в которых он работал, их своеобразие, их эстетические особенности, принципы изображения жизни и людей — определялись журналом, точнее, теми главными зада-

чами, которые писатель-просветитель ставил перед своими журналами. Таких главных задач было, по меньшей мере, три. Сатирически изображать действительность, пропагандировать важнейшие просветительские истины, и прежде всего идею равенства людей («крестьяне подобны во всем дворянам») и, наконец, заниматься нравственным воспитанием читателей» (Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969).

В журналах Новикова сатира представлена различными оригинальными прозаическими жанрами: ведомости, рецензы, картины и портреты, «Опыт модного словаря щегольского наречия» и др. Но главной литературной формой сатирических журналов было, несомненно, письмо. В этом жанре достигнута была наибольшая глубина содержания и совершенство словесного выражения. Организующую идейную и композиционную роль в каждом номере сатирических журналов играли письма, адресованные издателю от лица различных вымышленных авторов.

Их можно разделить на две основные категории: 1) письма, в которых непосредственно излагались «важнейшие просветительские истины» (например, письма Правдулюбова и Чистосердова в «Трутне»), и 2) письма, в которых создавались сатирические образы их авторов (знаменитые «Письма к Фалалею», «Письма дяди к племяннику» и др.). При этом письма первого рода все же были именно письмами, а не статьями. Язык их, хотя и предельно приближен к «авторскому языку», все же не может с ним отождествляться. В соответствии с требованиями жанра он несколько стилизован. Что же касается писем второго рода, то это были опыты создания языковыми средствами образа повествователя, образа рассказчика в пределах тех монологически организованных контекстов, которые вмещались в жанр письма.

Этот жанр с его специфическими языковыми особенностями был очень удобен для сатирических журналов не только с точки зрения литературных возможностей, которые он открывал для сатирического изображения действительности, но и с точки зрения доступности для широких демократических читательских кругов.

Форма письма предусматривала простоту, непринужденность выражения мысли, не допускала сухости, педантичности, излишней учености. Новиков отлично справлялся с этой задачей. Например, в письме за подписью Прав-

дулюбова он так рассуждает о слабостях и пороках: «Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно... Да и я не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость... Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное» (Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1951).

Новиков стремился выражать свои идеи преимущественно в конкретно-образной форме, пример чего можно видеть в письме за подписью Чистосердова: «... в вашем „Трутне“ печатаемые сочинения многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо: да то беда, что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо: ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело-то в том состоит, что в вашем зеркале, названном „Трутень“, видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинения; однакож злостию напоившие свои сердца люди ставят это на ваш счет. Вот что худо-то!».

*

Обращает на себя внимание совершенный синтаксис всех приведенных отрывков. Как дань традиции выступают некоторые «книжные» конструкции словорасположения, но они относительно немногочисленны («душа... покривиться может», «о том при досуге рассуждают», «какой они от таких дальних околичностей ожидают пользы», «испорченные нравы и злые сердца имеющие люди», «злостию напоившие свои сердца» и др.). Зато широко используются выразительные и емкие в смысловом отношении обороты разговорного языка (будто Иоан и Иван не все одно, по уши влюбиться, прибить до полусмерти, словом сказать, дело иное и т. п.), которые облегчают построение недлинных, просто организованных, легко воспринимаемых предложений. Это обстоятельство следует подчерк-

нуть особо. Синтаксическое усовершенствование литературного языка в прозе сатирических журналов Новикова (как и в повествовательной прозе Чулкова и Фонвизина) было теснейшим образом связано с широким использованием народно-разговорной лексики и, главным образом, фразеологии. Устойчивые словосочетания, отшлифованные в смысловом и синтаксическом отношении длительным «общим употреблением», служили прекрасным строительным материалом для компактных, семантически насыщенных и эмоционально выразительных фраз.

Различные группы народно-разговорной лексики и фразеологии находят широкое применение во всех жанрах новиковской сатиры, в том числе и письмах, в частности, тех, язык которых приближен к «авторскому языку» (что можно было видеть из приведенных выше примеров). Но гораздо шире представлена народно-разговорная лексика и фразеология в «Письмах к Фалалею». Язык их «авторов» — отца, матери и дяди Фалалея — стилизован в первую очередь за счет грубого просторечия. Здесь есть, конечно, определенная связь с традициями комедий классицизма: отрицательные персонажи наделяются нарочито грубым, вульгарным языком. Но в «Письмах к Фалалею» грубое просторечие несет более сложные функции. Во-первых, оно отражает необразованность, некультурность, неотесанность провинциальных дворян, родных Фалалея. Во-вторых — и это важнее — оно служит средством семантической организации текста, несет основную смысловую нагрузку.

В первом письме отец Фалалея в таких выражениях сожалеет о былых временах: «Да что уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность: да чорт ли это слышал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет... А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье!». Но во втором письме план прошлого перемещается в план настоящего и будущего. При этом наро-

чито подчеркивается совпадение лексико-фразеологического материала высказываний: «Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу; и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай!».

В организации текста «Писем к Фалалею» существенная роль принадлежит пословицам и поговоркам, подобранным и расположенным таким образом, чтобы полнее раскрывать нравы и привычки родственников Фалалея. Так, в письме дяди Ермолая встречается много пословиц и поговорок для оправдания лихоимства и взяточничества: «Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в эдакие управители: перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшко, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? я и сам попался было одиножды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал».

Все «Письма к Фалалею» в принципе построены однотипно. Языковые различия между ними очень невелики, но все же ощутимы. В письме матери Фалалея прослеживается некоторое изменение эмоциональной окраски текста в зависимости от того, о ком она пишет — о муже или о сыне. Когда речь идет о муже — усиливается роль грубого просторечия, когда мать обращается к сыну — возрастает роль фольклорных элементов, традиционных обращений, причитаний. В результате образ Акулины Сидоровны вырисовывается как жизненно правдивый образ (жесточкая помещица — забитая жена — любящая мать). Конечно, с позиций последующих достижений реалистической литературы все это выглядит достаточно примитивно, но не надо забывать, что «Письма к Фалалею» писались в 1772 году: «Батька ты мой, Фалалей Трифионович, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное: свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я

тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку; этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты с эдаким чортом, прости господи, сделаешь? Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно приезжай; дай мне на себя насмотреться: сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшко; прости, свет мой: благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой: не позабудь меня».

У дяди Ермолая Терентьевича несколько полнее, чем у отца Фалалея, Трифона Панкратьевича, представлены элементы «подъяческого языка», особенно в его письме к издателю «Живописца»: «А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однакож не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция... Как перед богом не согрешить? как царя не обмануть? как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата: а это дело особое: у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога дом у него как полная чаша, то хотя и украдешь, так не убудет. Глупый человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса».

Языковой строй «Писем к Фалалею» отличается единством, целостностью. Это обусловлено соответствием особенностей лексико-фразеологического состава особенностям синтаксиса. В «Письмах к Фалалею» практически нет «книжных» конструкций словорасположения. Исключения из этого правила единичны (например, в письме Ермолая к издателю «Живописца»: «ты похож на постельную жены моей собачку»). Фразы несколько пространнее, чем в письмах Правдулюбова и Чистосердова, в их организации велика роль бессоюзных, сочинительных и присоединительных связей.

*

Очень искусно, с большим художественным тактом стилизован текст в знаменитых «Копиях с крестьянских отписок». Новиков как «держатель дневной записки» в Комиссии по составлению нового Уложения мог близко и всесторонне познакомиться с жизнью и нуждами крепост-

ных крестьян. Как со стороны содержания «Отписки» поражают разительными картинами бесправия и нищеты, так и со стороны языка изумляют они точным соответствием слова изображаемому и отсутствием всяких чисто внешних атрибутов «крестьянского языка», широко использовавшихся в комедиях классицизма при изображении персонажей из народа.

В «Отписках» не применяется ни грубое просторечие, ни имитация диалектного произношения. Внимание сосредоточено на том, чтобы избежать всего специфически книжного, не соответствующего изображаемой социальной среде, и в то же время так организовать синтаксис и лексико-фразеологический материал, чтобы он как можно полнее, точнее и правдивее отображал конкретную социальную ситуацию: «Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как поволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит».

В «Отписках» широко представлены слова и выражения, связанные с крестьянским трудом и бытом, а также отражающие экономические отношения крестьян с помещиком: скотина повалилась, лошади пали, сена, сход, мир, оброк, недоимка, подушные деньги и др. Ср. также в письме Филатки: «Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал; нечем подняться. Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь: хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином».

В текст «Отписок» введены некоторые элементы «приказного языка»: «буде ты его в том не простишь», «Миром, государь, тебе бьют челом о завладевшей у нас Нахрапцовым земле, прикажи ходить за делом», «Нахрапцов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него

гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка» и т. п. Это вполне соответствует содержанию и «жанру» послания, которое отправил барину «староста Андриюшка со всем миром».

Диапазон представленных в сатирических журналах Новикова стилизованных текстов очень широк. Диаметрально противоположны «Копиям с крестьянских отписок» стилизации, изображающие «щегольское наречие». Последовательные и острые выступления Новикова против жаргона щеголей были частью его энергичной борьбы против галломании дворянской верхушки, за национальную русскую культуру, за национальные русские основы литературного языка. Щеголиха, героиня знаменитого письма к издателю «Живописца», изъясняется таким невероятным языком: «Моп соеуг, живописец! Ты, радость *беспримерный* Автор.— *По чести* говорю, ужесть как ты славен! читая твои листы, я бесподобно *утешаюсь*; как все у тебя славно: слог *расстеган*, мысли *прыгающи*.— *По чести* скажу, что твои листы *вечно* меня *прельщают*: *клянусь*, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции*» (Моп соеуг — мое сердце, фельетировать — перелистывать, дистракция — рассеянность).

Создание в сатирических журналах Новикова разнообразных стилизованных языковых структур, служащих средством построения образа, от лица которого ведется изложение, было заметным явлением в истории русского литературного языка и языка художественной литературы. Опыты Новикова в этом направлении не были случайными, они вытекали из его литературно-эстетических принципов. Новиков отвергал утверждаемую классицизмом сатиру на общий порок и выступал за сатиру «на лицо», т. е. за сатиру на конкретных носителей социальных зол и на конкретные отрицательные явления тогдашней русской действительности, за сатиру, которую он называл «действительной живописью». В «действительной живописи» намечались пути и вырабатывались приемы реалистического отражения жизни.

А. И. ГОРШКОВ

БУЛГАКОВ И ГОГОЛЬ

Окончание. См.: 1979, № 2

В 1936—1937 годах Булгаков пишет «Театральный роман» («Записки покойника») — без черновиков, подряд, с готовым, целиком сложившимся в голове и нигде не зафиксированным планом. И именно в этот роман шпуре всего вошли повествовательные и сюжетные приемы Гоголя, с которыми он в полном смысле не расставался на протяжении пяти-шести предшествующих лет. Чаще всего сцены, рисуемые Булгаковым, ведут к «Мертвым душам».

Торг Гавриила Степановича с Максудовым о «вознаграждении» за пьесу не только ходом эпизода, но временами и текстуально зависим от сцены торга Собакевича с Чичиковым (хотя, конечно, брутальность Собакевича здесь смещена в сторону демонической обходительности булгаковского героя; впрочем, Собакевич *только* брутальнее скорее на рисунке Боклевского). «А какое вознаграждение вы считали бы для себя приемлемым? — спросил Гавриил Степанович, не сводя с меня глаз». (Ср. вопрос Собакевича: «А какая бы, однако ж, ваша цена?»). «Тысячу», — сказал я. «Эх, пропади все пропадом! — лихо вскричал Гавриил Степанович. — Пусть меня потом хоть расказнят, но выдам вам пятьсот рублей. Подписывайте!» (ср.: «Нет, больше двух рублей я не могу дать, — сказал Чичиков. — Извольте, чтоб не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право только для знакомства!» Отметим и здесь и там это упорное сопротивление, облеченное в форму уступки. Элементы игры, некоего театрального действия, к которым прибегает Гавриил Степанович, идут, несомненно, от Гоголя: «Эх, деньги! И зачем они? Вот у меня их нету, и так легко у меня на душе, так спокойно...» — и Гавриил Степанович вывернул карман, *в котором, действительно, денег не было, а была связка ключей на цепочке*. Этот жест (не простое мороченье головы, а вдохновенное действие!) реализует слова Чичикова, обращенные к Собакевичу: «Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить...». Галерея портретов в театре идет от галерей в гостинице Собакевича — от самого подступа к ее осмотру до способа ее описания (несочетаемость портретов).

Любопытно, что «ноздревщина» отнюдь не сосредоточена в «Театральном романе» в одном каком-нибудь герое, а является поочередно в разных (Гавриил Степанович, «пожилой литератор», Бондаревский).

В письме Булгакова Павлу Сергеевичу Попову воображаемый собеседник («человек с острым носом») вбегает прямо в комнату писателя для того, чтоб участвовать в обсуждении его личной литературной судьбы. В «Театральном романе» слово Гоголя вплетается (то усиливаясь, то затихая) в воспроизводимую Булгаковым иную, отделенную от гоголевского мира, реальность как *равноправное с авторским*. Автор романа ведет диалог со своим собратом, приглашая помериться и жизненным материалом и ухваткою в его освоении,— диалог, заключающий в себе и дань уважения «учителю», и почтительный, но не смиренный вызов.

Если вспомнить «бормотанье» булгаковского героя, заболевавшего после вечеринки («Я вчера видел новый мир, и этот мир мне был противен. Я в него не пойду. Он — чужой мир. Отвратительный мир! Надо держать это в полном секрете, тсс!»), то является еще один, более плоский, но несомненно также присутствующий в тексте аспект того широкого включения гоголевского материала, которое мы наблюдали. Гоголь становится единственным союзником рассказчика в его столкновении с «отвратительным миром». Он незримо укрывает его «своей чугунной шинелью», под которой не так слышен шум и веселье все шире и шире идущего «пира». Осваивая этот «чужой мир» гоголевским словом, Максудов находит в себе силы противостоять ему.

Еще в ранней прозе русская литература предстает как внутренняя опора героя в его сопротивлении алогизму быта. Она является как знак нормы, помогающий опознать нарушение этой нормы, осознать его и противопоставить ему некие ценности, и эта функция ее очевидна и в «Театральном романе».

Свободная разработка гоголевского слова в романе сложно соединила в себе самоутверждение автора-рассказчика и утверждение им непрерывности традиции русской литературы. «Классические» гоголевские приемы, сделаны достойным современности, полемически выдвинуты вперед — как не оттесненные и не превзойденные тою современной прозой, которую читает Максудов, думая о своем втором романе и желая узнать, «о чем они [современники] пишут, как они пишут, в чем волшебный секрет этого ремесла». И этот мотив начинает служить как бы ключом к расшифровке значения сильного гоголевского элемента в «Театральном романе». Ничего не разъясняя, Булгаков самим *способом рассказа* указывает на того, кто стал не только для его героя, но и для него самого живым ориентиром в работе над тем романом, который начат был четыре года спустя после завершения первого («Белой гвардии»), а закончен лишь перед самой смертью.

В романе «Мастер и Маргарита» уже нельзя увидеть следов прямого воздействия одного какого-либо гоголевского произведения. Творчество Булгакова вообще так глубоко погружено в мир Гоголя, что многие из его героев и сама художественная их связь в пределах романа или повести не могут быть поняты вне гоголевского контекста. Если менее всего относится это к «Белой гвардии», то более всего — к последнему роману Булгакова, основывавшемуся помимо исторического и евангельского материала

на большом количестве литературных источников и организованном между двумя главнейшими полюсами притяжения и отталкивания — историей доктора Фауста в ее литературных и народных интерпретациях и всей творческой работой Гоголя, включая сюда не одни только художественные произведения, но и статьи его и письма.

Так, Коровьев в совокупности разнообразных, мерцающих его обликов не может быть понят вне гоголевской концепции чёрта, высказанной в наиболее пространном письме к С. Т. Аксакову от 14 мая 1844 года: «Итак, ваше волнение есть просто дело чорта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чинovníк, забравшийся в город будто бы на следствии. Пыль заступит всем, распечет и раскритичит. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а на самом деле он чорт знает что». Гоголевские реминисценции присутствуют в разговоре Коровьева с Никанором Ивановичем: «Эх, Никанор Иванович! — задушевно воскликнул неизвестный. — Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет. Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядяшь, официальное! А бывает и наоборот, и еще как бывает!» Живая актуальность этих слов не мешает услышать в них голос Поприщина: «Да разве я не могу быть сию же минуту пожалован генерал-губернатором, или интендантом, или там другим каким-нибудь?» — притом что весь разговор Никанора Ивановича с Коровьевым в 9-й главе строится таким же способом, как один из разговоров Чичикова с Ноздревым. (Ср. хотя бы: «Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть? — говорил Ноздрев, подступая еще ближе» и т. п.).

В «Мастере и Маргарите» возросло влияние «серьезных» повестей Гоголя, «Вия» и «Страшной мести», — в облике Геллы, в той сцене, когда Варенуха «Римского едва насмерть с Геллой не уходил»: «вытянула, сколько могла, руку, ногтями начала *царапать* верхний шпингалет и потрясать раму» («Вий»: «Он слышал, как *бились* крыльями в стекла церковных окон и в *железные рамы*, как *царапали* с визгом ногтями по железу и как несметная сила громилы в двери и хотела вломиться»); и там и тут крик петуха спугивает нечистую силу).

В полете Маргариты очевидна связь с ночным полетом ведьмы с ее кавалером в «Ночи перед рождеством», но там же и влияние «Страшной мести», уже совершенно преобладающее в двух последних главах романа, в последнем полете Мастера. «После этого раза два или три она видела под собою *тускло отсвечивающие какие-то сабли*, лежащие в открытых черных футлярах, и сообразила, что это реки». Ср. в знаменитом описании Днепра: «Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она *всплывает как полоса дамасской сабли*; а он, синий, снова заснул». «Но кто среди ночи, блещут или не блещут звезды, едет на огромном вороном коне? (...) какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет над горами, над озерами, отсвечивается с исполинским конем в недвижных водах, и бесконечная тень его страшно мелькает по горам? Блещут чеканные латы; на плече пика; гремит при седле

сабля; шолом надвинут; усы чернеют; очи закрыты; ресницы опущены — он спит. И, сонный, держит повод; и за ним сидит на том же коне *младенец паж* и также спит и, сонный, держится за богатыря. Кто он, куда, зачем едет? — кто его знает. Не день, не два уже он переезжает горы (Страшная месь).

Этот всадник, чей облик неверен и почти сливается с горами и небом, кого можно увидеть только ночью, отразился в безмолвном (ср. «сонный») ночном полете Волаанда (самый конь которого, как думает Маргарита, «только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд») и его свиты (с «худеньким юношей, демоном-пажем»).

Всадник у Гоголя въезжает в конце концов на гору, которой «нет выше между Карпатом; как царь поднимается она над другими. Тут остановился конь и всадник, и еще глубже погрузился в сон, и тучи, спустясь, закрыли его»; затем однажды происходит «диво: облака слетели с самой высокой горы, и на вершине ее показался во всей рыцарской сбруе человек на коне с *закрытыми очами*, и так виден, как бы стоял вблизи» (Страшная месь).

«Страшная месь» отразилась, впрочем, еще в первом романе Булгакова, во сне Алексея Турбина: «как огромный витязь возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет». И этот же самый витязь в кольчуге является часовому, охраняющему бронепоезд: «Выходил неизвестный, непонятный всадник в кольчуге и братски наплывал на человека».

Полет в последнем романе Булгакова заканчивается «на каменной безрадостной плоской вершине» и в фигуре сидящего человека, «*глаза которого казались слепыми*», видна связь с гоголевским человеком «с закрытыми глазами» на вершине горы (зато «каменное кресло» Пилата имеет своим прообразом, нам кажется, тот памятник, стоящий ныне во дворе бывшего дома графа А. П. Толстого в Москве, где Гоголь в «чугунной шинели» сидит на кресле). Еще одна фраза в эпилоге романа обращает нас к образам «Страшной мести»: во сне Ивана Николаевича хлещет «лунная река» — «Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина...» («В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо (...) А незнакомая дивная голова сквозь облако так же неподвижно глядела на него»).

Само необыкновенное, кажется, не имеющее аналогий, *про странство* последней сцены романа организовано подобно гоголевскому — вплоть до его «акустики»: «Как гром, рассыпался дикий смех по горам и зазвучал в сердце колдуна, потрясши все, что было внутри его» (ср. «...От этого крика сорвался камень в горах и полетел по уступам в бездну, оглашая горы грохотом. Но Маргарита не могла бы сказать, *был ли это грохот падения или грохот сатанинского смеха*». И далее: «Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил»).

В ранних повестях Булгакова «серьезная», лирическая струя гоголевской прозы является редко, нешироко. В романе же лирический конец «Записок сумасшедшего», мимо которого Булгаков проходил в ранних своих произведениях, служит едва ли не одним из истоков описания последнего полета Мастера («Боги, боги мои!» и т. д.): «...*Взвейтесь, кони, и несите меня с этого света!* Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несетя с темными струями и месяцем; сизый туман стелется под но-

гами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия, вон и русские избы виднеют. (...) Ему нет места на свете! его гонят!» и т. д. Любопытно отметить, что в одной из редакций романа полет Мастера с Воландом происходит над морем.

В последней главе романа исчезает все *смешное* и остается только серьезное. Перемена эта не подспудна — она обнажена в преображении героев, происходящем на глазах читателя. Гоголевский смех уходит со страниц романа, уступая место гоголевскому мистическому лиризму, но исчезает не навсегда. Спустя полгода после завершения романа автор, будто почувствовав необходимость создания некоего равновесия, приписывает к нему эпилог, где не просто оживает смех — где он снова воплощается в формах, близких к гоголевским и особенно к эпилогу «Шинели» (переродившийся Варенуха — «значительное лицо» и т. п.).

В ранней прозе Булгакова, повествующей «от первого лица», гоголевский герой соединен с гоголевским повествователем: рассказ о «маленьком человеке» в окружении сложной, сокрушающе действующей реальности есть в то же время рассказ повествователя о себе, о собственных злоключениях.

Этот же самый герой-рассказчик является много лет спустя в «Театральном романе» — уже не как *будущий*, а как *свершившийся* писатель, художник, и тем открыто мотивируется узурпация героем *авторского* повествовательного тона. А в «Мастере и Маргарите» повествователь снова теряет обличье героя и возвращается к гоголевскому повествователю — глубоко трансформировав свой образец; но вместе с тем он *удваивается*, воплотившись и в одном из героев, который, тоже будучи *автором романа*, бросает ответ своего слова на слово того, кто повествует о нем самом.

Один из ранних героев Булгакова сходит с ума, увидев действительность остранным, непонимающим взглядом — как герой гоголевских «Записок сумасшедшего», почувствовавший приближение истины, но не имеющий сил разгадать ее до конца. Но далее, как уже говорилось отчасти, в гоголевскую тему маленького человека, возвышенную Достоевским до экстаза, до гордыни, Булгаков вводит тему самоутверждения автора. В «Театральном романе» и последних редакциях «Мастера и Маргариты» две эти ипостаси сошлись в одном лице, и вторая в раннем повествовании «от первого лица» остающаяся во многом загадочной, оказалась теперь расшифрованной: у Максудова, как и у Мастера, самосознание великого писателя, и именно оно определяет их отношения с действительностью — духовную победу над ней через физическую гибель. Мастер сходит с ума — но *успев* написать роман, успев запечатлеть угаданную им истину («О, как я все угадал!»), поворачивая тем самым уже не судьбу героев Гоголя, а судьбу самого творца этих героев.

В 1940 году через несколько месяцев после смерти Булгакова его друг П. С. Попов написал: «Жизнелюбивый и обуреваемый припадками глубокой меланхолии при мысли о предстоящей кончине, он, уже лишенный зрения, бесстрашно просил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя».

М. О. ЧУДАКОВА

*Л. М. Леонов,
выдающийся русский
советский писатель,
внес
огромный вклад
в сокровищницу
советской литературы.
Редколлегия
и редакция журнала
«Русская речь»
от души поздравляют
Леонида Максимовича
с юбилеем
и желают
ему здоровья
и творческих успехов.*

**В СЛОВЕ
ЛЕОНОВА —
ПУЛЬС
ВРЕМЕНИ**

Леонид Максимович Леонов очень метко охарактеризовал роль писателя в духовной жизни общества: «...литература — это мышление, следовательно, писатель — это мысль, а мысль — это производное от сердца, разума и гражданской совести; это большая любовь к своей стране, это желание *не получать, а давать*, это путь человека, на которого с особой ревливой надеждой смотрят миллионы граждан» (Л. М. Леонов. Собрание сочинений в 9 томах, М., 1962. Т. 8). Сказанное им с полным основанием можно отнести к характеру его собственного литературно-художественного и публицистического творчества, в котором воплотились его гражданственность, высокая миссия гуманиста нашего времени.

В замечательном романе «Русский лес» воспеты бесмертный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, пламенный патриотизм и величайший гуманизм советских людей.

Каждая фраза этого романа насыщена емким содержанием, передает биение пульса времени, воссоздает эпохальное, исторически характерное. Отражение натиска захватчиков и крах гитлеровской «молниеносной войны» на подмосковных полях осенью 1941 года уложены в небольшое количество строк, раскрывающих звериное обличье фашизма и беззаветный героизм Москвы — столицы первого в мире рабоче-крестьянского государства: «Москва находилась от вражеских полчищ на расстоянии перехо-

К 80-летию
Л. М. Леонова

да — сказочный мираж прежних завоевателей и первой крепость нового мира. В предвкушении отдыха, тепла и солдатских утех, а также добычи пятьдесят вражеских дивизий со своим боевым скарбом разместились на исходных рубежах; снежок таял на разогретом в бою железе и стекал в смотровые щели. Закутанные в краденое тряпье, дыханьем грея коченеющие ладони, завоеватели силились разглядеть что-нибудь утешительное во мгле русского заимка... Здесь фашистской Германии предстояло испытать наиболее кровавое разочарование из всех, когда-либо выпадавших на долю чванливых и неосторожных армий... Весь в оборонительных рубежах, город напоминал матроса в пулеметных лентах времен гражданской войны, и, как в *гражданку*, молча уходили на фронт рабочие батальоны».

Жизненность, правдивость описания боевых будней москвичей в то суровое время — следствие зоркого глаза художника, его мастерства, его внимания и любви к героическим защитникам советской отчизны. Выразительные по своей природе слова обретают еще большую смысловую нагрузку в его произведениях. Для Леонова, по словам самого писателя, — «это дополнительные ступени вовнутрь страницы, по которым можно сойти и осмотреть изнутри описанное явление».

Изображение природы тоже подчинено основной задаче — полнее передать идею произведения. Природа в романе «очеловечивается». Так, например, она, как живая,

помогает Поле Вихровой выполнить свой долг перед Родиной. «И, словно предвидя состояние девчонки, посланной на святое и опасное дело, вся тамошняя природа заторопилась ей навстречу. Она повесила снежную мусть по всей Енге, выслала тугой, с морозцем ветерок и волчью поземку; она подкинула под ноги Поле полуприметную колею крестьянских саней, украдкой от завоевателей приезжавших сюда за сеном, и настрого наказала лесу не сбивать ее с дороги. И старый бор обнял Полю за плечи и повел кратчайшим путем на подвиг...».

Природа в романе протестует против ужасов войны, против зверств завоевателей. Вот как изображаются, например, последствия налета вражеских бомбардировщиков на бронепоезд: «Все кругом вперебой торопилось рассказать о побоище... и деревья здесь выглядели как люди. Одни лежали навзничь с вырванными корнями, другие, даже обезглавленные на бегу, еще стремились вон из западни, наклонясь вперед расщепленными стволами, а наиболее рослые и стойкие, сами в глянцевитых обдирах и ранах, казалось, вели куда-то пошатнувшихся товарищей. Милосердная зима припорошила кое-где, клоками снега заткнула до весны их увечья».

Одухотворяется и боевое оружие советских воинов. О бронепоезде сказано следующее: «Начиналась его фронтовая жизнь. Он охранял станции при разгрузке воинских эшелонов, патрулировал перегоны особого стратегического назначения, и даже при сравнительно ограниченных возможностях бронепоезда в современной войне одно появление его в нужную минутку,— самый лягг приближающейся тяжести с её огневой щетиной удваивал боевой дух пехоты». Авторское повествование насыщается словами, усиливающими торжественно-приподнятый тон описания (благовестие, ликование, внимали),— так, например, изображается начало долгожданного контрнаступления наших войск под Москвой 6 декабря 1941 года: «Ни Сергей, ни Поля не видали, как вся закраина неба вспыхнула у них за спиной; лишь на мгновенье длинные тени пролегли по заалевшему снегу. Воздух наполнился множественным гулом, а затем такое же зарево разлилось по горизонту впереди. Над головой в тысячу струй с беспощадным ликованием неслись эшелоны артиллерийского металла. Затихнув, ребята внимали этому грохоту, как благовестию великой перемены».

Повествование передает беззаветный патриотизм со-

ветских людей в суровые годы войны, их неодолимое стремление к освобождению любимой Родины от вражеского нашествия, и с этой целью автор использует не только риторические средства русского языка (повторы слов, устойчивые обороты речи, фигуральное словоупотребление), но и мифологические образы (змей — крылатое чудовище с туловищем змеи, дракон в народно-поэтическом творчестве; вышибать дух — уничтожать страшное чудовище): «Сплавленные воедино, они уходили отсюда отдать за родину всю свою кровь, капля по капле, уходили вышибать дух из фашистского змея, опоясавшего их столицу; они уходили, и теперь ничего личного не оставалось у них позади, только Москва. В эту могучую воронку движения втягивало и Полю. Одежда на ней стала тесная, словно натуго затянули пояс, а тело само подлаживалось в такт марша».

Прямая речь включается в авторское повествование как средство оценки изображаемого; при этом вводные слова уточняют отнесенность оценочной части текста к источнику информации: «... послать туда тяжелый бронепоезд, чтоб мешал дальнейшей переправе и, как было передано по телефону, держал этих коричневых чертей в лихорадочном состоянии», — так аттестуются фашистские вояки, пытавшиеся пробиться сквозь ряды защитников столицы.

Борьба с гитлеровскими захватчиками, уничтожение живой силы и боевой техники противника показана, как охота на хищного зверя: «За первым налетом последовал второй и третий, и всякий раз в выемку отходили с чувством той охотничьей сытости, как на волчьей облаве, когда, вогнав заряд в грудастого материка, видишь его исходящее злостью и кровью, клонящееся на снег, обмякшее тело. Едва осколки начинали сечь по броне или оседающая земля — царапаться о кровлю, бронепоезд переползал на другой край выемки, сбивая наводку вражеских орудий, чтобы, отстрелявшись, снова спрятаться в свою норку, подобно мальчику, играющему в снежки».

В авторском повествовании причудливо объединяются слова, принадлежащие различным типам речи, — литературной, обиходно-бытовой, обиходно-деловой, профессионально-групповой и т. п. Например: «К несчастью, без Вари и товарища Сапожкова некому стало пожаловаться, что вот не пускают на фронт, хотя уж она-то сумела бы теперь заступиться за эти рубиновые звезды, за долго-

вязого кремлевского Ивана и Пушкина в горностаевом, после метели, плаще, и за веселого, в скоморощных лоскутах и с бубенцами главок, *Ваську* против Спасских ворот, за эту стылую домашнюю реку и необъятные горизонты за ней с дымами московской индустрии» (долговязый кремлевский Иван — колокольня Ивана Великого, Васька — собор Василия Блаженного, домашняя река — Москва-река, Пушкин в горностаевом плаще — заснеженный памятник Пушкину). Слова непринужденно-бытовой речи в этом отрывке как бы обнажают внутренний мир героини: ее благоговение перед святынями своего народа и неодолимое желание встать на защиту национальной гордости.

Слова включаются писателем в необычные для них связи и сочетания и тем самым передают новые оттенки мысли, различные нюансы экспрессии. Так, например, изображается настроение людей на гостевых трибунах во время прохождения частей Красной Армии по брусчатке Красной площади 7 ноября 1941 года (*распикивать по уголкам памяти* — запоминать; *котлованы пятилеток* — промышленные предприятия, построенные в годы пятилеток; *декабрьский поединок* — контрастступление советских войск в декабре 1941 года).

В тексте авторского повествования слова обретают иное осмысление. Так, например, деревья воспринимаются, как люди, и беспорядочная стрельба обезумевшего от страха фашистского пулеметчика, как огневая истерика: «Достав лоскутный кисет, староста с вызывающим спокойствием принялся налаживать махорочную сигарку посолидней, и хотя Киттель мог безнаказанно свалить любое дерево в этом лесу, почему-то стершел его явное вонючее своеволие, а Поле невольно вспомнилась огневая истерика немецкого блокпоста у десятого кордона в прошлую ночь».

Яркими, меткими являются в тексте и сравнения; они могут выступать в объеме слова, словосочетания и даже распространенного словесного комплекса: «Иван Матвеевич подумал, что работа нужна Морщихину скорее как добавочный волевой обруч, как трудная шахматная задача, способная рассеять скуку военных будней». Или вот как показана стойкость инициативных групп депо, взявшихся за постройку бронепоездов для нужд фронта: «На путях близ водокачки стояло плечом к плечу человек тридцать почетных тамошних стариков, зачинатели бронепоезда и ветераны, пролетарская гвардия столицы, колючие и

надежные, как безотказная русская винтовка образца девяносто первого года; сравнение принадлежало Моршихину, встречавшему гостей». Л. М. Леонов часто прибегает к сравнению, объясняя поступки персонажей; в этом случае оно нередко сопровождается развернутым комментированием, характеризующим эмоциональные, волевые, интеллектуальные импульсы, свойственные поведению героя: «часовой подзывал её движением согнутого пальца. У Поли оставалось время оленьим прыжком метнуться в сугроб впереди, и тогда добрый енежский снег принял бы ее, простреленную на лету, в свои объятия: солдат был с автоматом, и с такого расстоянья нельзя было промахнуться».

Словосочетания могут выступать в роли скрытого сравнения, своеобразной метафоры. Так, например, куст огня, взметнувшийся на месте взрыва, приравнивается к разноцветному дереву: «Неизвестным осталось, во что он всадил свои фугасы, но только вслед за рыжей пылью красивое розовое дерево с черным танцующим стволом выросло за кирпичной кладкой и само стало покрываться алыми, недолговечными цветами. И так как ничего нет на свете грозней военных машин и — уязвимей!.. то одновременной целью второй бронеплощадки стали два переправлявшихся танка, вернее — бугристый под ними, с синими натеками лед».

Широко использует Леонов и перифразы, достигая глубокой смысловой и образной насыщенности изображаемого: «Ей быстро далось чувство старшинства перед этими заросшими бородицей чернорабочими войны, однако она так и не овладела до конца спасительным бесстрашием, к чему, казалось бы, невольно приучает белый халат»; «По словам лейтенанта, всего месяц назад он самолично наблюдал гибель одного бронепоезда ПВО, застигнутого на базе армейского снабжения... полторы дюжины самолетов в течение получаса разгружались на зажатое между двух глубоких воронок героическое железо, до последнего дыхания извергавшееся громами, как вулкан».

Чернорабочие войны — советские воины, героическое железо — бронепоезд — это очень оригинальные и точные перифразы, передающие тончайшие оттенки оценочного отношения к изображаемому.

В словесной ткани художественного текста используются эвфемизмы. Так, в сцене, изображающей исход

воздушного боя, удачно используется выражение *летальный исход* по отношению к сбитому самолету: «...случился воздушный поединок. Четыре самолета, сцепленные невидимой ниткой, кружили в рябеньком таком небе, сверкали плоскостями... и весь госпиталь с крылец или из окон следил за ходом боя, пока один, с черным крестом, не обратился в бегство, а другой, наш, прочертил дымом падающую кривую, обычную при летальном исходе».

Благодаря интеллектуальной и образной весомости леоновская фраза часто перерастает в афоризм: «То был первый урок разведчика — не сдаваться при любой обстановке: не всякое сопротивление беде награждается избавлением от гибели, но всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению... четверть часа спустя Поля вышла прямо на задворки лесной деревушки».

Смысловая емкость, экспрессивная полифоничность слова придает художественной ткани леоновской прозы образную зримость, необыкновенную живописность, эмоционально-мыслительную напряженность. Слово Л. Леонова передает биение пульса времени, выступает в роли оруженосца жизненной правды, в роли глашатая, зовущего читателя любить свою землю, любить свой народ и делить с ним и горе и радости.

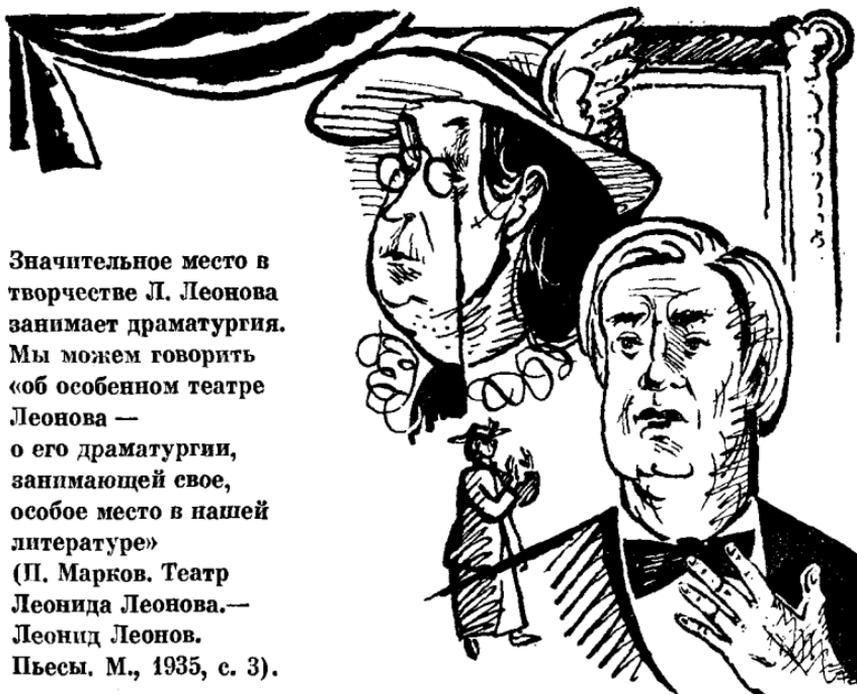
А. Н. КОЖИН

Книги Леонида Леонова — это энциклопедия живого русского слова, мастерская слова алмазной твердости и алмазного блеска. Под его пером свершается чудо — многие слова приобретают новую жизнь, раскрывая свою дотоле незамечаемую красоту и силу.

С. Сартаков

Один из путей к созданию емкого образа — емкий язык. Он может удивительно сокращать и уплотнять ткань повествования. Языковая формула должна быть, как кристалл анилина: бросаешь его в среду, и он дает подцветку. В языке — как и в живописи: вам нужен совсем не тот цвет, но вы берете противоположный оттенок, и он вызывает нужное впечатление.

Е. Старикова

Значительное место в творчестве Л. Леонова занимает драматургия. Мы можем говорить «об особенном театре Леонова — о его драматургии, занимающей свое, особое место в нашей литературе» (П. Марков. Театр Леонида Леонова. — Леонид Леонов. Пьесы. М., 1935, с. 3).

РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПЬЕСЕ «ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Л. М. Леонов был всегда непримирим к мещанству в любом его проявлении. В своих произведениях он стремился обнажить психологию мещанина, показать его полное духовное банкротство. Гротеск и гипербола — художественные приемы, при помощи которых Леонов точно выписывает «внутро» мещанина. В пьесе «Обыкновенный человек» — это Констанция Львовна и артист Ладыгин.

Портрет Констанции Львовны, данный в ремарке, подчеркивает отношение к ней автора: «Ладыгин живописно приветствует еще невидимую за порогом гостью, В комнату важно и сердито всту-

нает массивная, с усиками, без единой сединки дама, в шляпе с бывшей птичкой и в пенсне на длиннейшем шнурке, в руке вместительная сумка с замком, издающим звук, точно перекусывают кость». При встрече с Верой Артемьевной, женой актера, она разыгрывает мелодраматическую сцену, где отчетливо просвечивает неискренность, лживость её натуры. Восторженные восклицания: «Молчи, дай мне глядеть на тебя. Те же брови, тот же невыразимый взгляд... Боже, как ты похожа на мать!» сменяются плаксиво-трагическим: «Твоя мать. Она умирала у меня на коленях». Когда же выясняется, что тетья Констанция в это время была в другом городе, то даже тогда патетическое настроение её не снижается, и она «безутешно» декламирует: «Тем тяжелее, мой друг. Быть в разлуке в такую исключительную минуту».

«Невыразимый взгляд», «исключительную минуту» — все эти слова — от желания показаться доброй и благородной дамой, войти в доверие.

Развенчивая мнимую «необыкновенность» тети Констанции, драматург сталкивает в её речи разную лексику: возвышенную и «низкую», разговорную. Например, «...Я устроила ему грандиозную варфаломеевскую ночь и укатила»; «Вообразите: вечер, и шлепают колеса по аметистовой воде, и хочется грезить о чем-то несбыточном...». Так, слово *укатила* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «то же, что уехать (разг.)» и рядом с ним фразеологизм *варфаломеевская ночь*, или с разговорным *шлепать* красивое сравнение *аметистовая вода* и возвышенное сочетание *грезить о... несбыточном*.

Дешевый артистизм Констанции Львовны подменяет отсутствие искренних привязанностей и забот. Увидев дочь после долгой разлуки, она не находит ничего лучшего, как назвать её «поэтически»: «моя роза», «черная роза моя».

Констанцию Львовну автор наделяет даром перевоплощения: мнимо-взволнованные интонации сменяются вульгарно-равнодушными. Она говорит в соответствии с ремарками, то «томно», то с «пылом», то «плачевно». Чуткая интеллигентная дама, какой она кажется сама себе, она вместе с тем бесцеремонна с окружающими, развязна. Обращения к ним: *мой друг, девочка, милочка, мой мальчик, дружок, мой несчастный дружок* — звучат фальшиво или слащаво. Констанция Львовна невежественна, корыстна, и через призму этого она рассматривает поведение и других людей.

«К о н с т а н ц и я. (вызывающе) Как же ты не понимаешь, Кира! Алексей Иванович даже к выбору невесты подходит научно. (Её голос звенит) Он кидает под стол трехрублевую бумажку и смотрит в щелку, не стянешь ли ты её украдкой... (жестко)... А

когда ты протянешь руку за этой бумажкой, он тебя за руку-то хватать!».

Обнажается сущность Констанции Львовны, и речь её звучит без прикрас, грубо, даже вульгарно, чему способствуют экспрессивно окрашенные глаголы: *кидает, не стянешь, хватать*. После такого явного разоблачения уже никого не могут обмануть «кроткие» слова её, обращенные к Вере Артемьевне: «Верочка, можно взять у тебя кусок черного хлеба на дорогу?» — эта игра в «несчастную».

Другой колоритной фигурой в пьесе является артист Ладыгин. Его речь так же точно характеризует образ. Ладыгина сразу не поместишь в ряд положительных или отрицательных героев. Автор лишь выделяет отдельные моменты его поведения, которые красноречивее обстоятельных описаний дают представление об образе в целом.

Ладыгин — известный оперный певец, внешне вполне респектабелен. Но вот постепенно в образе проступают черты, достойные осуждения: страсть к вещам, высокомерие и безразличие к людям. Сам Ладыгин пытается их спрятать за высокопарностью выражений. Он все время позирует, рисуется, стремясь убедить других в своей необычности и талантливости. Попытки выдать себя не за того, кем он является на самом деле, драматург передает в основном посредством книжной, возвышенной лексики, неожиданных патетических интонаций.

Вот как Ладыгин вспоминает о своем друге: «Но подружился мы, когда наша дивизия, уже краснознаменная, стояла под Херсоном. Кудрявый, бессребреник, литого золота человек... Он жарко меня любил и все пророчил мне славу. Помню, накануне моего отъезда на учебу в консерваторию мы до рассвета просидели на обрыве, над рекой. Рваные, веселые, голодные и молодые!».

Ладыгина, по прошествии многих лет, уже ничто не связывает с фронтовым другом. Метафорическая лексика, употребляемая применительно к Свеколкину: «литого золота человек»; «он жарко любил меня», книжные слова: *пророчил, бессребреник* усиливают впечатление искусственности его возвышенной речи, желание спрятаться за слова, когда нет искренности чувств.

Ладыгин, когда он становится сам собой и не играет на публику, часто употребляет обыденные, ходовые слова, просторечия: «Меня уже племянник забивает». Значение слова *забить* в Словаре С. И. Ожегова: «кого (что) Превзойти кого-н. в чем-н.» (прост); «Вдолби ж им, что гости, гости у меня» — *вдолбить* «то же, что толковать» (прост) (там же).

Фальшь речи персонажа особенно очевидна в эпизодах, предвосхитивших встречу его с другом юности Свеколкиным, встречу,

которая хоть и всколыхнула какие-то чистые воспоминания в Ладыгине, память о том времени, когда вместе с другом «хлеб делили пополам и спали под одной шинелью», но больше испугала, смутила актера: «...бокось: ввалится какой-нибудь кассир с портфелишком, маленький и лысый... увидит эти вещи, напьется, нахамит. И вся мечта рухнет к черту!».

В рассуждениях Ладыгина о «старых друзьях», которые «всегда нуждаются», которым «негде ночевать» и у которых всегда какие-то «африканские несчастья» торжествует обывательская пошлость. Здесь нет и тени лирических настроений. Но чтобы смягчить грубый смысл своих размышлений, он прибегает к спасительной фразе, звучащей в его устах столь же торжественно, сколь и фальшиво: «Дружба — чувство мужественное, и я не хочу, чтобы оно выродилось в жалость».

Окончательно выдает Ладыгина сцена встречи со Свеколкиным, принимаемым им за кассира, и потому подтвердившим все его самые неутешительные прогнозы. Но, по-прежнему, Ладыгин «театрально» восклицает: «Рад был любого, в опорках и язвах, обнять тебя, Паша Свеколкин. И вчера я даже сразу как-то учуял, что ты в зале (И уже сам верит в это)».

Наряду с разговорным *учуял*, в чувствительном монологе присутствует возвышенная метафорическая лексика: *красные пламена, тысячеглазая тишина, роса истории*.

Автор развенчивает патетику персонажа, показывая проницательное отношение к нему других лиц в пьесе: Алексея, Аннушки, Свеколкина, которые видят актера «без грима».

В разговоре с племянником Алексеем, который лучше других видит, как изменился его знаменитый дядя, Ладыгин не притворяется, незаметно для себя он переходит на откровенный язык мелкой житейской мудрости: «Жизнь надо ломать, как мед, и жрать из пригоршни». И уже совсем откровенно: «Меня в детстве отовсюду гнали, и все кругом было: нельзя, нельзя, нельзя. Я слишком долго ждал, братец, когда все будет: можно, можно, можно!»

Итак, самое приметное в характерах Ладыгина и Констанции, при всем их различии — это поза, игра. Их притворство разоблачается прежде всего собственной речью.

Л. М. Леонов в пьесе «Обыкновенный человек», как и в других своих произведениях, показал себя замечательным мастером слова. Давая выразительные, точные речевые характеристики, он показывает психологию, привычки, отношение к жизни своих героев.

Г. Н. ЩЕГЛОВА

Рисунок В. Комарова

ДИАЛОГ В РОМАНЕ «РУССКИЙ ЛЕС»

Диалогическая речь — это разговор, беседа, а иногда — драматический, эмоционально-напряженный «словесный поединок» двух или нескольких лиц.

В языке художественной литературы XIX—XX веков открытый, непосредственно звучащий диалог обычно пересекается с внутренним, скрытым диалогом — размышлениями про себя: каждый говорящий не только спрашивает, отвечает, но и заранее готовится к ответу, размышляет про себя. И вот эта-то внутренняя речь может находиться в очень сложных отношениях с его внешней речью, открыто звучащей. Диалогическая речь дополняется еще системой жестов, мимикой; взгляд, голос, тон — все эти перечевые средства общения учитываются в системе диалога.

Например, в романах Льва Толстого есть целые «немые» и «полунемые» диалоги. Взгляды, жесты, позы, мимика переводятся «в слова», то есть служат своеобразной заменой, эквивалентом речи, которая понимается и принимается, как почти «язык слов».

Так, Алексей Александрович Каренин и Анна повяли друг друга, не произнеся ни одного слова в сцене скачек. Анна «почувствовала сбоку устремленный на себя взгляд холодных глаз своего мужа.

Она оглянулась на мгновение, вопросительно посмотрела на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

— Ах, мне все равно, — *как будто сказала она ему и уже более ни разу не взглядывала на него*» (Анна Каренина).

Звучащая речь иногда становится только «шумовым фоном». Вот как об этом говорится в стихотворении А. А. Фета «Когда мечты мои за гранью прошлых лет...»:

...В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,
По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту пустых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом...

Леонид Леонов использует в своем творчестве все достижения русской классики. Он замечательный мастер диалога, раскрывающего психологическое состояние героев. Что же внес Л. Леонов нового в структуру диалога?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу текста.

Возьмем для разбора ту сцену из романа «Русский лес», в которой только что приехавшая из провинции в Москву Поля встречается с незнакомой пожилой женщиной в полупустой коммунальной квартире. Поля вошла в комнату и увидела: «...Сидя на детском стульчике, женщина чинила вздетый на руку шелковый чулок (...)

— Вы бывали прежде в Москве? — продолжая работу, спросила женщина.

— Я и родилась здесь... но четырёх лет меня увезли в лесничество.

— Ваш отец служит в лесу?

— Нет, он здесь, он состоит... — почему-то замялась Поля, — ну, лесным профессором!

— Значит, вы живете врозь с отцом?

— Мама разошлась с ним, когда я была маленькая совсем. Он даже довольно известный, имеет много специальных трудов, только... человек он оказался плохой.

— Кто же посвятил вас в историю семейного разлада, мать?

— А никто.

— Тогда почему же вы думаете, девочка, что он плохой человек?

— А потому... потому что мама хорошая! — возвысила голос Поля.

И дальше не могла остановиться, пока не выплеснула всего, что, подобно илу, отстоялось на душе. Получалось одно к одному, что и наука его скучная и профессор он, надо думать, неважный: не зря же то и дело хлещут его в лесных журналах за то, что из-за деревьев леса не видит. Ладно еще, что подружки этих стаетек не читают, а то затравили бы Полю насмешками да допросами, на какой помойке ухитрилась себе такого родителя подобрать».

Как видно уже с первого чтения, диалог укладывается в вопросно-ответную форму, «пожилая женщина» только спрашивает, а Поля только отвечает. Рассказчик почти не пользуется ремарками: на весь диалог их всего три: одна — в самом начале, вторая — в центральной части и последняя, третья — комментирует заключительную реплику. Какие же средства собственноречевой характеристики здесь использованы? Прежде всего мы должны обратить внимание на подчеркнута правильную речь «пожилой женщины», спокойно и уверенно строит она свой «допрос». Именно эта спокойная уверенность в своем праве задавать вопросы «девочке из провинции» служит средством разоблачения и характеристики в этом диалоге. Посмотрите, с какой обстоятельностью и с каким отсутствием такта она спрашивает Полю о семейных неурядицах, об отношениях между её родителями. И Поля, путаясь, смущаясь, отвечает. В ее репликах-ответах сохраняется живая интонация, в которой видна полудетская неопытность и непосредственность совсем еще юной девушки, доверчиво раскрывающейся перед незнакомым человеком.

Речь Поли противопоставлена речевой манере «пожилой женщины». В ее репликах есть неожиданные заминки, перебои интонации, лексические повторы, разговорные формы, есть живое слово. Смущение, душевная неловкость, некоторая прямолинейность и — отсутствие логики (особенно в том случае, когда она оказывается вынужденной раскрывать причины «семейного разлада»).

И читательское сочувствие целиком на стороне этой «девочки из провинции», даже тогда, когда она, может быть, вопреки правде, защищает мать (и выражает наивную уверенность в том, что виноват отец, «потому... потому что мама хорошая!») — и следовательно, ни в чём виновата быть не может. И все это мы узнаем из почти некомментируемого диалога!

На реплике Поли собственно-диалог заканчивается, дальше он дается в авторском слове и в «авторском изложении».

Автор, он же рассказчик, пересказывает Полин «монолог в диалоге» с внешне объективной фразы: «И дальше не могла остановиться, пока не выплеснула всего, что, подобно илу, отстоялось

на душе». Но чем дальше, тем больше в авторское повествование проникает позиция персонажа, и не только эмоциональная, впе­таются типичные для Поля речевые обороты («лесные журналы», «лесной профессор»), фразеологизмы («из-за деревьев леса не видит», вместо общезыкового: «за деревьями не видеть леса»), элементы разговорного просторечия («на какой помойке ухитри­лась себе такого родителя подобрать»).

Л. Леонов использует авторское повествование как одну из форм изложения собственной речи героя. Диалог заменяется «пересказом», в котором присутствуют особенности речи персонажа — перед нами еще одна форма так называемой «несобственно-прямой речи».

Диалог еще органичнее сливается с авторским повествованием, если оно следует непосредственно сразу за репликой-вопросом. Вот в таком, например, случае: «— Как же могло случиться, что ваша мать не проговорила об этом ни разу, если все время вы жили вместе?»

Нет, они как раз не все время жили вместе: в пашутинское лесничество к матери, где находилась ее больничка, Поля прие­жала лишь на летние каникулы». И здесь та же закономерность: если первая фраза авторского переложения речи персонажа вы­держана в нормах, типичных для автора-рассказчика, то чем дальше, тем сильнее в авторский текст проникает не только по­зиция персонажа (аспект героя), но и его формы речи: «Оно, конечно, городишко не чета Москве: и улицы травой заросли и дома помельче... но зато воздух — хоть в бочках на экспорт гнать, зато необозримые заливные луга за Енгой, и в половодье как отразится в них опрокинутая небесная ширь, то буксиришки с плотами как бы по облакам бегут. А в лесах лось и барсук, да и рысь видали, а незадолго до ее отъезда хитрущие тамошние мужи­ки с Васильева Погоста притащили в лесхоз на жерди живого мишку, которого опоили медовой водкой из дуплянки, с вечера поставленной на заветной тропе».

Показательно, что автор сохраняет не только характерный для персонажа лексический строй, индивидуальные особенности словоупотребления, но и интонацию живой Полиной речи. Сохра­няются перебои речевого потока: «...дома помельче... но зато воздух...». Кстати, и здесь мы находим ту же лексику, типичную для Поля, и тот же образный строй: «...воздух — хоть в бочках на экспорт гнать». Эмоциональность Поля проявляется и в ти­пичной для нее интонации, и в склонности к поэтизации природы и рядом — просторечная лексика: *буксиришки, хитрущие, тамош­ние мужики притащили живого мишку*. Автор обнаруживает и

токи жизнелюбия Поли: для нее поэтична и многокрасочна повседневность.

Стремление к зрелищной, сценической наглядности повествования, анализ душевного мира персонажа отличает леоновскую прозу. Мастерство Л. Леонова выявляется с особенной силой именно во взаимопроникновении авторского повествования и собственно-диалога, где главным средством раскрытия остается живое, непосредственно звучащее слово.

Л. И. ЕРЕМИНА

Рисунок В. Комарова

Мне, кажется, что Леонов — человек какой-то «своей песни», «очень оригинальной».

М. Горький

[Язык Л. Леонова] живой, чуть напевный, размашистый, крепкий и узорный, как старинные русские вышивки.

Н. Смирнов

Конфликт леоновских пьес обычно выходит далеко за пределы столкновений человеческих характеров, не утрачивая своей реальной, жизненной достоверности, он обозначает столкновение противоположных нравственных, моральных, мировоззренческих принципов.

А. Карягин

Лишь проникнув в сложные душевные переживания леоновских героев, проанализировав их мысли и побуждения, открываешь тот скрытый мир чувств, который приводит в стремительное движение действие его пьес. При внешней статике — огромная сила внутреннего движения, борьбы, стремления к цели. Скованность, сдержанность интриги лишь подчеркивают силу страстей, бушующих в произведении.

З. Богуславская

«ТРУДЕН ПОДЪЕМ К ПРОСТОТЕ»

К. Г. Паустовский
о русском языке

Всегда злободневны
вопросы культуры речи,
процессы, происходящие
в разговорной речи и

Много внимания уделял этим вопросам один из популярнейших советских писателей К. Г. Паустовский. Он излагал свою точку зрения в статьях («Живое и мертвое слово», «Поэзия прозы», «Большие надежды», «Проза должна быть крылатой», «Спорные и бесспорные мысли», «Чувство истории», и др.) и на страницах своих повестей, рассказов, воспоминаний, писем, заметок и, наконец, в деликом посвященной проблемам писательского труда книге «Золотая роза».

Теоретические высказывания К. Г. Паустовского касаются, в основном, двух тесно взаимосвязанных, но не тождественных больших лингвистических проблем: процессов, происходящих в общелитературном языке, и особенностей языка художественной литературы.

К. Г. Паустовский, как и ряд других писателей, пытался тщательно разобраться в действительных и мнимых недугах общелитературного языка, живой разговорной речи, намечал своего рода программу борьбы против «порчи», «засорения», «обеднения» русского языка, писал о возможности и необходимости сознательного, организующего воздействия общества на речевую практику: «... сейчас в русском языке идет двоякий процесс: заочного и быстрого обогащения языка за счет новых форм жизни и новых

в языке художественной литературы.

Интересно выявить, в какой степени и каким образом художественная практика того или иного писателя воплощает его теоретические взгляды на язык художественной литературы и на процессы, происходящие в современном русском языке.

«В произведениях художественной литературы,— писал

В. В. Виноградов,— в их стилевой структуре, в многообразии их речевой экспрессии, в образах авторов (хотя бы и безымянных) как бы воплощено отношение писателей ко всем «сокровищам родного языка», к литературному языку своей эпохи, к способам его использования и преобразования» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959)

понятий, и рядом с этим заметно обеднение, или, вернее, засорение языка» (К. Г. Паустовский. Наедине с осенью, М., 1967).

Но мысли о чистоте русского языка, о необходимости борьбы за повышение уровня речевой культуры общества занимали не главное место в теоретическом наследии писателя. Все это представлялось К. Г. Паустовскому частью общей борьбы за повышение уровня советской художественной литературы, проблемы языка которой волновали писателя на протяжении всего его творческого пути.

В настоящей статье мы ограничимся анализом произведений К. Г. Паустовского 50-х — 60-х годов. Он отмечал в это время: «После Мещеры я начал писать по-другому — проще, сдержаннее, стал избегать броских вещей и понял силу и поэзию самых неприятельных душ и самых как будто невзрачных вещей...» (Книга скитаний).

Добиться сжатости, а тем самым большей действенности прозы, можно, по мнению писателя, лишь исключив из повествования все лишнее, чтобы не просто сказать, а показать, изобразить, вызвать у читателя впечатление, какое необходимо автору. Новизна в языке происходит от умения писателя «видеть все как бы впервые, без тяжелого груза привычки, видеть всегда как бы вновь» (По-

зия прозы). Придавая огромное значение точной и лаконичной детали в прозе, К. Г. Паустовский советовал молодым писателям избегать «сусальной или трескучей красоты», обилия эпитетов, которые «как бы навсегда приклеены к тем или другим словам».

Сжатости, верности повествования писатель достигает исчерпывающим знанием описываемых предметов или явлений. Нередко описания Паустовского граничат с почти протокольной сухостью.

В повести «Далекie годы» (1946) писатель как бы формулирует принцип описания, который с годами станет определяющим в его творческой манере: «Чтобы представить себе прелесть этих мест, надо описать их с топографической точностью».

Так, со знанием геолога описывает Паустовский в рассказе «Синева» (1953) камни, вымытые морем из подводных пещер погасшего крымского вулкана Карадага:

«Там было все: синий гранит, мрамор — то желтый, как слоно-
вая кость, то розовый, то снежно-белый, дымчатые халцедоны,
пестрые агаты, целебные сердолики, хризопразы, камни со стран-
ным названием „фернонпиксы“, разрисованные сложными узорами,
зеленая яшма, горный хрусталь, похожий на кристаллы воды,
пемза, лава, маленькие кораллы и много других камней, сверкав-
ших на сырых после шторма песках».

Путь к простоте и точности повествования лежит через освое-
ние неисчерпаемых богатств родного языка, а они, К. Г. Паустов-
ский признает это бесспорным, связаны прежде всего с русским
народом и с русской природой: «Русский язык открывается до
конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь
тому, кто кровно любит и знает „до косточки“ свой народ и чув-
ствует сокровенную прелесть нашей земли.

Для всего, что существует в природе: воды, воздуха, неба, обла-
ков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов
и трав, — в русском языке есть великое множество хороших слов
и названий» (Золотая роза).

Неброская природа средней полосы России становится полно-
правным персонажем, действующим лицом и даже главным героем
многих произведений Паустовского 50-х — 60-х годов. И это не
только множество великолепных и живописнейших пейзажей, вы-
росших до объема рассказа (Ильинский омут, Воронежское лето)
или даже повести (Мещерская сторона): язык и природа осознают-
ся К. Г. Паустовским как единое целое, друг без друга немислимые,
невозможные. Мысль о единстве языка и природы в той или иной
форме присутствует во многих его теоретических рассуждениях.
Но особенно интересны с этой точки зрения два рассказа «Умолк-
нувший звук» (1957) и «Ильинский омут» (1964), в которых писа-

тель в художественной форме воплотил свое ощущение неразрывности природы и языка.

К. Г. Паустовский много размышлял над сложной проблемой сближения языка художественной литературы с живой и красочной народной речью. «Не менее чем „природными“ словами, богата наша страна местными речениями и диалектами», — отмечает в «Золотой розе» К. Г. Паустовский, определяя язык большого писателя прежде всего как «язык народный, точный и образный в одно и то же время».

В последний период творчества писатель часто вводит в свои произведения народную речь и отдельные диалектизмы с целью добиться большей выразительности языка и лучшей речевой характеристики героев. Всю жизнь Паустовский изучал сам и призывал молодых писателей изучать язык народа: «Мы обязаны искать и собирать повсюду, как золотиносный песок, по крупницам образцы русской речи: в поездках, колхозах, среди людей самых разных профессий, в поэзии, в научных докладах, в народных легендах, в речах политических деятелей. Обязаны собирать эти образцы, вводить их в прозу и добиваться самого трудного — чистоты и верности рисунка и почти суровой простоты выражения» (Поэзия прозы).

Интересно на конкретном примере проследить, как К. Г. Паустовский добивается точности и выразительности своего языка, вводя в произведения понравившееся ему народное слово.

В «Золотой розе» Паустовский вспоминает, как он услышал и открыл для себя образность местного выражения: «Сколько превосходных слов существует в русском языке для так называемых небесных явлений! Летние грозы проходят над землей и „заваливаются“ за горизонт. В народе любят говорить, что туча не прошла, а свалилась». Это выражение становится для писателя своим, на всю жизнь входит в арсенал его образных средств. Так, например: «Дождь прошел. Тучи медленно *сваливались* к югу и открывали на западе пустынное небо» (Северная повесть); «По небу тянул ветер, *сваливал* за Десну облака» (Далекие годы); «Буря хлестала над парком. Она *валила* тучи на вершины деревьев» (Далекие годы, курсив мой — Н. Г.).

К. Г. Паустовский следовал сам и советовал начинающим писателям придерживаться правила: «злоупотребление местными словами обычно говорит о незрелости или недостаточной художественной грамотности писателя» (Золотая роза). Как бы ни были красивы отдельные диалектные слова или профессиональные выражения, пока они не связаны в сознании читателя с определенным образом или понятием, они останутся мертвыми и не окажут на читателя того эмоционально-эстетического воздействия, которого

хотелось бы автору, а в конечном счете злоупотребление ими может привести к неоправданному усложнению языка писателя, к утрате художественной образности и информативности произведения. Главную роль здесь играют языковое чутье автора, забота о читателе, учет его лексических возможностей, так как «одно непонятное слово,— замечает К. Г. Паустовский в «Золотой розе»,— может разрушить для читателя самое образцовое построение прозы».

Писатель пользуется целой системой разнообразных стилистических приемов, заботясь о том, чтобы каждому читателю было понятно то или иное слово: уточнение в ближайшем контексте «лежащего на поверхности смысла слова», сноски, объяснения, слова-синонимы, кавычки, замечания типа *как говорят инженеры*, *как говорят художники*, *выражаясь на рыбацком жаргоне* и т. п.

Высокое словесное мастерство, достигнутое К. Г. Паустовским — следствие пристального и любовного изучения всех пластов народной речи. Заканчивая главу «Алмазный язык» из повести «Золотая роза», Паустовский заметил: «В поисках слов нельзя пренебрегать ничем. Никогда не знаешь, где найдешь настоящее слово».

Многие слова «сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск». Вера писателя в изобразительные возможности русского языка безгранична: «С русским языком можно творить чудеса». Сокровища русского языка представлялись ему миллионами драгоценных песчинок, из сплава которых писатель может создать свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму.

Н. Г. БАБАЙ

Новая, социалистическая культура меняет структуру русского языка в тех областях его, которые более других допускают приток новых элементов — в словообразовании, лексике и фразеологии. Новые формы политической организации, новый быт, социалистическая идеология — все это ведет к массовому образованию новых слов и понятий или к глубокому семантическому изменению множества прежних слов и выражений...

Современный литературный язык берет все лучшее из тех языковых формаций, которые и до революции служили целям культурного объединения и развития, отбрасывая все классово-чуждое, и усваивает новые (как русские, так и западноевропейские) слова и обороты, вызванные к жизни советской действительностью — строительством новой жизни на социалистических началах.

В. В. Виноградов

РУССКОЕ УДАРЕНИЕ

III

Установление места ударения у существительных женского рода представляет достаточные трудности. Акцентные колебания распространяются здесь как на все падежные формы некоторых слов: *пéтля* и *петлѣ*, *хвѣя* и *хвоѣ*, *склѣдчина* и *складчѣна*, *индѣстрия* и *индустрѣя*, так и на отдельные формы косвенных падежей: *в ѳзбу* и *в ѳзбѣ*, *волнами* и *волнѣми*. Но какие же из этих вариантов являются продуктивными? Каково основное направление в развитии ударения у имен женского рода?

Для существительных мужского рода ведущей тенденцией в акцентных изменениях служит исторический переход ударения с конечного слога на первый или во всяком случае ближе к началу слова: *заговбр* → *заговор*, *дебаркадѣр* → *дебаркадер*. А для многих имен женского рода характерно как раз обратное, то есть перемещение ударения на конечный слог или ближе к концу слова. Хотя эти процессы протекают медленно (обычно гораздо дольше жизни одного поколения), можно привести немало слов, у которых окончательно установилась новая норма с конечным или сдвинутым к концу слова ударением. Как свидетельствуют старые словари и специальные исследования по истории русского ударения, прежде, например, произносили: *гѣба*, *нѣжда*, *лѣхва*, *мѣштра*, *кѣбка*, *плѣта*, *стрѣна*, *слѣда*, *рѣзьба*. Сейчас все эти слова мы произносим с ударением на последнем слоге. Однако еще в классической поэзии XIX века широко встречалось теперь даже несколько странное ударение на первом слоге:

Сам смотритель на крыльцо

Выбегает бойко.

Видит, ноги в сапогах

И медвежья шуба,

Не заметил впопыхах,

Что с железом гѣба.

Некрасов, Генерал Топтыгин

Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?».

Пушкин. Евгений Онегин

Старое ударение *губа, нѹжда* и т. п. сохранилось в поговорах, поговорках, в составе устойчивых сочетаний слов: *губа не дура; без нѹжды* и т. п. Кстати, профессиональное ударение *дббѹча* — вовсе не выдумка горняков Донбасса. Этот «осколок старины» напоминает о древних интонационных особенностях корневых гласных в приставочных глаголах. Кстати, ударение *дббѹча* было вполне литературным еще в XVIII — начале XIX века. Оно широко представлено у Сумарокова, Хераскова, В. Майкова, Гнедича, Крылова. Например: «Ягненка видит он, на дббѹчу стремится...» (Крылов. Волк и Ягненок).

Однако если у одних слов перемещение ударения на последний слог уже совершилось, то у многих других этот процесс находится в стадии развития, что, естественно, и порождает колебания. Еще недавно, например, нормой признавалось только: *пѣтля, льбѹжня, хвѹя, рѹвня* и т. п. Теперь многие (а среди молодежи, судя по данным анкетного опроса, даже большинство) предпочитают говорить *петля*. Это новое ударение не чуждо и маститым современным поэтам; оно встретилось в стихах Багрицкого, Безыменского, Маршака, Светлова, Заболоцкого, Исаковского, Суркова, Алигер, Кирсанова, Дудина, Берггольд, Кустова и др. Старые словари указывали только ударение *хвѹя*. Вариант *хвоѹя*, как отражение живой речи, впервые приводится в Толковом словаре В. И. Даля. До сих пор словари и пособия по культуре речи или запрещают это ударение, или снабжают его стилистическими пометами, указывая тем самым на нежелательность такого произношения в строго нормированной речи. Однако ударение *хвоѹя* все чаще и чаще встречается в стихах современных мастеров слова. Вот лишь некоторые примеры:

Была ему каждая тропка своя,
Он сам был как лес, как сосна,
как хвоѹя.

Ошанин. Таежная баллада

Об этом знали иволга да ветер,
Да сосен прошлогодня хвоѹя,
Да полностью раскрытая, в
расцвете
Божественная женственность твоя.

Дудин. Праздник

Падают полчищем стрелы косые,
В гати, в горелые пни и хвою.
Это земля моя, это Россия,
Я нараспашку у речки стою.

Б о к о в. Заросли, заросли...

Чем же вызвано перемещение ударения в исходных формах с первого слога на конечный: *пéтля*→*петля*, *лыжня*→*лыжня*, *хво́я*→*хво́я* и т. п.? Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают, что здесь сказалось исключительно диалектное влияние. Ведь воздействие диалектов обычно результативно лишь тогда, когда оно отвечает каким-либо внутренним потребностям литературного языка. Очевидно, как и во многих других случаях, перед нами продуктивный процесс усиления грамматической функции словесного ударения. Полезность такой, как говорят лингвисты, грамматикализации ударения заключается в том, что, во-первых, при этом конечные гласные произносятся более отчетливо и тем самым разграничиваются формы косвенных падежей: *петля́*, *петли́*, *петле́* и т. д. Во-вторых, создается характерная для современного языка противопоставленность чисел по ударению: ед. *петля́* — множ. *пéтли*. Видимо, эта не всегда осознаваемая, но весьма существенная целесообразность новых вариантов и укрепляет их положение в устной речи, постепенно обеспечивая за ними права литературной нормы.

Немало хлопот доставляет сейчас ударение у многих слов женского рода на *-ия*. Одни предпочитают говорить *инду́стрия*, *металлу́ргия*, *кулина́рия*, *симме́трия*, *ортопе́дия* и т. п., другие — *индустри́я*, *металлурги́я*, *кулинари́я*, *симметри́я*, *ортопеди́я* и т. п. Нужно сказать, что ударение в заимствованных словах на *-ия* за последние три столетия претерпело значительные изменения. Вначале у них преобладало под влиянием греческого языка ударение на предпоследнем слоге: *академи́я*, *анархи́я*, *династи́я*, *демократи́я*, *симпати́я*, *элегии́я* и т. п. Затем, в XVIII веке, получило распространение оттянутое ударение (влияние многочисленных заимствований из латинского языка): *академи́я*, *анархия́*, *династия́* и т. д. Впрочем, уже в ту пору наблюдался и перенос ударения на предпоследний слог: *деспоти́я*→*деспоти́я*, *драмату́ргия*→*драматурги́я*, *хиру́ргия*→*хирурги́я* и т. п. Эти разные исторические тенденции, естественно, не могли не отразиться на современном неустойчивом состоянии ударения у слов на *-ия*.

Известно, что в последние десятилетия вновь получила распространение греческая модель с ударением *-и́я*. Все чаще произносятся: *индустри́я*, *металлурги́я*, *кулинари́я*, *ортопеди́я* и т. п. Ср. у современных поэтов:

Чтоб ей вперед неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжелой индустрии.

С м е л я к о в. Сотрудницы ЦСУ

Помню дни,
помню дни дорожке,
помню молодость металлургии.

К и р с а н о в. Помню дни...

Конечно, восстановление греческой акцентологической модели в современном русском языке происходит уже без какого бы то ни было влияния языка-источника или языка-посредника. Причины перемещения ударения на предпоследний слог кроются, вероятно, в аналогическом влиянии и самой целесообразности установления единого ударения для многосложных слов со сходной структурой. Следует, наконец, отметить, что перенос ударения с центральных слогов многосложного слова ближе к концу не противоречит центростремительной тенденции, так как при этом обычно появляется дополнительное (побочное) ударение в начале цепочки безударных слогов. Это и делает интервалы между соседними ударениями не столь значительными. Например, при перемещении основного ударения на предпоследний у книжных слов *идиосинкразия* и *кинематография* они получают дополнительное ударение на первом слоге: *идиосинкразия́*, *кинематографиа́*.

Как уже говорилось, трудности определения места ударения у существительных женского рода касаются не только исходных форм (именительного падежа), но и косвенных падежей. Здесь в первую очередь следует указать на колебание ударения в винительном падеже. Как, в самом деле, правильно: *в изба́* или *в избѹ́*, *в щѣкѹ́* или *в щѣкѹ́*, *в реку́* или *в реку́*? В современном русском языке имена женского рода имеют три основные модели ударения: 1) постоянное ударение на первом слоге: *бѣздна́*, *липа́*, *сдоба́*, *сила́* и т. д.; 2) постоянное ударение на последнем слоге: *борьба́*, *мечта́*, *еда́* и т. д.; 3) подвижное ударение: в винительном падеже единственного числа на первом слоге, в остальных на последнем: *зима́*, *нога́*, *земля́* и т. д.; во множественном числе эти слова имеют ударение на первом слоге.

Естественно, что наличие разных акцентологических моделей создает почву для колебаний ударений. Дело, однако, осложняется исторической изменчивостью ударения в винительном падеже и влиянием языка классической поэзии, во многом не совпадающего с современным словоупотреблением. В языке XIX века формы винительного падежа с ударением на первом слоге встречались

значительно чаще: *рбзу, рбсу* и т. п. Например: «Мы рбсу брали на цветах, Росою умывались...» (Жуковский. Вадим).

Нормативные грамматики и словари XIX века гораздо шире, чем сейчас, допускали ударение на корне в винительном падеже. Так, в «Русской грамматике» А. Х. Востокова признавались правильными акценты: *блбху, рбду, свбню* и другие. Постепенно, однако, круг слов с таким ударением в винительном падеже сужался. Констатируя имевшиеся в начале XX века колебания (*бсу* и *осу*, *кбзу* и *козу*, *сбью* и *сбью*), А. А. Шахматов при этом заметил, что для его собственного речевого навыка характерно ударение на окончании, а не на корне (кроме слов *реку, избу, зблу, збрю*). В языковой практике наших дней вариантность ударения в винительном падеже практически сохраняется лишь у нескольких слов женского рода: *изба, река, нора, щека, коса, строка, овца* и некоторые другие.

Очевидно, все большее распространение у этой группы имен получает окончное ударение: *нору, овцу, строку* и т. п. Следует, однако, иметь в виду, что для некоторых слов традиционное ударение на корне (например, *кбсу* — о заплетенных волосах) остается предпочтительным. Вместе с тем в нашей речи нередко появляются (и, вероятно, не без влияния южнорусских говоров) нежелательные и пока что ненормативные ударения, вроде: *цену, доску, стену* и т. п. Такие акценты поэты обычно используют для речевой характеристики персонажей:

Он помедлил деловито,
Глянул на пол, на стену...
А теперь, отец Никита,
Объяви мою цену!

И с а к о в с к и й. Царь, поп и мельник

Усиление грамматической функции ударения и стремление к акцентному противопоставлению единственного и множественного числа нередко проявлялись в том, что устанавливалось корневое ударение в формах множественного числа у слов, которые в единственном имели ударение на окончании. Так, в XIX веке существительное *волна* в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа употреблялось преимущественно с ударением: *волнам, волнами, волнах*. Оно встречается у Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, Полежаева, Тютчева, Кольцова, Никитина, Некрасова и других поэтов XIX века:

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец...

П у ш к и н. Медный всадник

В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.

Некрасов. Еду ли ночью по улице темной...

Однако в наше время все более продуктивным становится ударение на корне: *во́лнам, вб́лнами*; оно зафиксировано у Багрицкого, Жарова, Долматовского, Тихонова, Солоухина, Мартынова, Суркова и других современных поэтов: «Последний матрос Севастополь покинул, Уходит он, с во́лнами споря...» (Жаров. Заветный камень).

Конечно, традиционное ударение *волна́м, волна́ми, волна́х* не утратило еще прав литературной нормы. Оно нередко встречается и у современных поэтов (Маршак, Тихонов, Прокофьев, Инбер, Саянов, Солоухин и др.), и в живой речи. К тому же тесная связь слова *волна* с книжной поэтической традицией, видимо, надолго сохранит старое ударение. Впрочем в XIX веке слова *земля* и *вода* тоже употреблялись в формах дательного, творительного и предложного падежей с конечным ударением (*земля́м, земля́ми, земля́х, вода́м, вода́ми, вода́х*): «...по земля́м благодатным» (Жуковский. Ундина); «Другой в чужих земля́х...» (Крылов. Старик и трое молодых); «Как весело вода́м предаться» (Лермонтов. Корсар); «В великих и малых вода́х» (Некрасов, Мороз, Красный нос).

Итак, ударение у существительных женского рода претерпевает значительные изменения, что, естественно, ведет к временной вариативности, колебаниям и неустойчивости нормы. Впрочем, не все варианты ударений являются полностью избыточными. Многие из них несут ту или иную функциональную нагрузку: *вбить гвоздь в доску* (разг. *доску́*), но только: *на Доску почета*. Сохранение некоторых устарелых акцентов наблюдается при фразеологизации словосочетаний: *вспоминать о пройденных вёрстах*, но *жить в двух верста́х*; *обеспокоен судьбами детей*, но при приветствии: *какими судьба́ми!*; твор. множ. от слова *душа* — *душа́м*, но *беседовать по душа́м*. Нельзя в заключение не отметить, что общий процесс развития ударений в именах женского рода направлен в сторону разграничений по ударению, в основном, грамматических форм, а также создания единообразных акцентных моделей. Это сулит в будущем большую стройность и, так сказать, рациональность системы ударения.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

Ленинград

Отвечает

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

Сложное существительное *летосчисление* традиционно выражает в русском языке значение 'система определения времени по годам от какого-либо установленного момента'. Правомерно ли употребление в речи вместо этого слова образования *летосчисление*? Вопрос уже сам по себе свидетельствует о том, что в сознании определенной части говорящих слово *летосчисление* закреплено как недопустимое в литературной речи искажение нормативного *летосчисления*. Стрицательная оценка существительного *летосчисление* обычно подкрепляется ссылкой на данные некоторых словарей русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Уша-

кова и в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) *летосчисление* квалифицируется как языковая ошибка, а в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в последние издания «Орфографического словаря русского языка» это слово вообще не включено.

Существительное *летосчисление* (его первая словарная фиксация относится к 80-м годам XVIII века), по-видимому, до конца XIX века оставалось в русском языке единственным обозначением указанного понятия: «[В конце 1699 года] изменен был русский православный календарь, велено вести летосчисление от рождения Христова, а не от сотворения мира» (Ключевский. Курс русской истории). И в современном русском литературном языке оно остается основным — широко распространенным и употребляемым без каких-либо ограничений — названием системы счета больших промежутков времени: «Олимпийские игры проводились через 1417 дней, которые и составляли Олимпиаду. Можно понять, как велико было значение спорта в Греции, если учесть, что летосчисление велось по олимпийским играм» («Правда», 30 октября 1978).

Существительное *летосчисление* впервые зафиксировано

в «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова, издававшейся в конце XIX — начале XX века. Любопытно, что применительно к хронологии истории общества авторы допускают два наименования, считая основным, судя по построению словарной статьи, традиционное *летосчисление*. А в сочетании *геологическое летоисчисление* (так именуется система обозначения дат истории Земли) употребляется исключительно вариант *летоисчисление*. Включение этого слова в энциклопедическое издание, в том числе в составе словосочетания терминологического характера, свидетельствовало не только о появлении в языке новообразования, но и о его известной распространенности уже в то время. В дальнейшем существительное *летоисчисление* все чаще проникает в литературную речь: «На третий год нового летоисчисления, в конце Октября, над Петербургом висела тьма» (Федин. Города и годы).

Причиной создания и распространения в русском языке слова *летоисчисление* послужило, прежде всего, устаревание существительного *счисление* в значении 'счет, подсчет'. Архаизация данного значения привела к тому, что внутренняя форма слова *летоисчисление* (связь между его строением и смыслом) перестала быть отчетливой. Ранее вторая часть сложного существительного (*счисление*) имела самостоятельное употребление: *летосчисление* = *лет счисление* (счет). Однако в русском языке издавна наряду со словом *счисление* бытовал его однокорневой синоним *исчисление*. Близость звуковой формы этих синонимов создала благоприятную возможность для своеобразной замены второго компонента в сложном существительном *летосчисление*. Устаревшее *счисление* легко могло быть «услышано» и осознано как *исчисление*, поскольку последнее, будучи близким по значению существительному *счисление*, оставалось (и остается до сих пор) живым и общеупотребительным словом. Благодаря такой замене сложное существительное (теперь уже *летоисчисление*) вновь приобретало ясную внутреннюю форму: *летоисчисление* = *лет исчисление*. Таким образом, появление в языке слова *летоисчисление* вполне объяснимо и закономерно.

На закрепление в языке этого варианта, несомненно, оказало влияние существительное *времяисчисление* 'счет времени, хронология', уже в конце XIX — начале XX века вытеснившее из употребления традиционное образование *времясчисление*. В словарях XIX века это наименование представлено со второй частью *счисление* (*времясчисление* в Словаре 1847 года и *времясчисление* в Толковом словаре

В. И. Даля). А в словарях XX века существительное *времясчисление* или вообще не помещается («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словарь русского языка» в 4-х томах, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова), или приводится наряду со словом *времясчисление* («Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка»; причем в последнем *времясчисление* приведено с пометой «устарелое»). Таким образом, создание в русском языке слова *летосчисление* можно объяснить и словообразовательной аналогией.

Вместе с тем новый вариант наименования далеко не всегда получал раньше и получает сейчас положительную нормативную оценку. Основная причина этого, по-видимому, заключается в том, что он, появившись в языке значительно позже слова *летосчисление* и в то же время будучи близким ему по звуковой форме, легко мог быть воспринят говорящими как искажение традиционного названия. Подобный взгляд на существительное *летосчисление* нашел выражение, как было уже показано, и в лексикографии. Кроме того, нельзя забывать, что традиционное *летосчисление* и в наши дни остается

бесспорно нормативным и основным обозначением понятия. Поэтому включение его синонима *летосчисление* в ряд словарей, вероятно, можно объяснить сознательным стремлением авторов избегать дублетных наименований. Однако естественность образования этого существительного, давняя традиция бытования в языке не позволяют категорически зачислять его в разряд языковых ошибок. Тем более что оно без каких-либо запретительных или ограничительных помет помещается в некоторых словарях современного русского языка, например в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаре русского языка» в 4-х томах, а также в «Словаре трудностей русского языка» (М., 1976).

Таким образом, в современном литературном словоупотреблении налицо вариантность нормы: существительное *летосчисление* и его синоним *летосчисление* вполне нормативны и «законны». Правда, первое из этих слов по употребительности и степени «принятости» говорящими, по-видимому, имеет известное преимущество перед более поздним образованием.

С. И. ВИНОГРАДОВ

ПОЯВЛЕНИЕ каждого нового термина — свидетельство рождения нового понятия, новых предметов в науке, технике, производстве. Терминов в современном русском языке так много, а распространение во всех видах научного, научно-популярного, публицистического и собственно литературного творчества столь велико, что их отграничение от обычных слов становится все труднее и труднее. И тем не менее у терминов есть свои отличительные признаки, по которым узнают о принадлежности слова к специальной сфере употребления. Впрочем, это узнавание необходимо только специалистам в какой-то конкретной области знания или языковедам, изучающим специальную терминологию разных наук и отраслей производства. Специалисты же сами являются творцами и «носителями» своих терминологических систем.

В самом общем виде отличие терминов от обычных слов можно было бы провести так, чтобы граница между ними пролегла по

ТЕРМИНЫ

профессиональной (научной, технической, производственной и т. п.) и общеобиходной сферам общения. Таким образом, слова (и их сочетания), связанные с профессиональными областями деятельности человека (медицина, математика, физика, космонавтика, биология, техника и многие другие) и называющие специфические для этих областей понятия и предметы, будут относиться к терминологии. А слова, не связанные с узкопрофессиональными сферами, составляют общелитературный лексический пласт, в котором при необходимости могут быть выделены различные группировки слов (стилистически нейтральные слова, разговорно-обиходная лексика, книжная, «высокая» и т. п.) в зависимости от цели исследования.

Однако такое разграничение терминов и слов общего употребления все-таки не всегда точно и достаточно условно. Причина этого в том, что разные области деятельности человека обладают разной степенью распространенности их терминологий вне этих профессиональных сфер общения. А следовательно, неспециалисты в разной мере владеют терминологиями соответствующих областей знания. Так, скажем, военная терминология, общественно-политическая, сельскохозяйственная, отчасти медицинская и некоторые подобные не столь «замкнуты» по распространенности, как, скажем, терминология физики элементарных частиц, квантовой механики,

атомной энергетики, гляциологии и т. п. Поэтому терминологии «незамкнутых» областей теснее связаны с непрофессиональными сферами общения, а отдельные термины шире и прочнее входят в разговорную речь и литературное творчество. Существенно и то, что в эпоху современной научно-технической революции необычайно возрастает роль и проникновение науки во все отрасли знаний и практической деятельности людей. Следствием этого становится общая широкая распространенность терминологии в современной устной речи и письменном литературном языке, где в одних случаях термины нередко утрачивают свои терминологические свойства, то есть детерминируются (в разговорно-бытовой речи), а в других выполняют дополнительные функции (в языке художественной литературы).

Все эти процессы, как может показаться, способствуют стиранию граней между обычным словом и термином, особенно тогда,

В современном русском языке

ЛЕКСИКА

когда терминами становятся общеупотребительные слова (*подсказка, веер, дырка, пиковый* и т. п.). И тем не менее термины не утрачивают своей специфики, не сливаются с обычными словами, а может быть, напротив, с еще большей силой оттачивают особые свойства и признаки.

Специфика терминологической лексики выражается в том, что термин — знак специального понятия, связанного с конкретной профессиональной областью знания. И неважно, какое по происхождению слово стало этим знаком. Важно, что оно становится самостоятельной языковой единицей. *Дырка* (общебытовое слово) и *дырка* (термин) по существу два разных слова. У них разные означаемые, разные сферы употребления, а отсюда и разные собственно языковые признаки, например: сочетаемость (*большая, маленькая дырка, дырка на рукаве и дырка проводимости*), возможности формообразования (*дырочка, дырища* — у обычного слова и отсутствие соответствующих форм у термина), отсутствие прилагательного у общебытового слова *дырка* и наличие его в терминологии: *дырочная область, электронно-дырочный переход*.

Общеупотребительное прилагательное *властный* в словосочетании *властный характер* в современном словоупотреблении имеет мало общего с юридическим термином *властный характер*. Специ-

альное выражение «Документ носит властный характер» означает, что документ имеет характер власти. В то время как выражение «У нее властный характер» говорит о сильной, деспотичной натуре какого-то лица. В сочетаниях *странный человек* и *странная частица* (последнее — термин физики элементарных частиц) сходство также чисто внешнее. Говоря о странности человека, имеют в виду необычность его поведения в каких-то жизненных ситуациях, некоторую чужаковатость. Под странностью частиц понимается совершенно четкая и математически точная величина, которая высчитывается для конкретных элементарных частиц. Хотя, когда давалось это наименование, основанием служила также странность поведения частиц после рождения: «...родившись, эти частицы живут в миллион миллионов раз дольше, т. е. около 10^{-10} сек. Это, утверждали физики, очень странно. И новые частицы стали называть „странными“» (Кеннет Форд. Мир элементарных частиц. М., 1965, с. 232). И далее: «...каждая частица имеет определенную странность, подобно тому, как она имеет электрический, лептонный или барионный заряд. Нуклон и π -мезон не принадлежат к странным частицам: их странность равна нулю...» (там же).

Общелитературное *полуслово* (понять с полуслова) и термин *полуслово* похожи только своей внешней, если можно так сказать, языковой оболочкой. У них нет ничего общего по фактическому значению: *полуслово* (термин автоматизированных систем управления) — «группа из двух последовательно расположенных байтов основной памяти, адрес левого байта которой кратен двум» (Автоматизированные системы управления. Словарь терминов. М., 1975); *полуслово* (в общем употреблении) — недомолвка, намек.

Приведенные и многие подобные примеры свидетельствуют о все возрастающей роли словарного состава современного русского языка в формировании специальной терминологии.

При терминологизации слов общелитературного употребления происходит выделение нового слова (семантический неологизм), но не рождение нового значения у старого слова. Новые слова по-разному живут в языке, у них развиваются самостоятельные связи с другими словами. Выделившись и уйдя в специальные сферы употребления, эти термины в большинстве своем не будут зафиксированы толковыми словарями русского литературного языка ни в качестве одного из значений, ни в виде самостоятельного слова — омонима. Исключение составят только те случаи, когда специальный термин получит широкое распространение благодаря массовым средствам информации (радио, телевидение, газеты, научно-популярная литература). Такими в настоящее время являются, напри-

мер, термины космонавтики: *спутник* (искусственный спутник земли), *перегрузки* (космические перегрузки), *стыковка* (стыковка космического корабля с орбитальной станцией), *отсек* (бытовой отсек корабля) и т. п.

Для терминов характерны и некоторые «внешнеязыковые» отличительные черты, по которым также можно их отличить от слов общего употребления. Эта характеристика, естественно, относится к группе терминов, специально создающихся для наименования понятий и реалий профессиональных областей деятельности. Речь идет о словообразовательных средствах, которые имеют преимущественное применение в образовании терминов.

Приспособление средств словообразования для создания профессиональных наименований и специализация их значений очень целесообразны. Этим достигается такое желательное для терминологии явление, как регулярная соотносительность средств выражения с содержанием понятий. Особенно четко согласованность знака и значения достигается интернациональными средствами, в которых смысл приставок и суффиксов можно «расшифровать» вне их связи с основой слова. Таковы: *микро-*, *макро-*, *пре-*, *пост-*, *контр-*, *ре-*; *-граф*, *-грамма*, *-дром*, *-мер*, *-метр*, *-план*, *-скоп*, *-тека*, *-трон*, *-фон* и под. (например, *микроскоп* — греч. *mikros* «малый», *skopeo* «смотрю»). Именно поэтому так легко с их помощью создаются ряды образований с аналогичным значением, которые, как правило, отражают основание для классификации понятий и соответственно терминов. Наиболее наглядно это прослеживается в терминологии современной медицины.

Наименования болезней с достаточно четкой дифференциацией ее характера: воспалительных процессов в органах человеческого тела (аппендицит, бронхит, бурсит, васкулит, дерматит, кардит, гайморит, тонзиллит, радикулит, трахеит); опухолеобразований (липома, атерома, гигрома, миома, бластома, остеома, ангиома, папилома, лимфоангиома); заболеваний микросистем организма (невроз, лейкоз, склероз, ангиоз, остеохондроз, ретикулёз, туберкулёз, спондилёз); заболеваний, связанных с сильными болевыми ощущениями (невралгия, ишалгия, миалгия, артралгия).

Инструментальные средства исследования органов (бронхоскоп, гастроскоп, ректоскоп, кольпоскоп, колоноскоп, риноскоп, ларингоскоп, фарингоскоп). Методы исследования (бронхоскопия, гастроскопия, ректоскопия, кольпоскопия, колоноскопия, риноскопия, ларингоскопия, фарингоскопия; флюорография, кардиография, вазография, холецистография, цисто-

графия, ренеграфия, урография, сальпингография). Медики применяют средства лечения (атропин, анальгин, бифунгин, реопирин, нистатин, гемостимулин, пантокрин, церебролизин). Врачи — специалисты в определенных областях медицины (кардиолог, эндокринолог, гастроэнтеролог, отоларинголог, дерматолог, эпидемиолог, уролог, нефролог; психиатр, фтизиатр, педиатр). Области медицинской науки и практики (кардиология, эндокринология, гастроэнтерология, гематология, дерматология, неврология, урология; психиатрия, педиатрия, фтизиатрия).

Специализация словообразовательных средств, посредством которых создаются ряды терминов, есть и в русском языке: *-вод* (волновод, солнцевод, световод), *-воз* (кормовоз, рыбозов), *-провод* (воздухопровод, ионопровод, нефтепровод, газопровод), *-ход* (турбоход, электроход, планетоход, мотоснегоболотоход) и т. п. С их помощью образуются наименования для разного рода механизмов, приспособлений, технических средств передвижения и транспортирования.

Для образования терминов в целом очень характерен принцип аналогии. Это в свою очередь создает предпосылку для стандартных по структуре и значению моделей словообразования, в которых повторяются части сложения: *-строение* (самолетостроение, домостроение), *-трясение* (землетрясение, моретрясение, звездотрясение), *-держатель* (матрицедержатель, контактодержатель, блокодержатель), *-резка* (силосорезка, соломорезка, корнерезка, плодорезка), *-стойкость* (нагревостойкость, морозостойкость, влагостойкость, водостойкость, химостойкость, озоностойкость, светостойкость, светопогодостойкость), *-терапия* (иглотерапия, физиотерапия, инсулинотерапия, гипнотерапия), *-лечение* (водолечение, теплелечение) и т. п.

Терминологический пласт лексики русского языка, большой по количеству и хорошо организованный словообразовательно, оказывает заметное влияние на нейтральный словарный запас литературного языка и средства его создания. Прежде всего, очень заметна тенденция употребления терминов в обычной речи, то есть в таких условиях, когда для выражения соответствующего содержания есть общеобиходные слова. Но специалист (может быть, и незаметно для себя) предпочтет употребить термин для точности выражения мысли: «Какая вкусная сегодня была каша, *гомогенная* [однородная] такая» (из речи врача). А иногда, видимо, и сознательно, ради иронического эффекта: «Я постараюсь *редуцироваться* [уменьшиться] и пройти незаметно» (из речи лингвиста).

По типу терминов в обиходно-разговорной речи легко создаются слова обычного употребления: *трудотерапия, музыкотерапия, отдыхотерапия* и т. п. Или псевдотермины для создания фельетонного колорита: «Коллеги инженера, обсуждая в обеденном перерыве возникшую проблему, расценили покупку неоднозначно. Одни предположили, что это вибраторная взбивалка для гоголя-моголя, другие настаивали, будто это не что иное, как *автоматический ладошкочесатель...*» («Неделя», 1978, № 46, с. 15); «Они [рисунки] легко убеждали в том, что никакой это не *комародушител*, не *гоголе-моголевзбивалка*, а самый обычный *пенкосниматель* — ну, такая машинка для помешивания закипающего молока» (там же).

Освоению какой-то части терминологии неспециалистами способствуют многочисленные научно-популярные издания. Здесь терминология либо специально объясняется, либо снабжается общелитературными эквивалентами: «Фурунголом называют гнойно-некротическое воспаление волосяного мешочка (фолликула) и окружающих его тканей, вызванное стафилококками», «Аутоинфекция в переводе на русский язык означает самозаражение», «Если организм постоянно держать на таком голодном кислородном пайке, развиваются нарушения, причина которых — гиподинамия, малая подвижность» («Здоровье», 1978, № 11).

Активное проникновение терминов в неспециальные сферы общения, заметное влияние их на процессы развития и образования общеупотребительной лексики не дают оснований для выводов о слиянии специальной терминологии с нейтральными словами, о безоговорочном вхождении всей терминологии русского языка в общее употребление. Термины — по-прежнему средства выражения специальных, профессиональных понятий и реалий. Только в специальной литературе и речи специалистов они употребляются в своих основных функциях.

Однако общий высокий культурный уровень современного человека, широкий интерес ко всему, что происходит в нашем обществе, дают возможность оснащать речь многими специальными словами. Правда, в этом никогда не мешает соблюдать умеренность, особенно в тех случаях, когда нет достаточно четких представлений о понятиях и вещах той области знания, в которой говорящий не является специалистом.

В. П. ДАНИЛЕНКО

ЗАЧИНЩИК

И

ЗАЧИНАТЕЛЬ

Зачинщик и *зачинатель* — слова-близнецы: они образованы от глагола *зачинать* с помощью синонимичных суффиксов *-щик* и *-тель*. Тем не менее они кажутся словами, между которыми больше различий, чем сходства. И это не просто впечатление. Оба эти слова употребляются обычно в сочетании с существительными в родительном падеже, но круг таких существительных у каждого свой, и этим определяются их особенности.

Зачинщик наиболее часто встречается в сочетаниях со словами *ссора*, *драка*, *мятеж*, *бунт*, *беспорядки*: «Вот он, *зачинщик* всех *ссор* на корабле!» (Г. Марков. От Тобольска до...). *Распря*, *раздор*, *свара*, *стычка* и т. п. близки по значению слову *ссора*; *беспорядки* — словам *мятеж* и *бунт*. Сочетания *зачинщик* с этими словами кажутся естественными, хотя и непривычными: «По странной проиции судьбы былой *зачинщик* всех *битв* и *стычек* был... признан негодным к военной службе» (Нагибин. Зслепая птица с красной головой).

В современной речи *зачинщик* употребляют в сочетании со словами *разговор*, *переписка*, *веселье* и т. п. Одни из них обозначают действия, которые могут быть и положительными и отрицательными (*переписка*, *разговор*), другие — положительные. Эти сочетания кажутся необычными. Слово *зачинщик* в них может придать речи шутливую или ироническую окраску: «Впоследствии стало известно, что нахальный парень в красной рубахе и есть тот самый отъявленный повеса и сорви-голова Ленька Андреев, первый на все Воробьевы горы *зачинщик* всех веселых *предприятый* студентов» (В. Андреева. Дом па Черной речке); или указать, что то или иное действие имеет отрицательный характер: «Совет принял решение: категорически запретить переписку между управлениями совнархоза, а *зачинщиков* такой *переписки* строго наказывать» («Литературная газета», 3 августа 1957); этим словом может быть также выражено субъективное отрицательное мнение об этих действиях говорящего или того лица, чья точка зрения:

излагается: *зачинщик пения и танцев; зачинщик борьбы против курения в самолетах* (так может сказать только тот, кто относится к пению и танцам неприязненно, а к курению в самолетах, напротив, с одобрением). «Я говорю правду, — сказал Олег, обращаясь уже к Сереже Тюленину и не сомневаясь в том, что он-то, Сережа Тюленин, и был главным *зачинщиком* этого *разговора*» (Фадеев. Молодая гвардия) — Олег отнесся с подозрением и недоверием к просьбе помочь установить связь с подпольной организацией. Сочетания *зачинщик переписки, зачинщик веселья* и т. п., хотя и кажутся необычными, не нарушают норм современной литературной речи. Так проявляется оценочная способность слова *зачинщик*.

Как не оценочное слово, *зачинщик* характерно для речи лиц, не владеющих литературными нормами, преимущественно сельских жителей. Поэтому писатели используют его для характеристики персонажей и изображаемой среды, причем не только в речи героев, но и в авторской речи: «У всех поколений в молодости находились свои весельчаки, вот такие же, как этот паренёк заводила. И не он ли, Фишка Теченин, в далекие годы был неустанным *зачинщиком веселья* на всех деревенских игрищах?» (Г. Марков. Строговы). Употребление, ничем не оправданное, встречается довольно часто в газетах, в радио- и телепередачах: «Он был *зачинщиком переписки* между пятигорскими ребятами и пионерами одной из школ города Герлица в ГДР» («Известия», 6 декабря 1963); «Демидовцы — постоянные *зачинщики* трудового рабочего *соревнования*» (Телепрограмма «Время», 29 октября 1975); «Кто был *зачинщиком* этого *начинания*?» (Всесоюзное радио, 13 сентября 1976).

Слово *зачинатель* в последнее время наиболее часто употребляется и кажется наиболее привычным в сочетаниях со словами *соревнование* — *зачинатель социалистического соревнования*; *движение* — *зачинатель патриотического движения за досрочное выполнение пятилетнего плана*; *борьба* — *зачинатель борьбы за рациональное использование рабочего времени*; *метод* — *зачинатель новых методов социалистического труда*; *наука* — *зачинатель отечественной науки*; *литература*: «Мое литературное поколение обладало счастьем видеть, слушать и непосредственно учиться у *зачинателя* нашей *советской литературы* Максима Горького» (Леонов. Речь о Чехове). Анализ этих сочетаний показывает, что слово *зачинатель* обозначает лицо, положившее начало какому-то явлению общественной жизни. Слово обладает способностью указывать на важность и вместе с тем положительный характер

обозначаемого, имеет несколько приподнятую эмоциональную окраску.

Почему же слова-близнецы *зачинщик* и *зачинатель* так непохожи?

Оказывается, до самого конца прошлого века они воспринимались как синонимы. Об этом свидетельствует, в частности, «Словарь русского языка» (т. 2, вып. 8, СПб., 1905). Он включил в определение *зачинатель* слово *зачинщик*. Употреблялись они в сочетаниях одного и того же типа. *Зачинщик* (-ца) применялось к различным явлениям общественной жизни, *зачинатель* (-ница) — к действиям: «Марлинский был нашим повествователем, был творцом или, лучше сказать, *зачинщиком* русской повести» (Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя); «Видно было, что он один из главных *зачинщиков* театра» (Достоевский. Записки из Мертвого дома); «Здесь *зачинатель* Барклай, а здесь совершитель Кутузов» (Пушкин. Художнику) — в последнем примере дополнение опущено, но оно подразумевается: *зачинатель* *изгнания, освобождения*.

Оба слова, как видно уже из приведенных примеров, называли действия и явления как нейтральные, так положительные и отрицательные: «Н. Утин был в Петербургском университете; его имя, как имя Кельсиева, знакомо нашим читателям: он был в числе *зачинщиков* петербургской университетской демонстрации» (Герцен. И. Кельсиев и Н. Утин); «Сие происходило 12 числа августа; а о *зачинателе* того умысла еще доподлинно ничего не известно» (Московские Ведомости. 1758, № 95).

Правда, в сочетаниях, не характерных для нашего времени, *зачинщик* и *зачинатель* применялись с каждым десятилетием все реже. Показательно, например, что слово *зачинщик* Пушкин использует только для наименования лиц, вызывающих отрицательное отношение: *зачинщик мятежа, смятения, бунта, ссоры*. Интересно также, что в «Словаре Академии Российской» (1789) *зачинщик* отмечено только в сочетании со словами, которые обозначают отрицательные действия: *раздор, ссора, крамола*. Таким образом, *зачинщик* меньше употребляется в сочетании со словами типа *театр, литература*, а *зачинатель* — со словами типа *война* не только в XIX, но и в XVIII веке. Это свидетельствует о том, что процесс их смыслового и стилистического размежевания, завершившийся только в нашем веке, начался давно. Каждое из этих слов-близнецов потеряло какие-то признаки. Процесс был вызван стремлением литературного языка освободиться от дублетов. И *зачинщик*, и *зачинатель* остались в литературном языке только потому, что приобрели индивидуальные черты.

Е. Ф. ПЕТРИЩЕВА

■ РУКОВОДСТВО СЕКТОРА или СЕКТОРОМ?

Группу машинисток из г. Феодосии интересуется вопрос, каким падежом (родительным или творительным) управляют существительные, обозначающие руководящих лиц: *заведующий, управляющий, начальник, руководитель, руководство* и т. п. (т. е. как правильно: *заведующий чего или чем, руководство чего или чем* и т. д.).

Согласно литературной норме субстантивированные причастия (т. е. перешедшие в разряд существительных) *заведующий, управляющий, командующий* управляют творительным падежом (*управляющий районным отделением банка, командующий армией, заведующий сектором, складом*). Это также относится к частично сокращенным словам *завсектором, завклубом*. Близкие по значению, но иные по образованию существительные *директор, руководитель, командир, начальник*, управляют родительным падежом (*директор завода, руководитель предприятия, командир дивизии, начальник штаба*). Употребление субстантивированных причастий с зависимым словом в родительном падеже считается ошибочным, хотя и встречается в современной печати.

Существительное *руководство* может управлять и родительным, и творительным падежом в зависимости от конкретного значения слова в контексте. Если оно обозначает 'направляющее действие', то требуется постановка зависимого слова в творительном падеже: *руководство институтом следует поручить крупному ученому*. В таком же значении употребляется конструкция *под руководством кого: под руководством партии* и т. п.

Если существительное *руководство* обозначает лицо или группу лиц, возглавляющих учреждение, организацию и т. п., то оно управляет родительным падежом по аналогии с существительными *директор, руководитель, начальник: руководство института предложило обсудить план научной работы*.

Под влиянием управления, свойственного слову *руководство* в первом значении, а также под влиянием субстантивированных причастий *заведующий, управляющий* (чем?), существительное *руководство* иногда неправильно используется в конструкции с творительным падежом (например, *неправильно план не выполнен по вине руководства трестом; следует по вине руководства треста*).

Л. К. Чельцова

«ТАКАЯ КОРОТКАЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ»

АНТОНИМЫ (слова с противоположными значениями) совместно используются в речи как правило лишь внутри сочинительных сочетаний, иначе говоря, в роли однородных членов предложения. А. М. Пешковский подчеркивал, что «явно противоположные по смыслу прилагательные могут соединяться союзами (*не белый, а черный, не большой, а маленький*), потому что контрасты, как известно, всегда в каком-либо отношении однородны (белое и черное обозначают цвет, а большое и малое — величину и т. д.)» («Русский синтаксис в научном освещении». М., 1956, с. 443).

Выражая противоположные признаки одного и того же предмета, согласованные определения-прилагательные чаще всего соединяются парным союзом *не ...а*, реже — составным *а не*; при этом первый признак отрицается, а второй утверждается (*не белый, а черный*), или, напротив, первый признак утверждается, а второй отрицается (*черный, а не белый цвет; маленький, а не большой дом*). Между антонимичными определениями, обозначающими признаки одного и того же предмета, могут употребляться также разделительные союзы *или, либо, то ли... то ли* и повторяющаяся частица-союз *ни...ни*: «Мужчины бились об заклад, кого родит графиня: *белого ли или черного ребенка*» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого); «*Родни его ни близкой не осталось, ни дальней*» (А. Н. Островский. Козьма Минин).

Когда же антонимичные прилагательные-определения связаны соединительным союзом *и* (или в единичных случаях употребляются бессоюзно), то, как правило, обозначают признаки не одного, а разных предметов, даже если существительное стоит в единственном числе (такое существительное иногда вовсе не имеет форм множественного числа): «Редколесье состоит главным образом из *лиственницы, ольхи, дуба, черной и белой березы*» (В. Арсеньев. Дерсу Узала); «При этом

особо важную роль в этом процессе играло разграничение сфер *чужого и своего языка* (В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития); «Новый и старый „арсенал“» — так названа этимологическая заметка в журнале «Русский язык в школе»; «Вколоты иголки с белой, черной... нитками» (Г. Бакланов. Пядь земли); «Вечерней, утренней порой, На берегу реки родной, В тени украинских черешен, Бывало, он Марию ждал» (А. С. Пушкин. Полтава).

Однако в языке художественной литературы иногда используются такие сочетания для обозначения исключających друг друга, но взаимосвязанных признаков одного и того же предмета: «Из темноты сырых сеней низкий женский голос, одновременно робкий и задорный, произнес: — Извините» (М. Горький. Коновалов); «Я услышал *незнакомый и вместе с тем будто очень знакомый* голос» (К. Паустовский. Начало неведомого века); «Отец был *способным и бестолковым* человеком» (В. Шкловский. Жили-были); «Немецкие войска заняли *древний и вечно юный* город Рим» („Человек и закон“, 1974, № 2); «*Такое простое и сложное* счастье» (М. Матусовский. Такая короткая долгая жизнь).

Приведем примеры сочетаний без союзов: «Ростов... изредка насмешливо поглядывал на Пьера, который на этом обеде поражал свою *сосредоточенную, рассеянную, массивную* фигурой» (Л. Толстой. Война и мир); «...Он стал думать о той *радостной, злобной* минуте, когда он встретит Курагина» (там же); «Тебя берет государство В *суровые, нежные* руки» (В. Гусев. Слава); «И только тверже выходила из огня *Суровая, доверчивая* Русь» (Вл. Харитонов. Сын России); «Этот *правый, левый* мир» — название фильма режиссера С. Райтбурга.

В языке мастеров слова бессоюзные сочинительные конструкции при внешней логической их несообразности психологически оправданы. В самом деле, оживленную компанию не могла не поражать сосредоточенная, рассеянная фигура Безухова. Внутренне сосредоточенный, а потому внешне рассеянный, Пьер «не узнал Ростова и не ответил на его поклон», «задумавшись, не встал и не взял бокал», когда провозгласили тост за здоровье государя императора. В приведенных примерах даже при существительных со значением конкретного предмета антонимичные прилагательные обозначают не физические (воспринимаемые органами чувств) признаки, а отвлеченные качества-свойства.

Конкретный предмет не может обладать взаимоисключающими физическими признаками, скажем, быть одновременно большим и маленьким, или высоким и вместе с тем низким, или одновременно горячим и холодным, или широким и в то же время узким. Забвение этого факта порождает логически неправильные

употребления: «Она „сняла сумку..., висевшую на *кругом, покато*м плече...» («Литературная газета», 25 августа 1976). Автор «Заметок крохобора» пишет по этому поводу: «Не понятно, какие же все-таки плечи у героини рассказа. Ведь значение слов *крутой* и *покаты* прямо противоположное. *Крутой* — почти отвесный, обрывистый. *Покатый* — снижающийся постепенно, пологий. См. у Даля: „Берег не крутой, а покатый”» («Литературная газета», 30 марта 1977).

Для обозначения взаимоисключающих, но сосуществующих качеств-свойств одного и того же явления используются и подчинительные конструкции: «Красивый, молодой император Александр... своим приятным лицом и *звучным негромким* голосом привлекал всю силу внимания» (Л. Толстой. Война и мир); «*Плохой хороший человек*» — название фильма режиссера И. Хейфица по повести А. П. Чехова «Дуэль»; «Такой *далекый близкий берег*» — название рецензии на роман «Берег» Ю. Бондарева («Литературная газета», 2 июля 1975). В этих примерах только ближайшие определения (*негромким, хороший, близкий*) непосредственно связаны с существительным, а предшествующие (*звучным, плохой, далекий*) относятся к парным сочетаниям: *негромким голосом, хороший человек, близкий берег*. Иначе говоря, антонимичные прилагательные-определения здесь соподчиняются существительному не равноправно, а последовательно, ступенчато, что характерно не для сочинения, а для подчинения, как, например, в сочетании *новое (шерстяное платье)*.

Подчинительные конструкции с противоположными по значению прилагательными-определениями служат эффективным стилистическим приемом, позволяющим раскрыть внутреннюю противоречивость изображаемого. Удачно использован он в песне М. Матусовского «Такая *короткая долгая жизнь*»: «Такое *жестокое доброе время*»; «Такие *веселые грустные песни*». Во всех случаях первое определение употреблено с местоимением *такой*, которое показывает степень проявления качества.

Конструкции этого рода воспринимаются как парадоксальные, неожиданные: логически однородные определения формально представлены синтаксически неравноправными, неоднородными. Столкновение противоположных смыслов в подчинительной конструкции создает образность и экспрессивность слов. Заметим, что такая подчинительная конструкция сближается с сочинительной. Действительно, как и при бессоюзном сочинении, мы можем без значительного ущерба для смысла конструкции поменять антонимичные определения местами: *такие грустные веселые песни*; вставить между ними соединительный союз *и*: *такое простое и сложное счастье*; некоторые из них преобразовать в сложное при-

лагательное: *весело-грустные песни*. Кстати, подобные сложные прилагательные довольно широко и в высшей степени мастерски использовал Лев Толстой. Ограничимся двумя примерами из романа «Война и мир»: «...Весь эскадрон с своими *однообразно-разнообразными лицами*, сдерживая дыханье, пока летело ядро, приподнимался на стременах и снова опускался»; «— Что ж вы? — закричал ему [Безухову] Ростов, *восторженно-озлобленными глазами* глядя на него. — Разве вы не слышите: здоровье государя императора!».

Особую группу составляют конструкции, в которых ближайшее из антонимичных прилагательных-определений образует с существительным устойчивое сочетание — составное наименование. Например, когда Новый год отмечают по старинному календарю, то говорят о *старом Новом годе* (во МХАТе идет комедия М. Рощина «Старый Новый год»). Ср. еще: «Кинокомедию называют легким жанром... Ах, какой это *трудный легкий жанр*» («Литературная газета», 26 ноября 1975); «Как много появилось *тяжелой легкой музыки*» («Крокодил», 1977, № 21); «*Серьезная легкая музыка*» — название статьи в «Неделе» (1977, № 21); «*Тяжелая легкая атлетика*» — статья в газете «Советский спорт» (29 мая 1977); «В этот *горький медовый месяц*» — название повести Якова Линковича («Звезда», 1978, № 7). Конструкции данной группы воспринимаются как вполне естественные, а в некоторых из них столкновение смыслов уже не ощущается. Заметим, что они не допускают перестановки антонимичных прилагательных, ср. невозможные: *новый старый год*; *легкий трудный жанр*; *медовый горький месяц* и т. п.

В последние годы наблюдается очень частое употребление подчинительных конструкций с антонимичными прилагательными-определениями. Некоторые из них логически и психологически не всегда оправданы и мотивированы: «...Такова *обычная необычная гроза*» (А. П. Муранов. В мире необычных и грозных явлений природы. М., 1977); «Этот *простой сложный человек*» — название монографии Б. Анашенкова (М., 1977).

Этот стилистический прием превращается в штамп, а штамп, как известно, становится мишенью для пародистов. Приведем примеры с 16-й страницы «Литературной газеты»: в канун Нового года администрация «Клуба 12 стульев» объявила конкурс на *лучшую плохую песню* (21 декабря 1977); в числе «Новогодних повестей из одних заглавий» Александра Кулича — «Повесть о том, как в разных уголках нашего *маленького необъятного шарика* разные люди превращают Новый год в повод выпить без повода» (4 января 1977); Вадим Левин назвал свою пародию «*Новая старинная английская баллада* о знаменитом древнем рыцаре сэре Уильяме

Спитте и его новом костюме» (14 декабря 1977); ср. еще: «Ее дарование бросилось в глаза режиссеру Вадиму Экзальтацкому, который занял ее в новом фильме *«Большое маленькое счастье»* (2 августа 1978); «Мы, парень, неплохо поработали с тобой! — засмеялся Сильвио громким беззвучным смехом» (6 ноября 1978); «Как не хватает? — забубнил длинноволосый лысый режиссер» (там же).

Пародируются и алогичные, парадоксальные сложные прилагательные: «Администрация, имеющая своим хобби *высокомалолуходжественную* фотографию, настроилась создать несколько жанровых шедевров...» (8 июня 1977); «Потрясающие по *маловысокохудожественному* вкусу подарки и сувениры шлют читатели в посылках, бандеролях и ценных письмах для „Барахолки Клуба ДС“» (4 января 1978).

В. Н. ПЕРЕТРУХИН
Белгород

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ О ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Умейте благоговейно слушать народную речь. Для вас, литераторов, не может быть слаще музыки. Эта такая же радость, как сидеть у родника и следить за игрой живых подземных струек. Какая многогранность народной жизни слышится порой в ее кажущемся иному снобу косноязычии... Стоит почаще проветриваться этим ветерком народной речи...

Стихия народного языка представляется мне громадным беспокойным морем, которое вечно колышется, меняется, поминутно вспенивается и бессонно бежит куда-то. Притом сквозь волну, чуть стихнет, всегда видна почти бездонная глубь, где таинственно возникает вдруг ступенчатая преемственность поколений, по которой читается последовательность интеллектуального развития нации... И это очень хорошо, что язык просвечивает насквозь, что море. Это постоянно волнует и кипит, бьется в целинные скалы в поисках более удобных и соответственных бытию форм. В этом его отличие от мертвых языков, где все застыло.

Это наше основное дело — показать в образах, глубоких и запоминающихся, великое столкновение идей, разработать хотя бы внешне принципы новой морали и запечатлеть рождение еще неслышанного мира.

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

■

Все ббльшую роль в решении научно-исследовательских и педагогических задач играют частотные словари. На их основе формируется особая ветвь статистической лингвистики — лексикостатистика, которая изучает вопросы распределения слов в языке, в речи (тексте) и ее различных жанрах. В частотные словари включаются наиболее употребительные в речи слова (обычно в пределах определенной выборки). Первые частотные словари русского языка появились сравнительно недавно, в начале 50-х годов. В США был издан Частотный словарь Г. Г. Иоссельсона (Детройт, 1953), в который включено 5230 слов. Два словника Фр. Малиржа, рассчитанные на учащихся, вышли в Чехословакии: один — на материале периодической печати (Прага, 1951), второй — на основе писем советских школьников (Прага, 1961). В 1966 году Колумбийским университетом выпущен Частотный словарь Н. П. Вакара.

Преимущественно на материале детской и юношеской художественной литературы и периодической печати построен «Частотный словарь современного русского языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963). В 1968 году в Москве вышел словарь, подготовленный преподавателями Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, — «2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи». На основе школьных учебников и детской разговорной речи создан «Частотный словарь современного русского языка» П. И. Харакоза (Фрунзе, 1971). Статистически обследуется также лексика разных стилей современного русского литературного языка, особенно публицистического и научного. Интерес представляют в этом отношении «Частотный словарь общенаучной

лексики» под редакцией Е. М. Степановой (МГУ, 1970), «Частотный словарь языка газеты» Г. П. Поляковой и Г. Я. Солганика (МГУ, 1974) и другие. Для выявления особенностей индивидуального художественного стиля создаются частотные словари языка писателей.

Однако в целом лексикостатистика русского языка очень молода. Предстоит еще подготовить частотные словари разного назначения, в которых отражались бы активная лексика людей разных профессий, образовательного уровня, возраста, словоупотребление в разных стилях и жанрах. Необходимо также создание фундаментальных общезыковых частотных словарей, систематизирующих по степени употребительности лексику современной русского языка или разных исторических эпох.

Внимание ученых и педагогической общественности привлек «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной (М., 1977). Он был составлен сотрудниками филологического факультета Ленинградского государственного университета и Лаборатории семиотики Научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики при Горьковском государственном университете. Как отмечают составители, «одной из важнейших целей словаря является представление живого словоупотребления образованного человека наших дней» (с. 6); «Словарь в первую очередь отражает устойчивую часть лексики, общеупотребительную и нейтральную относительно темы, жанра, автора, составляющую общую основу для всех жанров и разновидностей современной речи» (с. 14).

Новый словарь впервые широко охватывает научную, публицистическую и деловую речь. В нем определены четыре группы текстов-источников: 1) художественная проза, 2) драматургия (как отражение разговорной речи), 3) научно-публицистические и 4) газетно-журнальные тексты. Каждая группа составляет четвертую часть всей выборки, то есть около 250 тысяч словоупотреблений (словарь составлен на основе 1 056382 словоупотреблений).

Хронологические рамки словаря охватывают эпоху от произведений В. И. Ленина и М. Горького до 60-х годов нашего столетия. Публицистическими и научными текстами-источниками послужили, например, статьи и выступления В. И. Ленина, М. И. Калинина, труды видных советских ученых — С. И. Вавилова, Е. В. Тарле, К. А. Тимирязева, А. Е. Ферсмана; художественная проза представлена произведениями А. М. Горького, Л. М. Леонова, М. А. Шолохова, К. Г. Паустовского, А. Н. Толстого, К. А. Федина; драматургия — пьесами А. Н. Арбузова, В. В. Иванова, Н. Ф. Погодина.

В. С. Розова; обследованы газеты и журналы: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Новое время» и др. Все это, безусловно, позволило составителям словаря отразить живые нормы словоупотребления советской эпохи.

Словарь состоит из трех разделов: «Алфавитно-частотный словник», «Частотный словник» и «Статистическая структура словаря». «Алфавитно-частотный словник» — наиболее важная и объемная часть словаря. Он включает все слова, встретившиеся в текстах. Всего в словнике 39 268 слов. Каждое слово имеет свои количественные характеристики: 1) общую частоту по всей выборке; 2) употребительность в каждом из четырех жанров; 3) количество текстов по жанрам, в которых встретилось данное слово. Алфавитно-частотный словник дает сведения не только об общей употребительности слова, но и о том, к какому жанру оно относится.

«Частотный словник» содержит слова с частотой 10 и выше, всего 9044 слова. Они расположены по убывающей степени употребительности. Наиболее частыми оказываются служебные слова: *в, во* (42854), *и* (36266), *не* (19228), *на* (17262), *с, со* (12975), *а* (10719), *к, ко* (6246); местоимения: *я* (13839), *что* (13185), *он* (13143), *это* (6940), *вы* (6547), *ты* (6475), *мы* (6220), *этот* (6061); слова знаменательных частей речи с общим значением: *быть* (13307), *ночь* (3373), *сказать* (2909), *говорить* (2573), *знать* (2192), *идти* (1818), *один* (3255), *дело* (1919), *время* (1856), *человек* (1677), *жизнь* (1547), *большой* (2066), *новый* (1722), *первый* (1605) и т. п.

Третий раздел — «Статистическая структура словаря» — представляет собой таблицу распределения частот. В этой таблице даются сведения о количестве слов и каждой группы слов той или другой частоты. Новый «Частотный словарь» с широким жанрово-речевым диапазоном представляет большой научный интерес, в частности, для лексикографов. Исключительно важное значение статистический материал имеет для составления школьных словарей-минимумов, словарей-минимумов для иностранцев и других прикладных целей. Эти данные могут быть широко использованы не только в лексико-графической теории и практике, но и при решении других лингвистических задач. На основе частотного словаря может быть составлен обратный статистический словарь современного русского языка, который даст материалы для анализа словообразования. Вопросы усовершенствования графики и орфографии также связаны с учетом статистических сведений о словарном составе, о типах буквосочетаний в словах и т. п. Сущест-

венное значение они имеют для практической транскрипции и транслитерации, автоматизации печатного дела.

Составление частотного словаря на основе выборки более одного миллиона словоупотреблений потребовало обращения к вычислительной технике — счетно-автоматическим и электронно-вычислительным машинам. Введение частичной механизации и автоматизации в этой работе создает экспериментальную базу для перехода к более обширной автоматизации словарных работ. Создание больших словарей в настоящее время все настойчивее диктует необходимость перехода на автоматическую обработку текстов. Думается, что опыт составления «Частотного словаря русского языка» должен сыграть важную роль в дальнейшем развитии, совершенствовании теории и практики советской лексикостатистики — научной, методической, профессионально-деловой. Словарь рассчитан на специалистов-филологов, он может быть использован и при составлении различных словарей, грамматик и учебников русского языка.

М. Н. НЕСТЕРОВ
Николаев

ОБРАТНЫЕ СЛОВАРИ

■

Обратными словарями в лингвистической практике принято называть словари с обратным (или инверсионным) алфавитным порядком слов. В обычном (например, толковом) словаре слова располагаются в прямом алфавитном порядке: на первом месте стоят слова, начинающиеся на *а*-, потом на *б*-, *в*-, *г*-, *д*-, *е*- и так далее до *я*-. Слова с одинаковой начальной буквой располагаются в алфавитном порядке вторых от начала букв, затем третьих, четвертых и т. д. Например: *абрикос, авангард, аванзал*.

В обратном словаре слова располагаются в алфавитном порядке не начальных, а конечных букв: на первом месте стоят слова, оканчивающиеся на *-а*, потом на *-б*, *-в*, *-г*, *-д*, *-е* и так далее до *-я*. Слова с одинаковой конечной буквой располагаются в алфавитном порядке предпоследних букв, затем третьих от конца, четвертых и т. д. Например: *герб*, *серб*, *ущерб*, *горб*, *дуб*. При прямом алфавитном порядке те же слова были бы расположены следующим образом: *герб*, *горб*, *дуб*, *серб*, *ущерб*. Чтобы легче было найти слово в обратном словаре, набор слов выравнивается по правому краю:

триод
йод
код
ренклюд
голод
солод

Материалом для обратного словаря могут служить словари с прямым алфавитным расположением слов, они являются словарями-источниками. По составу слов обратные словари подразделяются на словари-индексы и словари с самостоятельным словником. Словарь-индекс содержит те же слова, что и словарь-источник (возможно также нескольких словарей). Многие обратные словари не являются индексами в строгом смысле слова: в них точно указываются не только словарь-источник (или словари-источники), но и группы слов, опущенные в обратном словаре или добавленные. Обратный словарь с самостоятельным словником — это самостоятельная лексикографическая работа.

Обратные словари представляют собой или простые списки слов (их исходных словоформ), или списки слов с дополнительными сведениями. В дополнительных сведениях может содержаться: указание на словарь-источник, где приводится данное слово; грамматические характеристики слова; число омонимов, имеющих данную исходную словоформу.

Какие же словари полезнее: с прямым или обратным порядком слов? Это зависит прежде всего от цели словаря и от описываемого им языка. Так, например, для толкового словаря русского языка удобнее прямой алфавитный порядок, так как толкование слова может быть раскрыто через отсылку (без затруднения для читателя) к соседнему однокорневому слову. А для грамматического словаря русского языка (и для большинства европейских языков, в которых, как и в русском, служебные части слова представляют

собой в основном суффиксы), удобнее обратный порядок. В таком словаре окажутся рядом слова со сходными грамматическими характеристиками, потому что одинаковый или сходный тип склонения или спряжения имеют, как правило, слова (в пределах одной части речи) со сходным концом. Напротив, для языков типа суахили (один из языков Африки), где служебные части слова представлены в основном приставками, выбор принципа расположения слов будет другим. При прямом алфавитном порядке сгруппировались бы вместе слова, сходные по своим грамматическим свойствам, а в обратном словаре — по принципу их основного лексического значения, то есть такой словарь был бы близким к гнездовому: все производные от одного корня (однокорневые слова) стояли бы рядом.

Обратные словари применяются в различных целях. Прежде всего они необходимы ученому-языковеду. Обратные словари русского языка являются удобным и необходимым пособием для преподавания морфологии. С помощью такого словаря можно установить количество всех возможных типов склонения и спряжения, получить сведения о распространенности тех или иных словоизменительных типов. Допустим, надо выяснить: Сколько существительных и какие именно склоняются по типу *дочь*? Все ли слова, оканчивающиеся на *-мый*, — прилагательные? Какого рода существительные на *-ь*? Сколько глаголов и какие именно оканчиваются на *-оть* и *-ереть*? С помощью обратного словаря на эти вопросы ответить нетрудно.

Пользуясь таким словарем, легко проследить продуктивность какой-либо словообразовательной модели (возможность образования новых слов этого же типа). Насколько продуктивны суффиксы *-от(а)*, *-ёр*, *-нича(ть)*? К каким основам (именным или глагольным) присоединяется суффикс *-от(а)*? С какими приставками может употребляться глагол *лечь*, как распределяется ударение в его приставочных образованиях? При обычном алфавитном порядке расположения слов, чтобы получить ответ на эти вопросы, следует прочесть весь словарь, тогда как при инверсионном — одну или несколько страниц.

Только обратный словарь поможет, например, сделать исчерпывающим изучение различного рода чередований в основах, так как большая часть таких чередований происходит в конце слов. В частности, словарь позволяет ответить на вопросы о распространенности какого-либо чередования, его регулярности, а также продуктивности. Полезны обратные словари и при изучении русского ударения, в особенности его связи с морфологическим составом

слова. Можно будет без труда ответить на вопросы, например: Все ли слова на *-ота* имеют ударение на *-á* (*-орá*)? Как распределяется ударение в глаголах на *-ировать*: *вальсировать*, *тренировáть*, *бронировать* и *бронировáть*?

Большую помощь обратный словарь может оказать преподавателю при подготовке к занятиям по словообразованию, морфологии или фонетике. Можно подобрать большой материал для упражнений или интересные примеры для иллюстрации того или иного типа словообразования, словоизменения, чередования, ударения. Тем, кто изучает русский язык, словарь принесет большую пользу как пособие-справочник, дающий ответы на самые различные вопросы, которые трудно найти в учебниках, например об ударении слов с одинаковыми окончаниями.

Обратные словари могут быть использованы и в других сферах деятельности, связанной с языком. Они играют важную роль при расшифровке текстов текстологами или палеографами. При чтении поврежденных, неразборчивых или зашифрованных рукописей на известном языке (среди других возможных операций) может возникнуть необходимость перебрать все возможные начала слова, имеющего определенный конец. Такая же необходимость может возникнуть и перед текстологами при разборе текстов с неотмеченными границами между словами. Применяются обратные словари и при машинном переводе.

Родоначальниками обратных словарей считаются средневековые арабские классические словари XIII—XIV веков. В Европе, начиная с XVIII века, обратный алфавитный порядок слов использовался при составлении некоторых словарей рифм (так называемых рифмовников). Первые собственно лингвистические обратные словари появились в конце XIX — начале XX века. Это обратные словари древних индоевропейских языков: латинского, древнегреческого, санскрита, тохарского, древнеперсидского и старославянского. В 50-х годах XX века наряду с подготовкой обратных словарей древних языков появляются обратные словари современных языков.

В СССР впервые «Обратный словарь русского языка» издан в 1974 году (М., «Советская энциклопедия»). В нем содержится около 125 000 слов. При каждом слове даны указания на словари-источники (толковые словари современного русского литературного языка) и грамматические пометы. Приводятся также статистические сведения о количестве слов, оканчивающихся на определенную букву или сочетание букв, о распределении слов по грамматическим классам. В 1977 году вышел «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (М., «Русский язык»), содержащий около 100 000

слов, расположенных также в обратном алфавитном порядке. Существующие обратные словари русского языка с самостоятельным словником — это словарь под редакцией Г. Бильфельдта (Берлин, 1958) и словарь Р. Греве и Б. Крёше (Берлин — Висбаден, 1958—1959).

М. С. СУХАНОВА

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР — ЧИТАТЕЛЮ

В Издательстве «Русский язык» в 1978 году вышел подготовленный Институтом русского языка АН СССР «Краткий толковый словарь русского языка [для иностранцев]». Это первый опыт такого словаря. Он содержит примерно 5 тысяч слов, наиболее употребительных в современном русском литературном языке, необходимых для общения в деловой обстановке и в быту, для понимания текстов газет и журналов, передач по радио, телевидению и т. п. При каждом слове даны основные грамматические формы, определения значений, приведены примеры употребления слова и основные фразеологические сочетания.

Слова конкретного значения, такие, например, как автобус, балкон, дерево, дом, карандаш и мн. др., поясняются рисунками. Слово в основном значении переводится на английский, французский, испанский и немецкий языки.

К Словарю прилагаются краткие сведения по русской фонетике, грамматические правила, особенности словоизменения, словообразования и т. д.

«Краткий толковый словарь» предназначен прежде всего для изучающих русский язык как иностранный. Его могут использовать учителя, которые преподают в национальных школах русский язык как неродной; он будет полезен также читателям, желающим совершенствовать свои знания по русскому языку.

Сергей
Алексеевич
КОПОРСКИЙ

(1899—1967)

Известный советский языковед, специалист в области истории и диалектологии русского языка, исследователь языка художественной литературы, доктор филологических наук, профессор Сергей Алексеевич Копорский родился 19 июня 1899 года в деревне Ефремове Угличского уезда Ярославской губернии в семье сельского священника. Книжки, с детства окружавшие мальчика, произведения русской художественной классики рано пробудили его интерес к родному слову. По семейной традиции, он был отдан в 1911 году в Ярославское духовное училище, после окончания которого должен был продолжить обучение в семинарии. Однако революционные события Великого Октября коренным образом меняют жизнь и судьбу молодого пытливого человека, открывая перед ним новые горизонты. В 1918 году С. А. Копорский вступает добровольцем в ряды Красной Армии. В течение четырех лет он служит в Ярославской военно-инженерной дистанции, одновременно учится в Ярославском педагогическом институте. После окончания института С. А. Копорский работает учителем русского языка в ярославских средних школах, в техникумах и на рабфаке.

С 1924 года начинается его работа в высшей школе — сначала в Ярославском, затем в Калининском (б. Тверском) педагогических институтах. Он проходит путь от лаборанта до и. о. профессора кафедры русского языка, декана факультета языка и литературы. В начале Великой Отечественной войны (в октябре 1941 г.) С. А. Копорский, проявляя большое мужество, выводит из осажденного города группы студентов — прямо в момент вступления в Калинин немецко-фашистских войск. С 1943 года возобновляется его работа

в Калининском пединституте. В течение ряда лет он возглавляет кафедру языкознания, а в 1950—1953 годах — кафедру русского языка. В 1951 году успешно защищает докторскую диссертацию и в 1953 году после избрания профессором кафедры русского языка Московского государственного университета переезжает на работу в Москву. В МГУ С. А. Копорский многие годы читал курс истории русского литературного языка, руководил подготовкой аспирантов и дипломников, с 1966 года был заместителем заведующего кафедрой русского языка (возглавлявшейся академиком В. В. Виноградовым).

Научная работа С. А. Копорского началась в середине 20-х годов. Внимание начинающего ученого привлекает язык русских народных говоров. Интерес к русской диалектологии, воспитанный под непосредственным воздействием А. М. Селищева, С. А. Копорский сохранил до конца своей жизни. В 1926 году в соавторстве с И. Г. Голановым он публикует Дополнения к «Материалам для словаря родного языка Ярославской губернии» Е. Якушкина. В последующие годы выходит ряд работ, в которых освещаются различные аспекты диалектной речи родного ему края: «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии» (1929), «Отчет о диалектологических наблюдениях в Угличском уезде б. Ярославской губернии» (1929) и др.

В 40-е годы в Калининском пединституте С. А. Копорский возглавил работу по широкому изучению диалектов края, по сбору материалов для атласа русских народных говоров (Институт русского языка АН СССР) и опубликовал ряд ценных исследований: «Народные говоры Калининской области» (1941), «Архаические говоры Осташковского района Калининской области» (1945), «Цоканье в Калининской области» (1949) и др. Все эти труды основаны на обширном фактическом материале, собранном автором в многочисленных диалектологических экспедициях и поездках. Вместе с тем они вводят в научный оборот обширные архивные данные. Именно поэтому отдельные конкретные наблюдения автора и его общие выводы по истории изученных говоров сохраняют свое значение и в наши дни.

Много и плодотворно занимался С. А. Копорский историей русского литературного языка, стилистикой художественной речи. К этому кругу исследований относятся его статьи о языке А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова и других писателей.

Истории русского литературного языка второй половины прошлого века посвящена обширная по материалу докторская диссертация С. А. Копорского «Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х годов XIX века. (Словарный

состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)». Во многих своих частях — это серьезное социолингвистическое исследование. В работе убедительно показано, что именно в языке писателей-демократов русская лексика ярко выявляет свою социальную основу, служит реалистическим средством характеристики персонажей из крестьянства, а также из мещан и низшего духовенства. Велика и неопределима роль произведений писателей-разночинцев для изучения структуры русского языка эпохи: народные говоры, например, воспроизводятся в них во всем многообразии фонетических, морфологических и лексико-семантических особенностей и конкретных черт. Приходится сожалеть, что эта интересная и самобытная работа до сих пор не опубликована в виде отдельной монографии.

Большое место в трудах исследователя занимали вопросы русской ономастики и топонимики. На материале произведений русских писателей-демократов 60—70-х годов XIX века он показал, как собственные имена могут получать яркую социально-стилистическую окраску, служить целям образности и экспрессии. Сами за себя говорят, например, топонимы Н. Успенского: Побирахино, Оборвыщи, Толцилово и т. п., символизирующие нищету русского крестьянства; по церковнославянским «моделям» построены ярко оценочные фамилии представителей духовенства: Вогробснизшедский (ср.: снизшедший во гроб) или Живоначалънотроицкий (церковное: живоначалъная Троица) и т. п.

С большим вниманием исследовал С. А. Копорский факты языка советской эпохи, связанные с превращением нарицательных слов в имена собственные, или, напротив, с переходом собственных имен в нарицательные [статьи «Очерки по топонимике», 1966; «О лексико-семантических особенностях наименований. (Названия кинотеатров)», 1969; и др.]. Употребляясь в качестве микроориентиров, слова приобретают известную идеологическую значимость: они применяются в речи как названия, символизирующие определенные признаки обозначаемого.

*

Профессор С. А. Копорский всегда был активным и увлеченным пропагандистом культуры родного языка, его неисчерпаемых стилистических богатств. Часто и охотно выступал он в массовых аудиториях: перед школьниками и студентами, в рабочих клубах и на стройках, в колхозах и совхозах. Его заметки и статьи публиковались на страницах газет, журналов, еженедельников, вызывая неизменный интерес и живой отклик читателей.

Уже в первое послереволюционное десятилетие он включается в активную борьбу советской общественности с порчей и огрублением литературного языка, особенно в среде учащейся молодежи. В

статье «Воровской жаргон в среде ярославских школьников» (1927) С. А. Копорский вскрывает причину живучести жаргона в речи учащихся: грубая и выразительная по-своему образность жаргонной лексики удовлетворяет в своей простоте малоразвитым эстетическим вкусам подростка. Реальные пути языкового школьного воспитания он справедливо видит в том, чтобы не только проявлять нетерпимость к смысловому убожеству жаргонной речи, но и постоянно на материале русской художественной литературы показывать ученикам неисчерпаемые богатства нашего поэтического языка. К изучению и оценке арготических элементов в речи школьников и студентов С. А. Копорский обращался и в более поздние годы (см., например, статью «Железо, железный, железно». — «Ученые записки Ленинградского пединститута». Т. 248, 1963).

Н. М. Тупиков и его Словарь

2 февраля 1979 года исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Михайловича Тупикова. Его «Словарь древнерусских личных собственных имен» представляет в наше время огромный интерес, особенно в связи с получившими широкий размах работами по антропонимике (личным именам). Словарь был издан в 1903 году с большой вводной статьей «Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен». Блестяще окончив гимназический курс, а затем, в 1892 году, историко-филологический факультет Петербургского университета по словесному отделению, Н. М. Ту-

С. А. Копорский воспитал несколько поколений филологов; он был чутким и заботливым наставником дипломников и аспирантов. Его многочисленные ученики работают в научных и педагогических институтах нашей страны и за рубежом. За большие заслуги в области подготовки научно-педагогических кадров С. А. Копорский был награжден орденом Ленина (1953).

Он был одним из самых активных членов первого состава редколлегии журнала «Русская речь», немало способствовал становлению и укреплению этого научно-популярного издания.

Человек большой и щедрой души, удивительного жизнелюбия и обаяния, Сергей Алексеевич Копорский все силы и знания отдавал любимому делу, беззаветно и неутомимо трудясь на благо русской филологической науки.

Л. И. СКВОРЦОВ

пиков стал заниматься историей языка и литературы. По рекомендации профессора А. И. Соболевского он был оставлен при университете и должен был начать подготовку к профессорской деятельности. Однако по окончании университета ему пришлось заняться преподаванием в петербургских гимназиях.

В 1894 году Николай Михайлович сдал магистерский экзамен и стал готовиться к защите диссертации. Н. М. Тупиков работал в изданиях: «Библиограф», «Книжный вестник», «Живая старина», в которых опубликованы ряд его статей и рецензий; был сотрудником «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «Русского биографического словаря»; состоял членом Русского исторического общества, Русского географического общества, Русского библиологического общества, Общества любителей древней письменности.

Обстоятельства жизни и чрезмерные нагрузки подорвали здоровье молодого ученого; он заболел туберкулезом и по совету врачей переехал на жительство в Ялту, где стал преподавателем местной женской гимназии. В высшей степени доброжелательный, высокообразованный, Н. М. Тупиков вскоре снискал симпатии молодежи. Добросовестное отношение к делу, исполнение своего долга всегда ставилось им на первое место, и это тоже создало ему авторитет в ялтинском кругу интеллигенции. Смерть настигла Николая Михайловича на 31-м году жизни. Своим завещанием он передал женской гимназии богатую библиотеку, а средства от посмертной продажи имущества предназначил для материально необеспеченных учеников этой гимназии.

Русской науке остался его капитальный труд — «Словарь древнерусских личных собственных имен», за который Н. М. Тупиков получил от Петербургского университета золотую медаль, а от Академии наук — Ломоносовскую премию. Материал Словаря распределен по трем разделам: 1. Имена мужские; 2. Имена женские; 3. Отчества; в них около 13 тысяч статей (5400 — имена, в их числе только 47 женских, и около 7600 — отчества). В каждой статье указаны конкретные носители имен или прозвищ и даны место, год и название источника. Словарь создан на основе громадного числа исторических документов. Это древние рукописные и печатные памятники: летописи, исторические и юридические акты, архивные документы и др. — около тридцати названий источников, более 100 томов, из которых тщательно выписаны имена людей с соответствующими историческими данными. Носителей некоторых имен столько, что перечень их занимает порой не одну страницу словаря.

В Древней Руси были распространены личные имена, образованные от русских нарицательных слов: *Бажен* (обожаемый, желанный и др.), *Весняк* (рожденный весной), *Ждан* (долгожданный, желанный), *Нечай* (непредвиденный, неожиданный), *Лобан* (лобастый, сообразительный), *Третьяк* (третий в семье) и т. д. Давались имена по сходству или связи с окружающими предметами и явлениями, с внешностью и характером человека. Были имена «охраняющие», якобы защищавшие человека от нечистой и злой силы: *Волк*, *Бык*, *Козел*. К таким же именам принадлежали *Неклюд*, *Некрас*, *Козарин*, *Злоба* — полагали, что недуги и другие напасти вряд ли будут поражать людей с такими именами; имена-пожелания *Атаман*, *Богатырь*, *Добрыня*, *Дружина* давали в надежде на хорошее будущее рожденного человека. Перечисленные имена присваивались главным образом детям, а имена-прозвища — взрослым. Это были прозвания, характеризующие деятельность и поведение человека и отразившие социально-экономические отношения: *Богач*, *Гость*, *Деспот*, *Друг*, *Музыка*, *Наука*, *Поп*, *Правда*, *Староста*, *Товарищ*. Среди имен есть и названия народов: *Калмык*, *Киргиз*, *Татарин*, топонимы: *Бухара*, *Вологда*, *Дон*, *Тверь* и др. Самыми распространенными были имена: *Богдан*, *Воин*, *Волк*, *Второй*, *Горьин*, *Дружина*, *Ждан*, *Заяц*, *Истома*, *Кривой*, *Любим*, *Меньшой*, *Некрас*, *Нечай*, *Первой*, *Посник*, *Пятой*, *Русин*, *Смирной*, *Томило*, *Третьяк*, *Ушак*, *Черной*, *Шестой*. Словарь Н. М. Тупикова открыл целый мир представлений, связанных с русской историей, а имена, собранные им, показали богатство русского языка того времени, безграничную находчивость и фантазию наших предков.

В Словаре имена выглядят так: *Руда*. Руда, Борисоглебский священник, в Пскове. 1343; *Кощей*. Кощей, человек великого князя Московского, ок. 1459; *Чернец*. Гридка Чернец, крестьянин. 1495;

Люба. Люба, жена Петра Дорошенко. 1677; *Ярослава*. Ярослава, дочь великого князя Рюрика Ростиславича. 1187. В течение длительного времени (до XVII века включительно) подобные имена выступают как самостоятельные, иногда даже два вместе: *Шумило Швец*, человек Никиты Строганова. 1609; *Тропка Малой*, крестьянин Сольвычегодский. 1629. Вторые имена несут порой функцию отчества, либо прозвища: *Шарап Лодыгин*, Московский посол в Риме. 1527; *Ширяй Грибакин*, Новгородский недельщик. 1555. Имена имели сокращенные, уменьшительные и ласкательные формы: *Войнюша* (Воин), *Волчок* (Волк), *Вторушко* (Второй), *Жданец* (Ждан), *Лобаник* (Лобан), *Мураш* (Муравей), *Смирка* (Смирый), *Треня* (Третьяк), *Важенко* (Бажен), *Вторко* (Второй), *Морозко* (Мороз), *Некраско* (Некрас) и т. д.

Интересны наблюдения Н. М. Тупикова по поводу прозвищ: «Начиная с XV в., мы встречаем ряд примеров, где русское имя... прямо называется прозвищем, т. е. грамотеи не хотят признавать эти слова именами». Н. М. Тупиков приводит перечень таких имен: *Петрушка Леонов сын*, прозвище *Петух*, крестьянин. 1609; *Анофрей*, прозвище *Незнай*, крестьянин. 1629; *Тренка Олексеев сын*, прозвище *Глазун*, крестьянин. 1631. Это был закономерный процесс перехода простых имен к более сложным, который постепенно превратил вторые имена, прозвища и отчества в общесемейные именованья, а затем в родовые, то есть фамилии. Иногда отчества образовывались от женских имен: *Василь Настасич*, боярин Смоленский. 1169; *Васко Варварин*, крестьянин. 1495.

Древнерусские личные именованья дошли и до нашего времени, сохранившись в основах современных фамилий, и это связывает нас со славной историей нашего народа. Словарь Н. М. Тупикова широко используется изучающими русскую антропонимию. Во многих странах мира ведутся исследования этого наименее разработанного раздела языкознания, и у зарубежных ученых Словарь пользуется широкой известностью. Он также является неоценимым пособием для отечественных исследователей собственных имен.

К сожалению, изданный давно и ограниченным тиражом, Словарь этот превратился в редкую, труднодоступную книгу. Большой интерес к изучению истории собственных имен в нашей стране ставит на повестку дня вопрос о переиздании работы Н. М. Тупикова, поскольку это один из первых и самых нужных источников, к которому обращаются при решении многих антропонимических вопросов.

А. В. СУСЛОВА
Ленинград

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК»

В издательстве «Советская энциклопедия» в 1979 году выйдет в свет однотомная энциклопедия «Русский язык». Книга задумана как научно-популярное издание, дающее основные сведения о русском языке: фонетическом и грамматическом строе, лексике, фразеологии и т. д. Она не дублирует ни имеющихся грамматик и учебников русского языка, ни статей и монографий, посвященных разнообразным вопросам теории русского языка.

Энциклопедия показывает роль и место русского языка среди языков народов СССР, а также — среди языков мира. Русский язык представлен в своем развитии. Кроме обобщающей статьи «История русского языка», в состав энциклопедии включены материалы, посвященные вопросам становления отдельных элементов языковой структуры. К историческому циклу относятся «Памятники письменности русского языка» (статья сопровождается цветными иллюстрациями), «Берестяные грамоты», «Летописи», «Хронографы» и т. п.

Читатель найдет в книге сведения о диалектном членении русского языка (статья «Говоры русского языка» с

диалектологической картой и др.) и о наиболее известных диалектных явлениях: оканье, цоканье и др.; об основных терминах диалектологии: диалект, говор, наречие. Статья «Диалектология» дает общую характеристику, историю возникновения и развития этой области науки.

Центральное место занимают в энциклопедии материалы о современном состоянии русского языка, представленные в статьях общего характера — об основных языковых единицах («Слово», «Словосочетание», «Предложение», «Фразеологизм» и т. п.), и частного характера — о разных сторонах этих единиц и их разновидностях («Форма слова», «Значение слова», «Сложносочиненное предложение», «Простое предложение» и т. п.).

В статьях о разделах русского языкознания (фонетика, морфология, синтаксис, словообразование, лексикология) говорится об основных понятиях и категориях данной дисциплины, об истории становления и развития различных направлений в исследованиях соответствующей проблематики, о ее современном состоянии. Обобщающая статья этого цикла — «Русистика». Общий обзор всех существующих типов словарей русского языка содержится в статье «Лексикография».

В энциклопедию включены также и материалы общезыковедческого характера: «Язык», «Речь», «Язык и мышление», «Семья языков» и др. Читатель получит информацию об основных направлениях и методах языкознания. Раздел «Методика преподавания русского языка» предназначен в основном для учителей средней школы и для тех старшеклассников, которые уг-

глубленно изучают русский язык: «Сочинение», «Разбор», «Развитие речи в школе» и ряд других.

Статьи об отечественных ученых-языковедах сообщают важнейшие биографические сведения и дают оценку тому вкладу, который они внесли в науку о русистике.

Современное состояние науки о русском языке характеризуется наличием разнообразных, нередко взаимоисключающих точек зрения на те или иные проблемы его теоретического осмысления. Авторы и редакторы статей считали необходимым в нужных случаях указывать на различия, существующие в мнениях исследователей по наиболее дискуссионным вопросам (например, о времени возникновения аканья).

Объем однотомной энциклопедии «Русский язык» — 50 авторских листов (свыше 600 статей). Большинство статей содержит библиографию, что придает книге дополнительную научную ценность. Издание иллюстрировано: помещены портреты ученых, снимки книг, словарей, даны грамматические таблицы и схемы.

Книга представляет собой коллективный труд большого числа лингвистов и методистов, в работе по ее созданию принимали участие ведущие ученые Института русского языка и Института языкознания АН СССР, крупнейших вузов Москвы, Ленинграда и других городов. Главный редактор — член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин.

Энциклопедия «Русский язык» будет полезна преподавателям русского языка, студентам педагогических учебных заведений и филологических факультетов университетов. Научно-популярный ха-

рактер большинства статей делает ее доступной широкому кругу читателей, интересующихся русским языком.

Т. А. ГАНИЕВА

В. Я. Дерягин

БЕСЕДЫ О РУССКОЙ СТИЛИСТИКЕ

«Стилистика как раздел языкознания — наука разветвленная и многосторонняя. Область ее теории и практического применения охватывает всю речевую деятельность современного общества. А деятельность эта разнообразна: научные книги и выступления на собраниях, газетные очерки, ра-

диорепортажи и служебные документы, произведения классиков и современных писателей, наконец, повседневная бытовая речь — едва ли можно перечислить все проявления речевой деятельности нашего много читающего и пишущего, слушающего и говорящего общества» — так начинает В. Я. Дерягин свою книгу «Беседы о русской стилистике», выпущенную издательством «Знание» в серии «Народный университет» (М., 1978).

В книге подробно рассказано об истории русской стилистики. На Руси были известны многие сочинения по этой древней науке. Однако подлинной научной характеристикой стилистических средств языка явилось классическое учение о трех стилях М. В. Ломоносова. Учебники и пособия по риторике долго и после Ломоносова рекомендовали правила трех стилей: высокий, средний и низкий.

В начале XIX века было преодолено различие между разговорной и книжно-письменной речью, существовавшее в творчестве писателей-классицистов. В языке русской художественной литературы утверждается индивидуальный авторский слог. При этом постоянно совершенствовались способы литературной обработки народной речи. «В произведениях сначала Н. М. Карамзина, затем И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева и ярче всего — в богатейшем наследии А. С. Пушкина обнаруживается новое отношение к языку и стилю» (с. 14).

Как читать произведения классиков, как употреблять выразительные средства языка, как пользоваться словарями, что означают пометы в толковых словарях: торжественное, ироническое, шутли-

вое, неодобрительное, презрительное, пренебрежительное — об этих и других вопросах общается далее в книге. В словарном составе русского языка есть слова, формы и выражения, которые не входят в нормированную общенародную устную и письменную речь. Это — диалектизмы, жаргонизмы, элементы просторечия. Необдуманное употребление их может быть показателем низкой культуры человека, а целесообразное использование украсит речь. Местные слова и выражения, например, в произведениях М. Шолохова, Л. Леонова, Ф. Абрамова, П. Проскурина и других писателей делают описание более эмоциональным.

Богатство выразительных средств русского языка особенно ярко представляют синонимы — близкие по значению слова. Интересны отношения между словами в синонимических рядах. Приведем один такой ряд: *врач — доктор — медик — лекарь — эскулап*. В современном русском языке *врач* — основное словесно-синонимического ряда (наиболее употребительно), а *доктор* ограничено в употреблении. В XIX — начале XX века основным было слово *доктор*, а *врач* — книжным. Слово *медик* имеет более широкое значение; так называют всех специалистов, имеющих медицинское образование — высшее и среднее (*врачи, фельдшер* и т. д.), но по употребительности оно уступает слову *врач*. В XIX веке *медик* употреблялось гораздо чаще, чем теперь. *Лекарь* имеет ироническую или пренебрежительную окраску, а ранее было нейтральным (вспомним наименование должностей: *уездный лекарь, штаб-лекарь* и т. п.). *Эскулап* — редкое книжное назва-

ние (по имени бога врачевания в древнеримской мифологии), употребляется только как шутовское или ироническое (с. 48—50).

Как видим, синонимы предстают перед нами в постоянном движении. Для определенного текста важно найти единственно нужное и употребительное слово из этого синонимического ряда.

В последнем разделе — «Беседе шестой» — мы узнаем о различных функциях языка, о его использовании с определенными целями. Свообразие письменной формы речи по сравнению с устной показано на примере эпистолярного жанра — дружеских писем. Характеризуются стили языка: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный.

Особо следует сказать о шести задачах, выполнив которые читатель сможет проверить свои знания по стилистике русского языка (в конце книги помещены ответы). Их могут также использовать в своей работе преподаватели практической стилистики.

В книге В. Я. Дерягина «Беседы о русской стилистике» использован большой и разнообразный иллюстративный материал, извлеченный из произведений художественной литературы, переписки писателей и других источников. Все это позволяет надеяться, что книга будет полезна учителям-словесникам, студентам-филологам, а также всем, кто интересуется вопросами культуры русской речи.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

КНИГИ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В Издательстве политической литературы вышла книга Е. А. Ножина «Мастерство устного выступления» (М., 1978). Книга рассказывает о сущности ораторского искусства, знакомит читателя со спецификой публичных выступлений. Читатель найдет в ней ответы на такие, например, вопросы: что такое речевая культура? Какими качествами определяется публичная речь? В чем заключается понятие правильности речи? Что такое богатство речи? Какими языковыми средствами достигается эмоциональность устного выступления?

■ Вопросам культуры публичной речи посвящена также брошюра Н. Н. Кохтева «О культуре речи пропагандиста», вышедшая в издательстве «Московский рабочий» в 1977 году. О том, как развивается культура речи пропагандиста, как он использует силу слова в лекциях и беседах, о популярности и доступности, правильности и образности, о типичных ошибках в устной речи, о разных типах словарей и как ими пользоваться — обо всех этих вопросах узнает читатель, познакомившись с брошюрой.

Максим Грек — яркое и своеобразное явление русской культуры XVI века. В 1518 году он был приглашен Василием III из Греции в Россию для перевода церковных книг и здесь обрел славу выдающегося писателя, просветителя, общественно-политического и религиозного деятеля. С Россией были связаны и наиболее драматические события его жизни.

МАКСИМ ГРЕК (в миру Михаил Триволис) родился в греческом городе Арте (Эпир) около 1475 года. Он происходил из знатного и просвещенного рода Триволисов, состоявшего в свое время в дружеских отношениях с императорским домом Палеологов. Отец его слыл философом, что в византийскую эпоху было тождественно понятию «образованный человек, прошедший известную выучку, школу». Естественно, что он постарался дать и своему сыну хорошее образование, какое было возможно в условиях турецкого завоевания, когда, по словам самого писателя, эллинские науки «угасоша и в последняя дыхания доидоша». Жажда новых знаний влекла молодого человека в Италию, с которой связывалось тогда представление о величии культуры и просвещения.

Около 15 лет прожил Максим Грек в этой стране. Он слушал лекции лучших преподавателей в высших школах Венеции, Падуи, Феррары, Флоренции и Милана. Здесь он изучал философию, историю, риторику, право, логику, литературу, греческий и латинский языки. Известно, что он сотрудничал со знаменитым гуманистом и просветителем Иоанном Ласкарисом, работал у венецианского издателя Альда Мануция, занимался подготовкой книг к изданию, сличая их с древними рукописями. Так

Максим Грек постигал филологический опыт книжного исправления, который впоследствии применял в России на практике.

Идеи гуманизма, почерпнутые им в Италии, оставили глубокий след в его сознании и проявились в его интересе к наукам, приверженности к античным образам, доверии к разуму, культуре образованности, критическом отношении к букве, более свободном подходе к религиозной обрядности.

Серьезное обращение Максима Грека к религии произошло под влиянием Иеронима Савонаролы. Это был великий оратор. Республиканец по своим политическим взглядам, друг Микеланджело, защитник бедноты, он был вместе с тем религиозным фанатиком. Максим Грек воспринял многие идеи Савонаролы. В 1502 году он постригся в доминиканском монастыре. Правда, через два года Максим Грек ушел из монастыря, объяснив причину ухода одолевающими его болезнями. Однако уже на следующий год он удалился на Афон, где принял православие и постригся в Ватопедском монастыре. Что побудило Максима Грека изменить вероисповедание — остается загадкой. Афонские монастыри в то время считались высшей духовной школой, а Ватопед славился богатейшей библиотекой. Через Афон осуществлялись духовные и культурные связи стран православного мира. Понятно, что на Афоне Максим Грек мог значительно расширить свои познания в церковной и светской литературе.

15 марта 1515 года великий князь Василий III отправил грамоту на Афон с просьбой прислать книжного переводчика Савву, обещав наградить его и в скором времени отпустить обратно. Но Савва оказался «многолетен и ногами немощен», и выбор Афонской братии пал на Максима Грека.

4 марта 1518 года Максим Грек прибыл в Россию. Он прекрасно

знал греческий и латинский языки. Полагают, что еще до приезда в Россию Максим Грек знал церковнославянский язык болгарского извода, о чем говорят среднеболгарские формы, обнаруживаемые в его переводах.

Первым переводным трудом Грека была Толковая Псалтырь. Она составляла основу знания и житейской мудрости древнерусского человека. Процесс перевода был таким: ученый монах переводил с греческого на латинский, а опытные посольские переводчики-толмачи Дмитрий Герасимов и Власий переводили уже с латинского на русский. В выработке русского текста перевода участвовал и сам Максим. Через год и пять месяцев они представили свою работу великому князю и митрополиту Варлааму.

Максим Грек напомнил Василию III, что миссия его окончена, и просил отпустить на Афон. Однако великий князь отказал, намереваясь и в дальнейшем воспользоваться трудами ученого.

Выбор последующих переводов Максима Грека также отвечал запросам тогдашней русской жизни. Он переводил богослужебную литературу; некоторые его переводы имели просветительское назначение, знакомя русских людей с интересными сведениями исторического, географического и философского содержания (например, повести «Сказание о разделении Персидские державы», «О рахманех» и др.). Ряд переводных статей Максима был связан с его обличительными выступлениями (например, «Василия Великого беседа на лихоимцев» и др.). В целом переводное наследие Максима Грека составляет более 113 работ.

Кроме того, он занимался исправлениями церковных книг. В ряде статей Максим Грек изложил свои взгляды на деятельность по переводу и исправлению книг. Он доказывал, что ошибки в священных книгах зависели не только от невежественных переписчиков, но и от древних переводчиков, поэтому исправление книг должно происходить не только путем сличения их с древними славянскими списками, но и на основе самих греческих оригиналов. Максим Грек неоднократно подчеркивал, что основой требуемых знаний при переводах является грамматика. Он написал несколько статей по грамматике греческого и русского языков, намереваясь, по-видимому, составить нечто вроде грамматического руководства для переводчиков и исправителей книг. Переводчику с греческого, указывал Максим Грек, недостаточно хорошо знать грамматику этого языка, а следует иметь глубокие познания в «иитике, риторике и самой философии». В противном случае он «не может прямо и совершенно ни же разумети писуемое ни же предложити я на ин язык».

Для определения хороших переводчиков и исправителей книг он составил руководство, сочинив 16 стихотворений героического и эстетического содержания и переведя их на русский. Каждый присту-

Миниатюра
с изображением
Максима Грека,
XVII век

пающий к работе должен был перевести эти стихи с греческого на русский, и допускался к ней, если переводы соответствовали максимвым.

В одном из «Слов о книжном исправлении» Максим Грек, указав на ошибки прежних переводчиков, поделился методом собственной переводческой практики, который заключался в точном переводе слова с установлением всех возможных его значений, а затем доказательстве правильности выбора одного из них для данного контекста.

Большое значение придавал ученый точному переводу грамматических форм оригинала, изменение которых, могло привести к существенному искажению текста.

Многим переводным трудам Максима Грека сопутствовала большая словарная работа. В этом отношении они представляли ценный лексикографический источник для составителей средневековых азбучников. Особо следует отметить перевод Толковой Псалтыри, осуществленный Максимом Греком в 1552 году. Здесь каждому греческому слову давалось его русское соответствие и, кроме того, привлекались прежние переводы. Таким образом, возникали ряды лексических соответствий, что создавало основу для словарного описания. Известно, что выдающийся словарь начала XVII века Памва Берында собрал материал для своего «Лексикона словено-

росского» (1627) «от различных книг и трудов, паче же от толкования преподобного Максима Святогорца» (Лексикон словеноросский Памви Беринди. Київ, 1961).

У Максима Грека были опыты и собственно лексикографические. Он составил ономастикон «Толкование именам по алфавиту». В этом словаре толкуются европейские, греческие и латинские имена. «Толкование...» интересно тем, что позволяет через собственные имена усвоить значения иноязычных корней и основ. В переводе их сказалась исключительная искусность переводчика, который стремился к адекватной передаче их значений. Этот словарь оценивается современными филологами как вполне доброкачественный источник по истории русской лексики.

Работая над переводами богослужебной литературы, Максим Грек стремился к тому, чтобы текст был понятен читателю, и поэтому использовал до некоторой степени русские слова и формы, заменяя ими устаревшие и южнославянские. Так, он переводил в Псалтыри вместо общепринятого «вся враждующая» — «всех враждующих», вместо «вся творящая» — «всех делающих», «услышал» вместо «услыша» и т. д. Тем самым Максим Грек способствовал утверждению этих языковых норм в литературе и, таким образом, участвовал «в процессе тысячекратных усилий писателей и всего народа, направленных на создание литературного языка нового типа» (Л. С. Ковтуп. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв., Л., 1975).

Значение деятельности Максима Грека как переводчика и исправителя книг огромно. Он был одним из первых ученых-филологов, утверждавшим научные принципы переводческой деятельности. Благодаря его переводам «в русло рукописной книжности вошли многие новые произведения». Вместе с тем деятельность Максима Грека по переводу и исправлению богослужебной литературы, его смелое обращение с текстами священных книг в условиях, когда в России слепо верили в их непогрешимость, вызывали у большинства настороженность и даже страх.

В переводах и исправлениях Максима Грека были найдены некоторые неточности, что позволило обвинить его в «растлении» и «развращении» святых писаний. Более существенные причины суда над Максимом Греком заключались в той позиции, которую он занимал в социальной и идейной борьбе того времени.

Максим Грек воспринимался его русскими современниками как философ, мудрец. К нему обращались с вопросами и просьбами не

только русские книжники, но и великий князь Василий III и митрополит Даниил (что, однако, не помешало им потом обвинить его в ереси и измене). Позже Иван IV просил Максима выступить против ереси, а митрополит Макарий ознакомился с сочинениями Грека и некоторые из них, а также переводы включил в Великие минеи-четьи. В келью ученого афонца сначала в Чудовом монастыре, а затем и в Симоновом стекались русские книжники для бесед с ним.

В период с 1518—1525 годов в творчестве Максима Грека отразились три существенные проблемы социальной и идейной борьбы: о воссоединении православной и католической церковью, о распространении астрологических учений и о монастырском землевладении.

Внимание к латинскому вероучению было связано с укреплением отношений Рима с Москвой. Папство предлагало русской церкви союз на основе флорентийской унии против Османской империи. Однако воссоединение церковью при главенствующей роли папы означало бы для России и потерю ее политической независимости. Против исконного властолюбия пап и выступал Максим Грек в своих антикатолических произведениях.

Антикатолическая политика была тесно связана с борьбой против астрологии, широко распространявшейся в то время в России под влиянием Запада. Максим Грек хорошо знал астрологию, изучив ее еще в Милане. Выступая против астрологии, Максим Грек утверждал, что учение звездочетцев лишает нас «самосластного дара», то есть свободы воли, и противоречит здравому смыслу. Это утверждение сближало Грека с гуманистами Возрождения. Однако, борясь против «астрологии гадательной», Грек ограничивал от нее и не отрицал «астрологию научную», занимающуюся «зрением небесных светил».

Наиболее важной проблемой социальной и идейной борьбы того времени был вопрос о монастырском землевладении, о праве монастырей на эксплуатацию крестьянского труда. Дискуссии на эту тему велись еще со времен Ивана III, когда возникли две антагонистические партии: стяжателей и нестяжателей. Главой стяжателей, защитников монастырского землевладения, стал игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, идеологом же нестяжателей был глава заволжских старцев Нил Сорский.

Максим Грек был убежденным противником монастырских владений и не разделял мнений стяжателей, к числу которых принадлежал и великий князь Василий III.

У великого князя были и личные причины для недовольства Максимом Греком, так как последний не одобрял его намерения развестись с женой, считая развод нарушением религиозной святости брака. Однако в официальном акте в 1525 году фигурировали лишь два обвинения против Максима Грека: его упрекали в порче

богослужебной литературы и в критике отделения русской церкви от подчинения константинопольскому патриарху.

Предъявив Максиму Греку эти обвинения, собор лишил его причастия и приговорил к заточению в Волоколамском монастыре.

В 1531 году Грека опять потребовали на собор в Москву и обвинили его в хуле на русских чудотворцев, в выступлениях против земельной собственности монастырей и в изменнических сношениях с турецким султаном Скиндером.

На этот раз собор приговорил Максима к заточению в Тверском монастыре с запрещением причастия и заключением в оковы. Благодаря хлопотам тверского епископа Акакия, который просил Василия III смилостивиться над узником по случаю рождения наследника (Ивана IV), с него были сняты оковы. Максим Грек получил также возможность писать и много и плодотворно работал, создав в этот период лучшие свои публицистические произведения. К этому времени относится, по-видимому, составленное им собрание своих сочинений.

Известны два собрания сочинений Максима Грека, которые содержат авторскую правку. Эти сочинения, написанные, в основном, в Твери, показывают, что, несмотря на жестокую травлю со стороны церковных и светских властей, Максим не отступил от своих убеждений.

Ни один из русских писателей XVI века не дал такой полной и яркой картины эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах, не показал такого резкого контраста между богатством и бедностью, как сделал это в своих произведениях Максим Грек.

В посланиях царю (Ивану IV) Грек создает как бы моральный кодекс для верховного представителя государственной власти. Он учит, что истинным царем становится тот, кто устраивает жизнь своих подданных по законам правды и справедливости, стремится жить в мире с соседними державами.

В 1551 году Греку разрешили свободно поселиться в Троице. Здесь он и скончался в 1556 году.

Очень скоро после его смерти стали составляться жития Грека. Официальная церковь признала его святым, но он не канонизирован. Произведения этого писателя переписывались вплоть до XIX века и дошли до нас во множестве списков, что свидетельствовало об огромной его популярности.

Н. Х. НИЗАМЕТДИНОВА

Рисунок Б. Захарова

В ВЕНГРИИ УЧАТ РУССКИЙ

Статья преподавательницы Университета экономических наук имени Карла Маркса в Будапеште Т. Михаликне рассказывает о преподавании русского языка в современной Венгрии. Она как бы дополняет уже имеющуюся в журнале публикацию Имре Гота (см.: «Русская речь», 1978, № 1), которая носит более специальный, научный характер.

Статья Т. Михаликне познакомит читателей с практической стороной обучения русскому языку венгерских граждан.

С каждым годом все больше и больше венгерских граждан овладевают русским языком.

Интерес к его изучению зародился давно, еще в XIX веке. Энтузиасты преподавания русского языка (и в первую очередь член-корреспондент Петербургской АН Оскар Ашбот) сделали очень многое для пропагандирования и распространения русского языка в Венгрии. Благодаря этим усилиям, уже с середины XIX века в Будапештском университете читались лекции по русскому языку и литературе. Тогда же издаются и первые русские грамматики и русско-венгерские словари. Однако учебников и пособий для желающих изучать русский язык было явно недостаточно. А в период между двумя мировыми войнами после поражения Венгерской советской республики не вышло ни одной значительной работы по русскому языкознанию. Уровень же нескольких учебников, изданных в начале XX века, наглядно показывает следующий отрывок из учебника И. Волкова «Учитесь быстро и легко говорить по-русски»: «Невозможно ехать

в Россию, не зная полного значения подсолнухи, то есть семечек. Русская подсолнуха не имеет ничего общего с заграничной. Она горда, потому что она необходима. Она хорошо знает, что она важнейшая принадлежность „истинно русского человека“. И утром, и вечером, и на извозчике, и на конке, и в действительности, и во сне „истинно русский человек“ непременно грызёт семечки. Но ведь грызть семечки — это вовсе не так просто. Нет иностранца, могущаго в еде подсолнушек (количественно или качественно) равняться с „истинно русским человеком“».

После освобождения Венгрии Советской Армией от фашистских захватчиков, когда венгерский народ получил возможность строить новую жизнь, в стране неизмеримо возрос интерес к русскому языку, советской стране, ее людям, их культуре. Характерной чертой этого времени стало массовое преподавание русского языка в школах и высших учебных заведениях. Вместе с тем возникла и новая трудность — острая нехватка преподавателей. В связи с этим в 1946 году при Будапештском университете был создан Русский институт, в котором началась подготовка преподавателей русского языка.

Кроме того, почти совсем не было учебников. Так, например, в 1950—1951 учебном году в некоторых университетах, где пользовались учебником русского языка Н. Потаповой, на пять человек приходился один учебник, а словарь, составленный Хаасне, — один на десять человек.

Несовершенство программ и методики преподавания русского языка еще более усложняло работу венгерских преподавателей. Так, в начале 50-х годов в школьной программе обучение русскому языку предлагалось строить на основе чтения и анализа литературных произведений русских и советских писателей. Наряду с несомненными достоинствами (подлинность и художественная ценность учебных текстов), этот метод имел и немало недостатков. Прежде всего он оказался малоэффективным со стороны практического овладения языком: школьники могли рассказать по-русски о художественных особенностях произведений социалистического реализма и в то же время не умели попросить стакан воды. От подобного максимализма впоследствии, естественно, пришлось отказаться и перейти к более рациональному, комплексному методу преподавания (чтение, слушание, речь). Что же касается вузов

технического профиля, то здесь вначале преподавание велось по так называемому методу перевода, сущность которого заключалась в переводе и анализе грамматических конструкций и передаче их на другой язык. Обучение проводилось на текстах по специальности, в зависимости от профиля образования. Такие тексты и в дальнейшем оставались в центре внимания при обучении русскому языку в вузах Венгрии, но с начала шестидесятых годов они используются уже не только для механического перевода, а наполняются новым содержанием, становятся средством подлинной языковой коммуникации. В этот период особое значение приобретают текст и предложение, а не отдельные явления грамматики и не дословный перевод, как это было раньше.

Каково же положение в преподавании русского языка в Венгрии в настоящее время! По распоряжению Министерства образования ВНР от 1974 года русский язык в высших учебных заведениях преподается в качестве первого иностранного языка как обязательный предмет в течение четырех семестров (минимум — 2, максимум — 4 часа в неделю). Это так называемый первый период в изучении иностранного языка, завершающийся экзаменом. После этого с пятого по восьмой семестр студент может заниматься русским языком в продвинутой группе. В некоторых университетах и институтах (например, в вузах, подготавливающих преподавателей иностранных языков) обучение проводится по расширенной программе с большим количеством часов и более длительным сроком обучения. В 1976—1977 учебном году в университетах и пединститутах Венгрии обучалось две с половиной тысячи студентов, будущих педагогов, специальностью которых (или одной из специальностей) является русский язык.

В общеобразовательной школе преподавание русского языка начинается, как правило, с пятого класса и продолжается по восьмой. С 1981—1982 учебного года намечается начинать преподавание русского языка в восьмилетней школе с четвертого класса. В гимназиях (следующих после восьмилетки четырех классах средней школы) продолжается обучение русскому языку вплоть до получения аттестата зрелости. К этому следует добавить, что в Венгрии стало уже традицией проводить ежегодные всевенгерские олимпиады и конкурсы по русскому языку и литературе. Лауреаты первых десяти призовых мест освобождаются от приёмного экзамена по русскому языку при поступлении в вуз.

■ Большую помощь преподавателям русского языка оказывает Венгерское Радио. Молодежный отдел, занимающийся составлением передач для школьников и имеющий уже пятнадцатилетний опыт, за время своей работы выпустил большое количество радиокурсов для разных возрастных групп школьников. Один из них — «На суше и на воде» — для учащихся 7—8 классов. В этом цикле передач рассказывается о приключениях пришельцев с другой планеты. Попав на Землю, они пытаются приспособиться к жизни на нашей планете. «В розысках» этих пришельцев принимают участие два венгерских и два советских пионера. Радиокурс написан в занимательной форме и пользуется популярностью у венгерских детей. Другой радиокурс рассчитан на учащихся старших классов, знакомящихся с советской газетой. Он состоит из пятнадцати передач, построенных на материале тщательно отобранных репортажей, сообщений, очерков. И наконец, третий радиокурс «Литературные звуковые картинки XIX—XX веков» рассказывает о жизни и творчестве выдающихся русских и советских писателей, приводятся отрывки из их произведений, воспоминания современников и т. д. Запись этого курса была сделана на Московском Радио с участием советских артистов.

Венгерское телевидение в последние годы выпустило ряд фильмов в помощь школьникам и взрослым, изучающим русский язык. Кроме того в 1977—1978 учебном году по венгерскому телевидению будет демонстрироваться учебный фильм «Русская речь, Советская страна», выпущенный Институтом русского языка им. Пушкина (Москва).

Большая заслуга в области преподавания русского языка принадлежит различным курсам, действующим в рамках Общества венгеро-советской дружбы, Общества по распространению научных знаний, венгерских профсоюзов и т. д.

На курсах Общества венгеро-советской дружбы ежегодно русский язык изучает более пяти тысяч взрослых. В целях повышения эффективности обучения уже в течение пяти лет регулярно действуют интенсивные месячные курсы (30 часов в неделю), на которых работают и преподаватели Института русского языка им. Пушкина.

Говоря о месте и роли русского языка в мире, нельзя забывать, что в настоящее время преподавание русского языка уже не может быть делом только одной страны, одного народа. Постоянное совершенствование и улучшение методики преподавания — почетная задача всего социалистического содружества. Тесные и плодотворные связи между венгерскими

и советскими педагогами существуют уже почти три десятилетия. Ещё в 1949 году по просьбе венгерского правительства в Венгрию приехали советские специалисты, которые в течение ряда лет подготавливали кадры преподавателей русского языка в Институте им. В. И. Ленина. Но особенно тесное сотрудничество между СССР и Венгрией в области преподавания русского языка наблюдается в последние годы. Например, существенную помощь оказывает СССР в подготовке и усовершенствовании венгерских преподавателей русского языка. За последние пять лет органической частью учебного процесса стала стажировка венгерских студентов в СССР. Венгерские педагоги проходят повышение квалификации и в Венгрии под руководством советских русистов. Летом 1976 года для преподавателей восьмилетних школ были организованы курсы в виде лагерей, где советские специалисты занимались с венгерскими коллегами.

Большую помощь оказывает СССР и в создании учебных пособий. Так, советские специалисты принимают участие в подготовке учебников по русскому языку для восьмилетней и средней школы ВНР.

В 1973 году было организовано венгерское отделение МАПРЯЛ, в составе которого сейчас около 2500 человек. Очень большую помощь преподавателям русского языка оказывает филиал Института русского языка им. Пушкина, открытый в Венгрии в 1975 году. По инициативе и при участии сотрудников филиала организуются конференции и встречи венгерских преподавателей русского языка с видными советскими лингвистами и методистами, на которых рассматриваются такие вопросы, как интенсификация преподавания, обучение языку специальности, техника перевода и т. д.

Несколько лет тому назад был открыт Дом советской науки и культуры, который вскоре стал одним из важнейших центров обучения русскому языку. Большой популярностью пользуются среди филологов-русистов, педагогов, студентов и учащихся школ курсы, лекции, кинофильмы, выставки, вечера дружбы, выступления советских писателей.

Можно без преувеличения сказать, что русский язык занимает в Венгрии ведущее место среди всех других иностранных языков. Это язык дружбы, сотрудничества, залог дальнейших успехов социалистического строительства в Венгрии.

Т. МИХАЛИКНЕ
Будапешт

Рисунок В. Толстоногова

СОКОЛЬНИКИ

На XXII Олимпийских играх состязания по ручному мячу (гандболу) будут проходить во Дворце спорта в Сокольниках.

Когда и как появилось название *Сокольники*? В основе его лежит имя существительное в именительном падеже множественного числа, показателем чего является окончание *-и*. Сама основа состоит из корня *сокол* и суффикса *-ник*, имеющего значение действующего лица.

Сокольниками именовались люди, ухаживавшие за соколами и обучавшие их.

Ученые находят следы названия *Сокольники* на северо-востоке Москвы в таких именовании, связанных с соколиной охотой, как *Сокольничье поле* и *Сокольничья роща*.

Вероятно, название *Сокольники* появилось в XVII веке и первоначально относилось к поселению сокольников. Эта слобода (или слободка) размещалась где-то между нынешним *Сокольническим валом* и *Русаковской улицей*. Кстати, в наше время здесь находится улица *Сокольническая Слободка*. Позднее наименование *Сокольники* стало относиться не только к слободе, но и к *сокольничьему двору* (месту содержания ловчих птиц), *сокольничьему полю* (месту их обучения), *сокольничьей роще* (месту охоты).

Названия слобод, где жили люди одной профессии (ремесла, занятия), очень часто имели форму множественного числа. В них выражалось не только то, что «здесь живут люди такой-то специальности», но и своеобразная «кастовость», «цеховой» характер населения слободы. В XVII веке в Москве названия в форме множественного числа имели следующие слободы: *Каменщики*, *Кожевники*, *Огородники*, *Печатники*, *Плотники*, *Хамовники* и др.

В Москве есть и другие наименования, связанные с соколиной охотой, но они не имеют формы множественного числа, так как не

относятся к поселениям сокольников. Это, например, улицы Соколиной Горы. Они находятся в восточной части Москвы, в районе Измайлова, где в XVII веке был соколиный двор. Большое количество подобных названий связано с тем, что сокольники находились в привилегированном положении. Они получали большие земельные наделы и крестьян, освобождались от многих повинностей, включались в состав дипломатических миссий.

Ловчих птиц поставляли с Печоры, с Урала, из Сибири, с берегов Белого моря и других мест, а также из-за границы.

Что же представляла собой соколиная охота, которой было занято так много людей и которая оставила след в топонимии русской столицы?

При царском дворе были птичья и зверовая охота. Птичьей ведал сокольничий со своим помощником — *подсокольничим*. При них состояло много людей: *ловчие, сокольники, кречетники, ястребятники, помытчики* (те, кто напускал, натравливал ловчую птицу), *птичьи стрелки, слуги при сокольне, кречетне, клубучные мастера* (изготавливали снаряжение для птиц и охотников, в частности, колпачки, которые надевались птицам на голову) и другие.

Соколиная охота существовала на Руси издавна. О ней упоминается еще в «Слове о полку Игореве». Особенно большого расцвета она достигла в царствование Алексея Михайловича «Тишайшего». Сам царь называл себя охотником «достоверным» (то есть *истым*).

За сохранность птиц отвечали перед самим царем «*начальные сокольники*». Во власти их находились все люди, имевшие отношение к соколиной охоте. Должность начальных сокольников была весьма ответственна и почетна. Царь придумал специальный торжественный обряд «поставления сокольника в начальные». При

совершении его использовался особый условный язык, придуманный самим Алексеем Михайловичем. Обряд заканчивался тем, что... нововыборного поднимали на руки и ставили на середину «полянovo» меж четырех птиц разных «статей». Подсокольничий, обращаясь к царю, спрашивал: «В рели горь соть ло?». Царь отвечал: «С шай др!» (что означало: «Время ли государь совершить дело?» — «Совершай дар!»). После чего сокольничий подходил к нововыборному «весело и дерзостно» и громко провозглашал: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великие, Малыя и Белья Руси самодержец, указал тебе свою охоту государеву отдать: челига, кречатья и иныя птицы...» и передавал ему обряженного кречета.

Выезд на соколиную охоту, особенно парадный, когда царь приглашал иностранных послов и путешественников, был великолепен. По сторонам дороги двигалось три сотни стрельцов. Впереди ехал *ловчий соколиного пути*. За ним — сокольники и податни с соколами. Дальше двигались псарь и охотники. За ними — сам царь на богато украшенном коне. Позади него ехали приближенные к нему бояре, стольники, стряпчие, а дальше — дворян по три человека в ряд. Начинаясь охота. Поначалу псарь спускал собак, которые поднимали из травы и кустов птиц. И тогда царь пускал сокола. Он стрелой взлетал в небо, зорко окидывая взглядом округу и, увидев под собой добычу, камнем падал на нее и сбивал на землю. Снова поднимался ввысь и снова наносил удар. А на земле охотники с помощью собак быстро находили сбитых уток, гусей, цапель. После этого сокол возвращался и садился на руку хозяина, защищенную прочной кожаной рукавицей.

В начале XVIII века (при Петре I) *Сокольничья роща* и *Сокольничье поле* стали для жителей Москвы любимыми загородными местами. А с конца XVIII века в *Сокольничей слободе* разрешено было селиться купцам и мещанам. Вот как описывалась слобода в приложении к одному из планов столицы последней трети XVIII века: «Сокольничья слобода ведомства Обер-Егермейстерской конторы. Под селением — 9 десятин, сенокоса — 40, леса — 8, неудобной — 2. На суходоле при оной слободе стоит Сокольничей двор деревянной и при Камер-Коллежском вале небольшая у проселочной дороги застава деревянная [Сокольническая], лес строевой; незаселенная выгонная земля лежит впусте». Эта территория стала активно застраиваться во второй половине XIX века. При застройке *Сокольничего поля* появились *Сокольнические улицы*. К Сокольнической роще примыкают площадь *Сокольнической Заставы*, улица *Сокольнический Вал* и *Сокольнический переулоч*.

Названия многочисленных улиц, переулков, проездов, примыкающих к Сокольническому парку, составляют интереснейший

топонимический ландшафт этой части города: *Егерская, Охотничья, Большая и Малая Оленьи* улицы, *Малый Олений* переулок, улица *Олений Вал* (издавна известна *Оленья роща* в Сокольниках), *Лосинский* проезд.

Но названия улиц и площадей хранят память не только о давно прошедших временах. Они рассказывают о революционных событиях, о людях, чьи имена навечно вписаны в историю борьбы за Советскую власть.

Иван Васильевич Русаков, врач по профессии, стал членом партии большевиков в 1905 году. Он принимал активное участие в Московском вооруженном восстании. В дни Великой Октябрьской социалистической революции И. В. Русаков был членом районного военно-революционного комитета. После революции стал председателем Сокольнического райсовета, заведовал Московским отделом народного образования, был членом МК РКП(б) и членом Президиума Моссовета. И. В. Русаков участвовал в подавлении Кроунштадтского антисоветского мятежа 1921 года. Убит белогвардейцами и похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Его именем названы в Сокольниках улица, набережная, Сокольнический трамвайный парк, детская больница и клуб.

Неподалеку от Русаковской улицы расположена *Маленковская* улица. До 1922 года она называлась *Ивановская* и была переименована по просьбе рабочих Сокольнического района в память о рабо-

СЛОВАРИ ДЛЯ ОЛИМПИАДЫ-80

Издательство «Русский язык» в 1979—1980 годах выпустит большое количество словарей и разговорников. Некоторые из них предназначены специально для участников Олимпиады-80.

В списке будущих изданий — англо-русский, француско-русский, японско-русский разговорники для иностранных туристов, приток которых в нашу страну возрастает с каждым годом и достигнет своего «пика» в олимпийский год.

Для спортсменов и тренеров — участников Олимпиады-80 будут выпущены специальные словари, включающие спортивную терминологию.

Олимпийские издания хорошо иллюстрированы и малоформатны. Их можно носить в кармане. Все словари и разговорники издательства «Русский язык» получили дипломы Оргкомитета «Олимпиада-80».

(АПН)

чем-большевике Емельяне Михайловиче Маленкове, который после Октябрьской революции был председателем Сокольнического райсовета (до И. В. Русакова) и военным комиссаром района. Е. М. Маленков героически погиб в гражданскую войну.

Поблизости от станции метро «Сокольники» находится и улица *Шумкина* (бывшая *Митьковская*). Свое название она получила в честь Василия Григорьевича Шумкина, московского рабочего, одного из руководителей Красной гвардии Сокольнического района.

Как известно, Сокольнический парк был местом проведения маевок. Здесь собирались тысячи рабочих Сокольников и других районов.

В центре Сокольнического парка возвышается гранитный памятник-пилон В. И. Ленину. Он установлен в память о двух выступлениях В. И. Ленина на территории парка. Впервые он выступил здесь 21 июня 1918 года перед трудящимися Сокольнического района на митинге, посвященном борьбе с голодом и контрреволюцией, второй раз — 19 августа того же года с речью «Пятый год мировой бойни». В глубине парка, на 6-м Лучевом просеке, сохранился двухэтажный деревянный дом. Здесь в Лесной школе в конце декабря 1918 года и в январе 1919 лечилась и отдыхала Надежда Константиновна Крупская, и ее часто навещал Владимир Ильич. 19 января 1919 года он присутствовал на детском празднике новогодней елки в Лесной школе.

Сокольники сегодня — это светлые многоэтажные дома, скверы и газоны, зелень и свежий воздух обширного лесопарка, прекрасные спортивные сооружения.

*Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ*

Рисунок В. Комарова

В нашей стране сейчас проходит Всесоюзная олимпиада по русскому языку иностранных учащихся, обучающихся в Советском Союзе.

Всесоюзная олимпиада по русскому языку помогает иностранным учащимся еще лучше овладеть русским языком, глубже познакомиться с историей Страны Советов, ее литературой, искусством, выявит настоящих знатоков русского языка.

Нет-нет, да и встретится в русской речи меткое народное изречение с цифрой семь. Бьет оно всегда в самую цель. Как говорится, не в бровь, а в глаз.

Например, статья в газете «Известия» от 13 марта 1978 года называется «У семи нянек...». Дается только начало пословицы, но сразу становится ясно, что речь пойдет о недобросовестном, безответственном отношении людей к делу.

Метких выражений, пословиц и поговорок с числом *семь* в языке много. Годятся они чуть ли не на все случаи жизни, потому что в них говорится об отношении к труду, о характере и поведении человека в той или иной обстановке и т. п.: *на седьмом небе, на семи ветрах, до седьмого пота, сгонять семь потов, семи пядей во лбу, за семью замками, семь пятниц на неделе, семимильными шагами, за семь верст киселя хлебать, семь верст до небес (и все лесом), за семью печатя-*

ми, *драть семь шкур* (с кого), *седьмая вода на киселе*, о *семи жизнях (головах)*, одним махом *семерых (всех)* убивахом; *один с сошкой*, (а) *семеро с ложкой*; *семеро одного не ждут*; для милого дружка *семь верст не околица*; у семи нянек дитя без глаза; *семь топоров вместе лежат*, а две прялки врозь; *семь раз примерь, один раз отрежь*; *семь бед — один ответ*; *семеро на колесе проехали*; (пока) баба с печи летит, *семьдесят семь дум передумает*; *лук — от семи недуг*; на семи сидела — *восемь вывела*; сам не дерусь, *семерых не боюсь*; глухому *семь раз обедню не служат*.

Почему же в народной речи числу *семь* отдается предпочтение перед другими числами?

Наличие *семь* в составе устойчивых выражений можно объяснить тем, что еще в глубокой древности с некоторыми числительными (например, *три, семь, десять*) были связаны мифические представления. В частности, числу *семь* приписывались мистические свойства приносить счастье, удачу. В этой связи можно привести эпизод из повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»: карты, которые должны были принести удачу Герману, названы «тройка, *семерка*, туз». Пушкин обыгрывает в своей повести символические представления, связанные с этими числами: «...белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, — и Герман узнал графиню! — Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду...».

Как известно, культ числа *семь* связан с одной из самых древнейших цивилизаций прошлого — ассиро-вавилонской. Жрецы Вавилона поклонялись семи богам и, наблюдая за известными им небесными светилами — Солнцем, Луной, Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером, Сатурном, связывали существование планет с богами. Возможно, частое употребление в древности числа *семь* связано не только с суевериями, но и с научными поисками. Эксперименты инженерной психологии открыли следующую способность человеческого мозга: в гамме различать *семь* основных звуков, а в спектре — *семь* основных цветов.

В современном русском языке мы употребляем устойчивые выражения с числом *семь*, не связывая их с какими-либо мистическими представлениями. Когда мы говорим *работать до седьмого пота*, то имеем в виду «работать очень нап-

ряженно, до крайнего утомления, полного изнеможения». «И тебя и меня помещик норовит в ярмо запрячь и гонять до седьмого пота» (Н. Островский. *Рожденные бурей*). Пословица *семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь* употребляется нами в тех случаях, когда мы хотим подчеркнуть, что, прежде чем что-то сделать, надо все обдумать, взвесить, хорошо подготовиться: «Терапия — наука осторожная. Семь раз отмерь, один раз отрежь» (Дягилев. Доктор Голубев).

Интересно проследить за формой числительного в составе устойчивых выражений: оно может быть количественным (*семь — за семью замками*), порядковым (*седьмой — на седьмом небе*) и собирательным (*семеро — семеро одного не ждут*), может входить в состав сложного слова (*семимильными шагами*).

Утратив свое конкретно-числовое значение, *семь* играет очень важную роль в формировании общего значения выражения. Устойчивые сочетания, пословицы и поговорки с числом *семь* обладают значительной смысловой емкостью: они не только передают то или иное понятийное содержание, но и выражают различные чувства (гнев, радость, восторг, восхищение, презрение), а также экспрессию, то есть подчеркивают степень действия, качества или признака, интенсивность их проявления.

Причем именно числительное передает очень важные для понимания выражения эмоциональные оттенки, выражает экспрессию.

Семь пятниц на неделе — так говорится о том, кто легко меняет свои решения, намерения, настроения; наряду с понятийным содержанием фразеологизм выражает экспрессию (слишком часто, чрезвычайно легко меняет решения), передает отрицательное отношение к такому человеку: «У ее матери *семь пятниц на неделе*: сегодня пожалеет, приласкает, а завтра булавки втыкать начнет» (Караваева. *Огни*).

Семь верст до небес (и все лесом) — «очень, чересчур, чрезмерно много наобещать, наговорить...». Передает недоверие со стороны того, к кому обращена речь: «Дочь лесника долго и старательно рассказывала нам дорогу и наговорила *семь верст до небес и все лесом*» (Солоухин. *Владимирские проселки*).

Выражение *на седьмом небе* означает высшую степень радостного возбуждения, счастья, блаженства: «Сам Рогожин

весь обратился в один неподвижный взгляд. Он оторваться не мог от Настасьи Филипповны, он упивался, он был на седьмом небе» (Достоевский. Идиот). В книге «Крылатые слова» Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина пишут, что употребление этого выражения «восходит к греческому философу Аристотелю (384—322 до н. э.), который... полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристалльных сфер, на которых утверждены звезды и планеты». В словаре «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона читаем: «Представление о семи небесах происходит от различных названий неба, встречаемых в писании». Фразеологизм *на седьмом небе* лишь этимологически связан со священными небесами; в современном русском языке он не связывается с представлениями о семи небесах. Синонимом его является *на вершине блаженства*.

Устойчивые выражения с цифрой *семь* употребляются в русском языке с различной стилистической окраской: книжной, разговорной и просторечной. Фразеологизм *книга за семью печатями* 'что-либо совершенно непонятное, скрытое, совершенно недоступное разумению' носит книжный характер; *драть семь шкур (с кого)* 'жестоко эксплуатировать, притеснять кого-либо' — разговорный; *за семь верст киселя хлебать (есть)* 'далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. д. куда-либо' — просторечный, с ироническим оттенком.

С просторечными устойчивыми оборотами смыкаются облатные, или диалектные фразеологизмы. *На семи сидела — восемь вывела* — так шутливо говорят в Рязанской области об очень хитрой, практичной женщине. Возможно, это выражение возникло как загадка до революции в Курской губернии, где протекает река Сейм: «На Сейме сидела — восемь вывела?». Отгадка: «Утка плавала в реке, а потом вывела восемь утят». Видимо и в этом случае восторжествовала тяга к числительному *семь*. В другие области выражение перешло уже в новом варианте *На семи сидела — восемь вывела* с совершенно другим понятийным содержанием.

По содержанию фразеологизмы, пословицы и поговорки с числом *семь* очень остроумны и хлестки, а по форме предельно лаконичны.

Это поистине золотые россыпи народной мудрости!

Л. А. МИЗЯЕВА

Рисунок В. Толстоногова

Лишь век назад хозяин догадался
 Котел, в котором тысячи веков
 Варился суп, поставить на колеса
 И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
 Пар выпер поршень, напружил рычаг,
 И паровоз, прерывисто дыша,
 С усилием сдвинулся
 И потащил по рельсам
 Огромный поезд клади и людей.

М. Волошин. Пар

и пароводный дилижанец

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Родиной железных дорог, как известно, является Англия. Биллем от 19 апреля 1821 года Г. Стефенсону разрешалось «устроить железную дорогу или трамвай для проезда по ней вагонов и экипажей».

В 1824 году инженеру Герстнеру удалось получить привилегию на постройку рельсовой дороги в Австрии. В немецком языке дорога получила название Eisenbahn 'железная дорога'. Слово Eisenbahn оказалось универсальным термином для обозначения сначала чугунных, а затем и железных дорог, поскольку существительное Eisen означает одновременно и чугун, и железо.

В России о сооружении за границей новых дорог было известно еще до изобретения первых паровозов. В 1805 году вышла небольшая книжка Л. С. Вакселя «Описание чугунной дороги [...], учрежденной в графстве Суррей, в Англии, в 1802 году...», в которой впервые рассказывалось русскому читателю о чугунных рельсах, примененных англичанами для облегчения перевозки грузов лошадьми. Таким образом, в 1805 году в русский язык стало входить неизвестное дотеле словосочетание *чугунная дорога*.

Статьи, посвященные чугунным дорогам, появляются в различных газетах и журналах. Так, например, в шестом номере «Коммерческой газеты» за 1828 год читаем: «Проектированные, за несколько лет, в Англии большие чугунные дороги ныне, вероятно, приведутся в исполнение».

В статьях встречается и сочетание *железная дорога*. В первых двух номерах газеты «Северный муравей» за 1830 год был опубликован материал «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами».

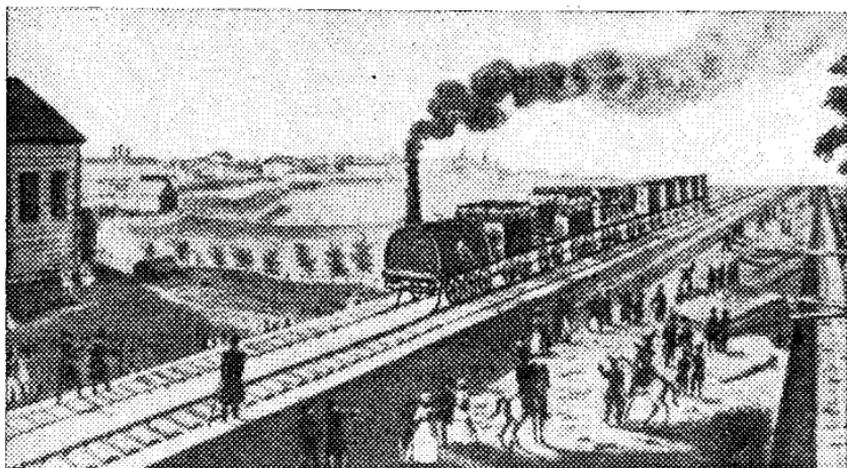
Видимо, автором термина *железная дорога* следует считать литератора и историка, неутомимого путешественника, друга многих русских писателей, А. И. Тургенева. После посещения Бирмингама он в 1828 году записал в дневнике: «За несколько миль от Бирмингама уже все взрыто, и только одна проезжая дорога осталась невскопанною, но и ее пересекают железные дороги, полосы-колен, в разные стороны к многочисленным фабрикам проведенные».

Словосочетание *чугунная дорога* в нашем языке не прижилось и поэтому в словари не попало. В. И. Даль отмечает в «Толковом словаре живого великорусского языка» лишь разговорное *чугунка* «Железная дорога, железянка. Наши на чугунке работают».

Первая железнодорожная (придворная Царскосельская) ветка была открыта в России 27 сентября 1836 года. Газета «Северная пчела» в это время писала: «Да здравствует русская железная дорога!». В конце 1836 года А. С. Пушкин в письме к В. Ф. Одоевскому писал: «Дорога (железная) из Москвы в Нижний-Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург — и мое мнение — было бы: с нее и начать... Я, конечно, не против железных дорог...». И тут же он высказывает мнение о том, что уборка снега на них должна быть механизирована.

К сочетанию *железная дорога* привыкли не сразу. Характерно, что известный поэт, критик и журналист П. А. Вяземский, путешествуя по Англии в октябре 1838 года, употребляет английский термин: «Часть дороги, но весьма малую, можно проехать и по railway». После постройки в 1851 году дороги между Москвой и Петербургом Вяземский уже писал о том, что «железные дороги избородили целый свет».

С широким развитием железнодорожных магистралей словосочетание весьма прочно вошло в язык, и жизнь ему предстоит еще долгая. Об этом, в частности, свидетельствуют строки из журнала «Знание — сила»: «Пройдут годы, и локомотивы помчат нас по высокопрочным стальным, бетонным, полимерным, но все равно — железным дорогам».

Поезд Царскосельской железной дороги, открытой в 1837 году

РЕЛЬС

Рельс — слово английское, означающее 'прямой брус, балка'. Деревянные рельсы из брусьев были устроены в Англии еще в XVII веке. Там же в XVIII веке появились первые чугунные рельсы. Они назывались полосовыми путями, так как представляли собой плоские полосы чугуна.

При постройке Е. А. и М. Е. Черепановыми на Урале в 1834 году первого русского паровоза были изготовлены рельсы — *чугунные колесопроводы*. Данное сочетание в языке не закрепилось. Часто рельсы называли *шинами*, железнодорожный путь — *полосовой дорогой* или *чугунными колеями*.

После постройки Московско-Петербургской железной дороги в нашем языке закрепилось английское слово *рельс*. В 1864 году Н. А. Некрасов писал:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.

Железная дорога

ПАРОВОЗ

Первые паровозы для движения по рельсам были построены в начале XIX века в Англии. Официально они назывались High pressure tram-engine 'рельсовая паровая машина', а в народе — iron-horse 'железный конь', поскольку до этого вагоны по рель-

сам тянули лошади. Несколько позже эти машины получили название *локомотив* (лат. loco moveo — сдвигаю с места).

Во время постройки русского паровоза Черепановых в 1833—1834 годах между Выйской конторой, где его сооружали, и Нижним Тагилом шла оживленная переписка. Паровоз назывался *пароходный дилижанец, пароходная машина, пароходка, пароход*. Два последних слова на некоторое время закрепились в языке для его обозначения.

Слово *пароход* (образованное по модели *пешеход, самоход, скоростной*) как название парового судна к этому времени уже достаточно прочно вошло в язык. И поэтому, чтобы подчеркнуть отличие паровоза от водного судна, паровоз называли *сухопутный пароход*.

В знаменитой «Попутной песне» на слова Н. В. Кукольника говорится:

Дым столбом — кипит, дымитя
Пароход...

При открытии Царскосельской железной дороги возникло слово *паровоз*: «Немедленно по прибытии паровых машин (Locomotives, которые для отличия от водяных пароходов, можно было бы назвать паровозами) последуют опыты употребления их...» («Северная пчела», 30 сентября 1836).

В 1841 году употребляет новое слово в стихотворении «Русские проселки» П. А. Вяземский:

Двух паровозов, двух вулканов на лету
Я видел сшибку: лоб со лбом они столкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись...

Интересно отметить, что в течение длительного времени были распространены метафорические названия паровоза. Его именовали *ходуном-самоваром, ревушим вулканом*. В стихотворении П. А. Вяземского «Ночью на железной дороге» встречаем такое описание:

...меня мчит ночью темной
Змий — не змий и конь — не конь.
Зверь чудовищно огромный,
Весь он пар и весь огонь...
Бьют железные копыта
По чугунной мостовой.

Слова, образованные по модели *пароход*, имеют значение 'с помощью чего ходит данная машина'. *Паровоз* же — принципиально новый термин. До этого в русском языке существовали

слова этого типа (*водовоз, муковоз*), но все они означали профессию: тот, кто возит что-либо. Легко заметить, что *паровоз* отличается от них, поскольку в нем заложено новое значение: не *что*, а *чем* возит машина. Сейчас новые рельсовые локомотивы получают свои названия уже по его модели: *газотурбовоз, дизель-воз, мотовоз, тепловоз, турбовоз, электровоз*.

ВАГОН

Пассажирское сообщение в Европе в начале XIX века осуществлялось на дилижансах (в России введены с 1820 года). Отсюда название экипажа вместе с его функцией было перенесено и на железнодорожные вагоны. Первые вагоны представляли собой открытые платформы, на которые ставились обычные конные экипажи. Позже стали делать специальные кареты на железнодорожном ходу; они так и назывались «повозки», «паровые кареты».

Слово *вагон* пришло во все европейские языки из английского.

В сентябре 1836 г. «Северная пчела» писала: «Всего привезено из Англии и поставлено на железной дороге только еще 4 экипажа: два шарабана, т. е. крытые повозки и два вагона — открытые повозки; каждый шарабан был сцеплен с вагоном». Как видим, сначала вагоны представляли собой просто открытые платформы.

Очень интересна дневниковая запись 26/14 февраля 1838 года А. И. Тургенева: «Гуляя по бульвару [в Париже, — А. III.] с толпою, встретил я двенадцатискамеечную и осьмиколесную таратайку, в коей сидело до шести — десяти человек, что и похоже на экипаж железных дорог». Это первый в литературе случай, когда элементы железной дороги были употреблены для сравнения.

Сегодня вагоны являются не только транспортным средством. Они используются в качестве передвижного домика на колесах (не обязательно железнодорожных) для различных целей. Поэтому в речи изыскателей, строителей-первопроходцев стали привычными такие словосочетания: *вагон-бытовка, вагон-прорабская, вагон-баня, вагон-столовая* и др. Существуют временные поселки, набранные из подобных вагонов: «...я опоздал на ужин. А потому топтался в магазине вагон-городка...» («Нева», 1977, № 8).

ПОЕЗД

Это слово известно в русском языке еще с XII века в значении «поездка, объезд для сбора податей»: «...в поезде от всей земли владыке 10 гривен, а попу две гривны» (Уставная грамота князя

Святослава Ольговича...), а также в значении 'отъезд': «Дружине его не сужи с ним не ведушим поезда князя своего борзо» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка).

Позже слово приобрело значение 'торжественная или обрядовая езда, процессия': *похоронный, свадебный* (на Дону его называют *храбрый*) *поезд*. Отсюда произошло существительное *поезжан* — участник такого поезда. Это существительное сохранилось до наших дней в русских говорах.

Поскольку поезжане всегда ездили на нескольких повозках (санях), которые в силу узости дорог были вынуждены тянуться вереницей, гуськом, веревкою, название *поезд* было перенесено с объезда, поездки, путешествия на обоз, караван повозок.

Для именованний первых железнодорожных поездов сначала было использовано существительное *обоз*. О поездках 2–4 января 1837 года «Северная пчела» (№ 5) писала: паровоз вел «обоз из 23 повозок», в 12 из них были пассажиры, а в 11 — скот и экипажи; «обоз при большом ветре и большом сопротивлении шел медленно».

В значении же сцепленных между собой и с локомотивом железнодорожных вагонов наиболее ранним, видимо, следует считать использование слова *поезд* в «Попутной песне» (1840) Н. В. Кукольника: «И быстрее, шибче воли поезд мчится в чистом поле».

В наше время *поезд* активно выступает в качестве второй основы для образования новых слов. При этом некоторые из них уже вошли в языковую практику (*автопоезд, агитпоезд, бронепоезд, электропоезд, энергопоезд*), а иные являются пока неологизмами (*бетоноавтопоезд, аэропоезд, метропоезд*).

А. Н. ШУСТОВ

Рисунок С. Гавриловой

В ближайших номерах нашего журнала будут публиковаться статьи о правилах речевого поведения — о речевом этикете. В них читатель найдет рекомендации, как следует обратиться к знакомому и незнакомому человеку, извиниться и выразить сочувствие, поблагодарить и сделать комплимент, обратиться с просьбой, дать совет и т. п.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—2

Рудалев. Руделев. Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Рудаль, Рудель, вероятно, связанного с *руда* 'кровь' или в северных говорах 'грязь, пятно'. В 1395 году — дьяк Рудель в Кирило-Белозерском монастыре, в 1528 году Чюра толмач Остафьев сын Руделева. В 1897 году Рудалева в Кушевской волости Холмогорского уезда Архангельской губернии.

Ружников. Отчество от именования отца по занятию — *ружник*. По Ю. А. Федосюку 'ружейный мастер', но для этого служил термин *ружейник*. А *ружник* гораздо вероятней от *руга* — довольствие, отпускаемое церковнослужителям, *ружник* — получающий ругу, а в тех местностях, где духовенство получало ругу по договору от местного населения (например, во многих приходах Севера и Сибири), *ружник* — сборщик руги, то есть продуктов для духовенства. Поэтому нет надобности привлекать иную основу *ружь* 'наружность, внешность'. Слово *ружье* появилось в русском языке очень поздно (об этом см.: В. К. Чичагов. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружьё*. — Ученые записки МГУ, вып. 159, М., 1952). Его

еще не существовало, когда в 1642 году документирован Кирилко Ружников, якутский торговый человек (Н. М. Туников. Словарь древнерусских личных имен. М., 1903) и в 1699 году «ведомость сибирских городов» перечисляла социальные группы «служилых людей, ружников, оброчников». В 1897 году документированы Ружниковы (83 чел.) в Дорогорской, Лешуконской и других волостях Мезенского уезда Архангельской губернии.

Рузавин. Вероятно, фамилия мордовского происхождения, образованная по модели русских фамилий — отчество с суффиксом *-ин*, присоединяемым к основам на *-а*. Таким образом, находим основу *рузава*, это мордовское слово, где *руз* 'русский', *ава* 'женщина, мать', *рузавин* в первоначальном значении 'сын русской'. Фамилия записана на территориях, где в прошлом обитала мордва: с. Алакаевка Сызранского уезда, Симбирской губернии (1897), с. Камешкир Пензенской области (1930).

Русанов. Отчество от нецерковного мужского имени Русан, нередкого в прошлом (XVII в.), возможно, названного так за русый цвет волос; А. И. Толкачев предполагает, что Русан происходит из ка-

понического мужского имени Хрисаиф, в просторечии Кирсан (см. сб. «Этимология», 1973, М., 1975), что возможно (замена гласного еще в греческом языке, ср. Киприон — Куприан), но зафиксировано болгарское жепское имя Русана и трудно предположить, что сложный процесс изменений так совпал в двух языках (правда, оно может быть пересмыслением по слову *русский*). Ранние примеры имени и отчества: князь Русан Плаксин в Новгороде Северском (1388), крестьянин Олиско Русанов (1495), судья Киприян Русанов (1607). Фамилия распространена очень широко, хотя и не часто.

Русинов. Отчество от нецерковного имени отца Русин. Имя могло выражать этническое значение — например, в Польше, Молдавии эпохи феодализма *русин* означало украинца, жителя Галиции и Закарпатья. Русинами называли и украинцев Воеводины (Югославия) и др. Однако, нельзя приписывать этническое значение каждому личному имени Русин. Замечательный пример приведен академиком А. И. Соболевским: в одной семье XV века родные братья «Русин да Мещерин дети Черемисинова». В Словаре древнерусских имен Н. М. Тушикова собраны несколько десятков примеров этого имени за 1390—1614 годы. Фамилия часта на Севере, откуда пришла в Зауралье.

Ручьев. Фамилия связана со словом *ручей*, хотя характер этой связи неясен. Ни у кого не возникало сомнений, что слово это общерусское и славянское. Известно с древнейших памятников русской письменности, широко распространено в современном русском литературном языке. Но изучение имен собственных неожиданно

открыло удивительную особенность: сначала на топонимическом материале выяснилось, что топонимы с основами *ручей* и *ключ* (а их две сотни!) строго разграничены: *ручей* только в бывших новгородских владениях, а *ключ* на территории Московского государства, а «зона вибрации» — это местности, которые принадлежали то Москве, то Новгороду; впервые это отмечено в статье «Ручей — ключ — колодезь — криница — родник» (В. А. Никонов в сборнике «Материалы и исследования по русской диалектологии», М., 1961). Теперь и география фамилий подтвердила это: собраны фамилии почти полутора миллионов жителей по 20 крупным территориям, из них Ручьевы встречены только в бывших Шенкурском, Холмогорском и Онежском уездах Архангельской губернии — десятки в каждом уезде. Конечно, фамилии меньше, чем топонимы, прикреплены к месту, и Ручьевы могли разбегаться по разным краям, но основная масса осталась на их прежних территориях.

Рыбников. Отчество от имени отца по профессии *рыбник* — «продавец рыбы». М. А. Рыбникова в своей «Книге о языке» (1925) уверенно, но ошибочно образовала эту фамилию из прозвища, данного любителю пирога с рыбой. Гастрономические вкусы бывали основой прозвищ, но в данном случае *рыбник*, безусловно, не «пирог с рыбой», а продавец рыбы (им мог быть и сам рыболов, но чаще — торговец). Для основы белорусской фамилии Рыбник Н. Б. Бирплло указывает значение «рыболов». Ранние документации: крестьянин Рыбник Самойлов — 1539 г., московский купец Федор Ларионов сын

Рыбник — 1598 г., пушкарь Антошка Рыбников в Торопце — 1674 г. (приведены в Словаре древнерусских личных имен Н. М. Тупикова).

Рыжих. Фамилия образована по модели: прилагательное в форме родительного падежа множественного числа от именования семьи Рыжие, которые могли быть и не рыжими, а лишь потомками носителя имени Рыжий (как Хромые — сами не хромали, а получили фамилию от предка по имени Хромой). Фамилии на *-их (-ых)* распространены только на определенных территориях: Северное Поволжье и часть Севера, Урал, Сибирь, центрально-черноземные области и «островок» близ реки Иргиз в Нижнем Заволжье.

Рылеев. Отчество от прозвища в форме Рылей, не записанного нигде. Оно вполне возможно от *рыло* — «широколицый». Но заманчиво связать с приведенным в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера южнорусским, донским и украинским словом *рыля* «лира», прилагательное — *рылейный*; *рылей* могло означать певца-музыканта. Но, конечно, это лишь предположение, требующее доказательств. Ранняя документация — Василий Федоров Рылеев — 1547 г., со 2-й половины того же столетия — дворянская семья, из которой позже вышел декабрист К. Ф. Рылеев (1795—1825). Сегодня фамилия есть в Москве.

Рыдин. Отчество от старинного русского слова *рында* «оруженосец, телохранитель», но в этих значениях оно давно вышло из употребления и получило новые значения «нескладный верзила, долговязый». В. И. Даль записал диалектное *рындать* — архангельское «проваливаться в болоте,

или сквозь лед, снег», псковское «плёндать по грязи», нижегородское «падать, валиться, сыпаться, нестись». Ранние документации: крестьянин Ивашко Рыдин — 1495 г., дьяк вологодского епископа Лука Васильев сын Рыдин — 1577 г.

Рюмин. Отчество от прозвища или нецерковного мужского личного имени Рюма из диалектного, широко распространенного слова *рюма* «плакса, нытик» (моск., рязан., поволж.), не имеет отношения к слову *рюмка* (хотя в некоторых северодвинских говорах записано и значение «пьяница», но оно вторично). Ранние документации: московский вотчинник Андрей Рюмин сын Сабурова — 1586 г., Пятой Рюмин в Юрьевце — 1609 г. Фамилия распространена в разных местностях: в 1897 году 395 человек в Холмогорском и Мезенском уездах Архангельской губернии, несколько семей в д. Песочная Меленковского уезда, Владимирской губернии, теперь не единична и в Москве.

Ряхин. Отчество от прозвища Ряха, которое давно совершенно забыто, но значение его можно узнать по уцелевшему антониму *неряха*, следовательно *ряха* означало «аккуратный, соблюдающий порядок». Фамилия документирована в Суерской и Коркинской волостях Ялуторовского уезда Тобольской губернии 1897 г., в с. Горохово Алексинского уезда Тульской губернии — 1916 г.

Ряшенцев. Отчество от именования отца по местности — *ряшанец (ряшенец)*, то есть из города Ряжска (ныне в Рязанской обл.) — неоднократно встречается в документах XVIII века.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

■ **МЕЖ- и МЕЖДУ-**

В. А. Ключкина из Запорожья спрашивает: «Как правильно написать: *межведомственный* или *междуведомственный*? В печати наблюдается разнбой в написании этого слова...».

Сложные прилагательные с *между-* и *меж-* в качестве первой части слова имеют соответственно следующие значения: 1) 'находящийся или происходящий между одинаковыми предметами или явлениями, которые названы основным словом — *междугородный, международный, междуведомственный* (вариант *межведомственный*), *междувидовой* (*межвидовой*) и др.'; 2) 'находящийся или происходящий внутри — *межамериканский, межзаводской* и др.'.

Употребление таких прилагательных в современном литературном языке отмечено некоторыми особенностями.

Первая из них заключается в том, что в целом употребительность прилагательных с такими значениями растет. 2-е издание орфографического словаря русского языка (1957) фиксирует всего 46 сложных слов с первым элементом *меж-* и *между-*, тогда как в 13-е издание (1974) включено 73 названия. Самое большое количество подобных слов — 154 — зафиксировано в словаре-справочнике «Слитно или раздельно. Опыт словаря-справочника» (1972).

Вторая особенность состоит в том, что количество слов-вариантов (*межвидовой* — *междувидовой*) последовательно сокращается за счет роста употребительности прилагательных с *меж-*. Таких слов, которые сегодня употребляются в обоих вариантах, примерно в пять раз меньше, чем с *меж-*. Так, в названном словаре-справочнике на 154 лексические единицы приходится 23 — с *между-*, 108 — с *меж-*, 23 употребляются в обоих вариантах.

К третьей особенности следует отнести то, что и среди колеблющихся слов вариант с *меж-* явно предпочитается. В словаре вариантов (Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов», 1976) к соответствующей словарной статье приведены пятнадцать слов, отмеченных авторами в обследованных и статистически обработанных материалах: *межведомственный* — *межведомственный*, *межвидовой* — *межвидовой*, *межзвёздный* — *межзвёздный*, *межзональный* — *межзональный*, *межквартирный* — *межквартирный*, *межклеточный* — *межклеточный*, *межкомнатный* — *межкомнатный*, *межнациональный* — *междунациональный*, *межотраслевой* — *междуотраслевой*, *межпарниковый* — *межпарниковый*, *межпланетный* — *межпланетный*, *межполосный* — *межполосный*, *межпоездной* — *межпоездной*, *межреберный* — *межреберный*, *межсоюзнический* — *межсоюзнический*, *межствольный* — *межствольный*, *межэтажный* — *межэтажный*. Вариант с *меж-* среди этих колеблющихся слов встречается чаще, в соотношении, примерно, 90 к 10 на 100 употреблений.

Рост употребительности прилагательных с *меж-* вызван рядом причин. Прежде всего — это результат уподобления вариантов внутри узкой речевой сферы, которую составляет терминология. Ряд сложных прилагательных с первым элементом *меж-* означает не 'находящийся или происходящий между'..., а 'находящийся или происходящий внутри...' и они, естественно, в вариантах не выступают. Иногда различия в значении могут быть обнаружены только в контексте: например, *межзаводской* может означать и 'внутризаводской', и 'междузаводской'. В терминологической сфере речи такие «разнозначные» прилагательные составляют единообразную группу слов, образованных по невариантной модели. Активность этой модели обусловлена преимуществом односложности первой части слова. В русском языке большинство приставок односложные, поэтому предлог *между*, выступая в функции приставки, предпочитается в односложном варианте.

И, наконец, вытеснение более длинного варианта определяется тенденцией к экономии языковых средств, которая рядом исследователей признается как постоянно действующий фактор развития языка на современном этапе.

Среди колеблющихся прилагательных с *меж-* и *между-* или среди тех, которые зафиксированы словарями только в варианте с *между-* большинство составляют слова с конкретным существительным в качестве опорного: *междурельсовый*, *междустворочный*, *межпоездной*, *междуоконный*, *междуосевой* и т. п. Видимо, сохранению двусложного варианта первой части слова здесь способ-

ствует ясное осознание значения его составных элементов, то есть *между* осознается как предлог. Однако такого рода лексико-семантические «сцепления» оказываются ненадежными, и в современных текстах мы нередко встречаем более короткий вариант таких сложных прилагательных «Клеточные контакты и связи, *межтканевые* взаимоотношения — эти понятия еще не так давно были в обиходе лишь небольшой группы специалистов» («Наука и жизнь», 1975, № 8); «*Межкорпусной* в строю» (Заголовок в заводской многотиражке); «Помощник притворил дверь в темноту *междверного* пространства» (Г. Бакланов. Друзья).

Из сказанного следует, что вариант с *меж-* можно считать более предпочтительным и для тех немногих прилагательных, которые еще употребляются в обоих вариантах, в частности, и для пары *межведомственный* — *междуведомственный*.

Есть только два общеупотребительных прилагательных, которые традиционно закрепились только в форме с *между-* — это *междугородный* и *международный*.

Л. П. Катлинская

■ ДВОЙНЫЕ И ОДИНОЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ

Москвич Н. В. Мясников спрашивает: «Скажите, пожалуйста насколько закономерно и правильно уничтожение (ликвидация) второй удвоенной буквы во многих словах иностранного происхождения? Например, пишем *официальный*, а раньше писали *оффициальный*, в слове же *коэффициент* оставлено два *ф*. Почему *Таллин*, а не *Таллинн*? Кто и когда исковеркал эти и другие слова? И зачем? Какая от этого польза?»

Читатель обращает внимание на один из самых трудных вопросов современной орфографии — передачу двойных и одиночных согласных в заимствованных словах (нарицательных и собственных именах).

Разнобой в написании двойных согласных в заимствованных словах объясняется следующими причинами.

Во-первых, не существует общего правила написания, которое охватывало бы все типы иностранных слов, закрепляющихся в русском языке. Здесь очень большое значение имеет традиция. Именно поэтому написание двойных согласных в заимствованиях не было упорядочено ни орфографической реформой 1918 года, ни «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956). Они

определяется в «словарном порядке» (в действующих правилах приводятся только отдельные написания иноязычных слов). Поэтому написание каждого слова нужно заучить, а в случае сомнений следует обращаться к орфографическому словарю.

Во-вторых, заимствование иностранных слов — это постоянный процесс в русском языке. Исследователи по-разному относятся к тому, как следует передавать заимствованные слова: так, как они произносятся в русском языке, или в соответствии с их звуковым составом в языках-источниках?

Ориентироваться на язык-источник при передаче двойных согласных подчас бывает трудно. С одной стороны, пишущий может не знать, откуда заимствовано слово и как оно там пишется; с другой стороны, ему может быть известно, что слово в одних языках пишется с двумя согласными, в других — с одной, и он не в состоянии решить, из какого именно языка вошло к нам такое слово. Все эти трудности испытывают и составители словарей.

Кроме того, важен и тот факт, что заимствованное слово, как правило, по мере обрусения перестает произноситься с двумя согласными и, подчиняясь правилам заимствующего (русского) языка, пишется с одной согласной, независимо от написания в языке-источнике. Все это способствует появлению в орфографической практике колеблющихся написаний. Они существуют до тех пор, пока одно из них не фиксируется нормативным орфографическим словарем. Так, известно, что до недавнего времени наблюдалось несколько вариантов написания слова *каротаж* 'совокупность физических методов исследования буровых скважин' в соответствии с его написанием во французском и английском языках: *карроттаж*, *карротаж*, *кароттаж*.

Следует также отметить, что при всем кажущемся «беспорядке» в интересующем нас написании двойных согласных есть и определенная закономерность: начиная с XIX века, происходит процесс медленного, постепенного освобождения от удвоений согласных при передаче заимствованных слов (ср., например, слова *батарея*, *арест*, *канцелярия*, *коридор*, *десерт*, *литература*, *атака*, *адрес*, *официальный* — раньше они писались с двумя согласными).

Что же касается двух разных написаний (*официальный* и *коэффициент*), отмеченных в письме, то таких примеров можно привести множество: *афиша* и *дифференциация*, *грамота* и *грамматика*, *рапорт* и *аппарат* и др. В постоянном процессе заимствования освобождение от двойных согласных происходит не в категориях однотипных слов, а в отдельных словах.

Б. З. Букчина

■ «ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ...»

Читательница Я. И. Скипор из Витебской области просит разъяснить непонятную ей форму сказуемого *будут* в тексте Вступления к поэме Пушкина «Медный всадник»:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости *будут* к нам,
И запируем на просторе.

Автор письма полагает, что здесь употреблен вспомогательный глагол *быть* в форме 3-го лица множественного числа будущего времени, а неопределенная форма глагола составного глагольного сказуемого отсутствует. На самом деле, глагол *быть* употребляется здесь не как вспомогательный, то есть не в значении связки при другом знаменательном слове, а как самостоятельный глагол, имеющий иное значение. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» это значение определяется следующим образом: «Приходить, приезжать, посещать». *Быть* в этом значении употребляется с давних пор, подтверждением чему могут служить примеры, приведенные в «Словаре русского языка XI – XVII вв.». Вот один из них: «Отпускалъ онъ сына своего Еремѣя в Мунгальское царство воевать... и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удасть ли ся имъ и с побѣдою ли будутъ домой» (Житие протопопа Аввакума, 1673).

В пушкинское время глагол *быть* в упомянутом значении употреблялся широко и свободно, о чем свидетельствует использование его Пушкиным как в разных жанрах художественной литературы, так и в частной переписке: «Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же *буду*» (Капитанская дочка); «Ну, мой

Издательство Московского университета в 1978 году выпустило книгу С. В. Смирнова «Федор Иванович Буслаев (1818—1897)». Академик Ф. И. Буслаев относится к тем представителям отечественной науки, труды которых заложили основу русской филологии и оказывают влияние на ее современное развитие. Предисловие к книге написал доктор филологических наук, профессор С. Б. Бернштейн.

В книге С. В. Смирнова представлен очерк жизни и научно-педагогической деятельности Ф. И. Буслаева, дана оценка его трудов по истории русского языка и литературы, по старой русской и славянской письменности, палеографии, фольклору,

друг Акулина, непременно *буду* в гости к твоему батюшке, к Василью-кузнецу» (Барышня-крестьянка); «Радость моя, хочется мне с вами увидеться; мне в Петербурге дела есть. Не знаю, *буду* ли к вам, а постараюсь» (Письмо Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной 21 июля 1822); «Языков *будет* в Дерпт не прежде января» (Письмо Л. С. Пушкину 1–10 ноября 1824); «Грустно мне было услышать от Жуковского, что тебя сюда не *будет*» (Письмо П. А. Плетневу около (не позднее) 11 июля 1831).

Обратим внимание, что во всех перечисленных случаях глагол *быть* употребляется только в форме будущего времени и обычно вместе с обстоятельствами места (*туда, сюда, в Дерпт, домой, к нам, к вам*). Последнее весьма существенно, так как наличие в тексте обстоятельственных слов помогает уяснить лексическое значение многозначного глагола. В тех случаях, когда пояснений подобного характера нет, как например, в поговорке «Улита едет, когда-то *будет*» или предложении типа: «Он *будет* к вечеру (ср. также во второй половине дня, после одиннадцати, завтра, у меня сегодня) допустимо и другое понимание лексического значения глагола: 'присутствовать, находиться где-н.'.

В современном литературном языке глагол *быть* в значении 'приходить, приезжать, посещать' устаревает, во всяком случае, выходит из активного употребления. Мы не говорим сейчас: *Я буду сюда не раньше вторника*. Это подтверждается и данными толковых словарей русского языка, где упомянутое значение слова иллюстрируется примерами, главным образом, из русской классической литературы XIX века.

Что касается строк из поэмы «Медный всадник», то интересно обратить внимание не только на употребление глагола *быть* в устаревшем для современного литературного языка значении.

истории русского быта и т. д. В этих областях науки ученый оставил труды первостепенного значения. «Естественно, что многие мысли Буслаева,— пишет С. В. Смирнов,— теперь уже не новы, многие сделались азбучными и элементарными, хотя в середине XIX века они представляли собой открытия. Но своей азбучностью и элементарностью они обязаны именно Буслаеву. Труды Буслаева во многом принадлежат истории, но без нее не было бы современности. В этом заключается прогресс науки».

В конце книги приведена обширная библиография трудов Ф. И. Буслаева и литература о нем.

Выразительность пушкинских стихов определяется включением в приподнятый патетический текст Вступления слов и словосочетаний, характерных для разговорной речи. Как глагол *быть* в значении 'приходить, приезжать, посещать', так и словосочетание *быть в гости к кому* (все флаги в гости будут к нам) были свойственны обиходной речи. Не случайно, по-видимому, Пушкин употребляет их преимущественно в переписке и в художественной прозе при передаче прямой речи персонажа. Вместе с тем, средства разговорной и поэтической речи тесно взаимодействуют внутри предложения. Подлежащее *все флаги* служит поэтическим обозначением кораблей или флотов всех государств (на флаге изображается эмблема государства). Предложно-падежное сочетание *в гости* употребляется в переносном значении, ведь речь идет о будущих связях России с другими государствами. При этом его прямое значение остается ощутимым: оно поддержано, оттенено глаголом *запировать* (и запируем на просторе) в следующей строке.

Н. Н. Иванова

На обложке: А. С. Пушкин. Рисунок С. Гавриловой

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12.02.79. Подписано к печати 13.4.79. Т-02755
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 9,7
Бум. л. 2,5 Тираж 80200 Заказ 1543
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10